

Тыбылты Алыксандры номыл Хуссар Ирыстоны
Паддзахадон университет
Юго-Осетинский Государственный
университет им. А.А. Тибилова

Санакоев И.Б.

ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ КУРС ЛЕКЦИЙ

*Рекомендован Учебно-методическим управлением ЮОГУ в
качестве учебного пособия для студентов гуманитарных
специальностей высших
учебных заведений*

Цхинвал 2019.

Санакоев И.Б. Грузино-осетинский конфликт: курс лекций для студентов гуманитарных специальностей. Цхинвал: ЮОГУ, 2019. - 132 с.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

1. Койбаев Б.Г., заведующий кафедрой всеобщей истории и исторической политологии СОГУ им. К. Л.Хетагурова, доктор политических наук, профессор

2. Габараев С.Н., доцент кафедры политологии и социологии ЮОГУ им. А.А.Тибилова, кандидат философских наук

Рекомендован к изданию кафедрой «Политологии и социологии» историко-юридического факультета.

Курс лекций состоит из трех разделов: «Теоретико-методологические подходы к изучению этнических конфликтов», «Причины грузино-осетинского конфликта» и «Параметры грузино-осетинского конфликта», вопросов для самопроверки и списка литературы. Предназначен для студентов гуманитарных специальностей вузов, а также широкой читательской аудитории.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Раздел I. Теоретико-методологические аспекты изучения этнических конфликтов	6
Лекция 1. Конфликтологические теории.....	-
Лекция 2. Общая теория конфликта.....	14
Лекция 3. Этнический конфликт.....	27
Раздел II. Причины грузино-осетинского конфликта	40
Лекция 4. Базовые противоречия в грузино-осетинском конфликте.....	-
Лекция 5. Конъюнктурные противоречия в грузино-осетинском конфликте.....	52
Лекция 6. Иницилирующий фактор грузино-осетинского конфликта	63
Раздел III. Параметры грузино-осетинского конфликта ..	73
Лекция 7. Конфликт этнических интересов.....	-
Лекция 8. Политические элиты в конфликте.....	88
Лекция 9. Вооруженные фазы конфликта.....	101
Лекция 10. Проблемы урегулирования грузино-осетинского конфликта.....	111
Заключение	124
Примечания	126
Рекомендуемая литература	129

Предисловие

Грузино-осетинский конфликт продолжает пребывать в зоне особого внимания ведущих политиков, аналитиков, средств массовой информации и широкой общественности. Причиной тому сохраняющаяся по сегодняшний день ситуация неурегулированности грузино-осетинских отношений, проистекающая от десятилетиями не меняющихся позиций Грузии в отношении Южной Осетии: нежелания признавать ее в качестве независимого государства и субъекта международных отношений и полного игнорирования тем самым сложившихся в зоне грузино-осетинского противостояния реалий. Тому наглядным подтверждением является позиция грузинской делегации на переговорах в Женеве, на которых Грузия вот уже на протяжении более десятка лет отказывается подписывать документ о неприменении силы против Южной Осетии. Подобная модель политического поведения Грузии никак не снимает с повестки дня актуальность грузино-осетинского конфликта, поскольку делает вполне вероятным новый его рецидив при наличии соответствующей военно-политической конъюнктуры. И это происходит несмотря на прогнозы различных экспертов и политических деятелей, неоднократно высказывавшихся о том, что грузино-осетинский конфликт идет на спад.

Очевидно, что на данный момент конфликт практически находится в замороженном состоянии, и сохраняются все предпосылки к возобновлению его открытой фазы. Это означает, по-сути, что все конфликтогенные факторы, вызвавшие в свое время открытое межэтническое столкновение, продолжают действовать в скрытой форме и подспудно влиять на ситуацию. При таком состоянии этнического конфликта его возобновление является лишь делом времени и соответствующего стечения обстоятельств.

Конфронтационное состояние отношений между Южной Осетией и Грузией закономерно вызывает множество вопросов, споров и столкновений различных, подчас противоположных, точек зрения на грузино-осетинский конфликт. Среди них наиболее значительными представляются вопросы о причинах сохраняющейся напряженности в грузино-осетинских отношениях, о том, почему отношения двух народов никак не могут выйти из состояния конфликтного противоборства? Как урегулировать и окончательно разрешить грузино-осетинский конфликт? Каковы дальнейшие перспективы и будущее грузино-осетинских отношений в целом?

В предлагаемом вниманию читателя курсе лекций автор попытался ответить на эти и другие вопросы, выявить определенный круг проблем в межэтнических отношениях, имеющих, по мнению автора, непосредственное отношение к происхождению конфликта. При этом, курс лекций опирается на прежние разработки автором данной темы в рамках кандидатской диссертации и последующей монографии и составлен в плане политологического анализа, нацеленного, в первую очередь, на изучение роли этнических идеологий и политических элит. Независимо от того, насколько удалось решить обозначенные проблемы и ответить на поставленные вопросы, автор будет считать свою задачу выполненной и цель достигнутой, если данный курс пробудит разносторонний читательский и, в особенности студенческий, интерес и будет стимулировать появление новых исследований в этой области.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Лекция 1. Конфликтологические теории и методы

- 1. Ранние социологические теории конфликтов (XIX в.)**
- 2. «Конфликтная модель общества» (XX в.)**
- 3. Методы исследования конфликтов**

1. Ранние социологические теории конфликтов (XIX в.)¹

Первые социологические теории конфликта сформировались в конце XIX – начале XX вв. Социологический подход акцентировал изучение конфликта на основе таких специфических методов, как анкетирование, статистический анализ массовых данных, интервьюирование и др. В результате, в рамках социологического подхода общая парадигма конфликта стала приобретать более конкретный и детальный образ. В прежних философских разработках представления о конфликте носили слишком обобщенный характер. В работах ранних авторов социологической школы немецких ученых Макса Вебера (1864–1920) и Георга Зиммеля (1858–1918) было доказано, что конфликты являются неизбежной частью общественной жизни.

В 1907 г. Г. Зиммель впервые употребил термин «социология конфликта». Именно поэтому многие авторы считают его основоположником конфликтологии как самостоятельной науки. *«Конфликт — пишет Георг Зиммель, — определяется как одна из форм разногласий, объединяющая противоборствующие и одновременно взаимосвязанные стороны; положительная роль конфликта заключается в стимулировании, динамичности и адаптации».*

Г. Зиммель исходил из того, что существующие в обществе множества эгоистических групп тем не менее не изолированы друг от друга, а наоборот, тесно связаны между собой тысячами незримых нитей. Именно эти пересечения групповых интересов смягчают конфликты и служат почвой для устойчивости демократических обществ. По мысли Г.Зиммеля конфликты неустрашимы, они представляют необходимое универсальное свойство социальной жизни, столь же устойчивую ее форму как власть, рынок, общественный договор: *«Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием... в ней обнаружился внутрен-*

ний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры». Современная эпоха как раз отличается крайней степенью развития этого всеобщего свойства жизни. Многочисленные последователи Г. Зиммеля обосновывали мысль о том, что важнейшая практическая цель социологии – способствовать трансформации конфликтов в сотрудничество.

Согласно М. Веберу общество представляет собой совокупность групп, различающихся своим статусом. Поэтому их интересы расходятся, что и порождает социальные конфликты. Всякие надежды на возможность их устранения из жизни общества иллюзорны. Нужно признать неизбежность существования на этой земле вечной борьбы одних людей против других. Однако интересы людей не только расходятся, но в какой-то мере и совпадают, что создает основу для баланса сил, достижения социального консенсуса. И хотя конфликты не могут быть вовсе устранены из социальной жизни, это не означает, что она характеризуется постоянной нестабильностью.

По мысли М. Вебера суть противоречий современного капиталистического общества в остроконфликтном столкновении двух культурно несовместимых типов носителей буржуазных отношений – традиционного и современного капитализма. Лишь последний тип прогрессивен, он предполагает безграничный рост интенсивности труда, столь необходимый в предпринимательстве и несовместимый с безмятежным существованием и наслаждением жизнью». Немецкий исследователь видел в социализме не решение противоречий капитализма, а, напротив, обострение проблемы. Диктатура пролетариата, по его мнению, приведет лишь к хаосу. Альтернативой ему можно рассматривать лишь «свободу личности в несвободном обществе».

К Маркс по праву считается основателем *диалектической теории конфликта*, в основе которой лежит модель конфликта революционного класса и реакционной социальной системы. В этом плане К. Маркс утверждал, что социальные противоречия, конфликты, борьба выступают источниками социального развития. Социальное развитие в основе своей обусловлено постоянным конфликтом между производственными отношениями и производительными силами конкретной общественной формации. Постоянное развитие производительных сил является непреложным социальным законом, что обуславливает постоянное противоречие между производственными отношениями и производительными силами, в совокупности составляющими способ производства общественной формации. Когда производственные отношения по мере своего развития превращаются в сдерживающий фактор развития производительных

сил, тогда они неминуемо подвергаются революционной трансформации и смене, тогда социальная система, основой которой выступает данный способ производства, через классовую, политическую, идейную борьбу также подвергается революционному переустройству и смене. Смена общественных формаций происходит через социальную революцию, которая по мысли К. Маркса выступает «локомотивом истории», и является быстрым, резким, конфликтным и тотальным сдвигом в социальных отношениях.

Классовый конфликт, по мысли К. Маркса, есть не что иное, как конфликт между реакционным классом, выражающим интересы отживших производственных отношений, и прогрессивным классом, представляющим интересы нарождающихся новых производственных отношений, соответствующих развивающимся производительным силам. За период существования конкретной общественной формации класс проходит путь от прогрессивного до реакционного, и если на начальном пути играет положительную роль в развитии, то на заключительном этапе этот класс входит в противоречие с вновь нарождающимся классом, в противоборстве с которым рано или поздно уступает свои позиции и прекращает существование. Согласно К.Марксу возможность возникновения классового конфликта присуща каждому дифференцированному (разделенному на классы) обществу, поскольку такое общество систематически порождает столкновения интересов между лицами и группами лиц, занимающими разное положение в структуре общества. По его мнению, конфликт – это неизбежная и неотвратимо действующая в социальных системах сила, которая активизируется при некоторых специфических условиях, связанных с противоречием между уровнями развития производительных сил и производственных отношений. Таким образом, диалектический подход К. Маркса заключается в признании позитивного характера социальных противоречий и конфликтного их разрешения как основы социального развития общества.

2. «Конфликтная модель общества» (XX в.)²

В середине XX в. теории конфликта сформировались в качестве самостоятельной области социологии. Эта задача была решена главным образом в работах двух выдающихся ученых – немецкого социолога Ральфа Дарендорфа (р. 1929) и американского социолога Льюиса Козера (р. 1913).

Р. Дарендорф в своих известных работах «Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» (1957), «Со-

временный социальный конфликт» (1988) и др. рассматривает конфликт в качестве главной категории социологии и называет поэтому свою социологическую концепцию теорией конфликта. Для Р. Дарендорфа наличие конфликтов – естественное состояние общества и не наличие, а отсутствие конфликтов является чем-то удивительным и ненормальным. Повод для подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых не видно проявлений конфликта. Согласно Р. Дарендорфу конфликты отнюдь не всегда являются угрозой для данной общественной системы, напротив, они могут служить одним из источников ее изменения и сохранения на основе порождаемых конфликтами позитивных изменений. В отличие от К. Маркса, Р. Дарендорф полагает, что *главным источником конфликта являются не экономические, а политические противоречия между социальными группами*, связанные с концентрацией власти у одних и ее отсутствием у других. Конфликты на экономической почве между рабочими и предпринимателями сегодня лишены прежней взрывной силы и могут быть разрешены без применения революционных методов, характерных для XIX в. Современное общество выработало рациональные методы регулирования конфликтов с участием в этом процессе властных структур.

Основные положения теории социального конфликта Р. Дарендорфа можно свести к следующему:

1. Поскольку отличительная черта любого общества – отношения господства и подчинения, его атрибутом является конфликт.

2. Основой социальной жизни, ее конфликтности являются властные отношения, господство одних групп над другими: хозяев – над работниками, офицеров – над солдатами, преподавателей – над студентами, государственных чиновников – над всем остальным обществом.

3. Общество представляет собой систему конфликтующих групп. Конфликты неизбежны, универсальны. Существует множество разновидностей конфликтов, в том числе внутриличностные, внутригрупповые, межличностные и межгрупповые, на уровне общества в целом, межгосударственные и др. Поэтому правильнее говорить не о разрешении конфликтов, а об их регулировании, поскольку конфликты полностью никогда не исчезают.

4. Общность интересов людей, образующих одну группу, и различия интересов разных групп по мере их осознания ведут к образованию различного рода организационных структур, профсоюзов, партий, лоббистских объединений и т. п. Именно эти

структуры способствуют обострению конфликтов, особенно в условиях чрезмерной концентрации власти в руках немногих и отсутствия у других групп не только самой власти, но и возможности ее получить.

Классическим произведением современной конфликтологии стала работа Л. Козера «Функции социального конфликта» (1956). Развивая идеи М. Вебера и Г. Зиммеля о всеобщности и универсальности конфликта, американский социолог дал в своей работе глубокое обоснование позитивной роли конфликтного взаимодействия в жизни общества. Им был сформулирован ряд положений, ставших теоретическим фундаментом современной науки о конфликте:

1. Постоянным источником социальных конфликтов является неустранимый дефицит ресурсов, власти, ценностей, престижа, всегда существующий в любом обществе. Поэтому пока существует общество, будет существовать в нем и определенная напряженность, время от времени перерастающая в конфликты. Особую роль в постоянной борьбе за эти дефицитные ресурсы имеет стремление людей к власти и престижу.

2. Хотя конфликты существуют в любом обществе, их роль в недемократическом, «закрытом», и демократическом, «открытом», обществе различна. В «закрытом», особенно в тоталитарном обществе, которое расколото на два враждебных, противоположных лагеря, конфликты носят революционно-насильственный, разрушительный характер. В «открытом» обществе, хотя и возникает множество конфликтов, они разрешаются конструктивным путем.

3. Конструктивные и разрушительные результаты конфликта глубоко различаются между собой. Главная задача конфликтологии и состоит в разработке рекомендаций по ограничению негативных и использованию позитивных функций конфликтов.

Теории конфликта, разработанные Р. Дарендорфом и Л. Козером, имели определенную критическую направленность. Они противопоставлялись как марксистской теории классовой борьбы, доминировавшей во второй половине XX в. в социалистических странах, так и концепциям социального согласия и «человеческих отношений», которые пользовались влиянием на Западе.

Концепции социального согласия и «человеческих отношений» наиболее полно были представлены американскими социологами Толкоттом Парсоном (1902–1979) и Элтоном Мэйно (1880–1949).

Т. Парсонс в своей работе «Структура социального действия» (1937) трактовал конфликт как социальную аномалию,

своего рода социальную болезнь, которую надо лечить. Нормой, с его точки зрения, являются как раз бесконфликтность, гармония социальной системы, снятие социальной напряженности.

Основатель теории «человеческих отношений» Э. Мэйо также утверждал, что главная проблема современности – установление мира в промышленности, преодоление опасной социальной болезни – конфликтности. По его мнению, социальное здоровье – это «*социальное равновесие*», «*состояние сотрудничества*». К нему и нужно всячески стремиться, используя не только экономические, но и психологические методы, в частности, формирование благоприятного психологического климата в производственных коллективах, чувства удовлетворенности трудом, демократического стиля руководства и т. п. Его идеи нашли определенную поддержку у менеджеров-практиков.

Однако со временем, примерно с 1950-х годов, надежды, связанные с теорией социального сотрудничества, человеческих отношений, общественного согласия стали ослабевать, поскольку на их основе полностью преодолеть конфликты как на производстве, так и в обществе в целом не удалось. Поэтому пришлось вновь вернуться к «конфликтной модели общества», которая и была представлена в наиболее развернутом виде в работах Р. Дарендорфа и Л. Козера.

Серьезный вклад в систематизацию теории конфликтного взаимодействия внес Кеннет Боулдинг, американский социолог и экономист, выдвинувший т.н. «общую теорию конфликта». Согласно К. Боулдингу конфликты носят всеобщий, универсальный характер и свойственны всем проявлениям живой и неживой природы. Конфликты также вездесущи, поскольку стремление к постоянной вражде и борьбе с себе подобными непреодолимо, а эскалация насилия лежит в самой природе человека.

Вместе с тем он отмечает, что конфликты возникают и развиваются по общим образцам, проявляются через единые элементы, неотделимы от социальных условий, их можно предупредить и преодолеть. По К. Боулдингу, основу социальной терапии по предотвращению конфликтов составляют три момента: понимание причин возникающих конфликтов, разумный выбор способов их устранения и нравственное совершенствование людей. К. Боулдинг также определил так называемую *простую формулу конфликта*: Противоречие + Конфликтная ситуация + Инцидент = Конфликт как открытое столкновение двух несовместимых позиций.

3. Методы исследования конфликтов³

Структурно-функциональный метод позволяет выявить структурные элементы конфликта, способствует выявлению основных элементов конфликтного взаимодействия. Данный метод позволяет рассматривать явления в статике, как находящиеся в состоянии покоя. Преимущество этого метода в том, что он помогает найти некоторые устойчивые составляющие даже в таком подвижном явлении, как социальный конфликт. Структурно-функциональный метод позволяет выявить совокупность таких компонентов, как объект конфликта, состав его участников, уровень напряженности конфликтного взаимодействия и т.п., все то, что и образует структуру конфликта, а исполняемая этими элементами роль и есть их функция в конфликте. Выявление структурных элементов и их функций в конфликте является важнейшей предпосылкой его успешного регулирования. Слабым местом структурно-функционального метода является статичное внепроцессуальное рассмотрение социальных явлений.

Процессуально - динамический метод дает определение основных этапов или стадий развития конфликта. Например, конфликт, начавшийся с митингов протеста, может продолжиться в виде массовых демонстраций и завершиться силовыми столкновениями. Динамика конфликта может выразиться как в виде его эскалации, так и в направлении снижения уровня, разрядки напряженности.

Метод типологизации позволяет дать классификацию форм конфликтов, обеспечивает группировку, классификацию как видов конфликтных личностей, так и форм конфликтного взаимодействия. Типологизация способствует более глубокому уяснению их устойчивых, сущностных признаков конфликта, проявляющихся в многообразии форм социального противостояния. Метод типологизации служит связующим звеном эмпирического, конкретно-социологического и теоретического уровней исследования, обеспечивающим поиск общего в особенном и единичном.

Прогностический метод обеспечивает научное прогнозирование вероятностного характера общественного развития, опирается на результаты предварительного глубокого структурного, генетического и типологического анализа. Причем научное прогнозирование исходит из признания вероятностного характера общественного развития и необходимости в связи с этим учета ряда возможных альтернатив в развитии конфликта. Описывая возможные варианты развития конфликтного взаимодействия, прогностический подход вместе с тем описывает оптимальные

пути и средства урегулирования конфликта. Прогнозы могут быть подразделены на кратко-, средне- и долгосрочные. Прогнозирование может использовать методики экспертных оценок, математическое моделирование и другие.

Разрешительный метод, или метод регулирования конфликта предполагает выработку стратегий выхода из конфликта, таких как стратегий ухода от конфликта, его силового подавления или же стратегий компромисса, взаимных уступок. Последние наиболее часто используются в демократических странах. Данный метод также акцентирует различные приемы предупреждения и разрешения конфликта, в связи с его особой практической значимостью. Важнейшей частью данного метода является методологическая стратегия. Ее реализация предполагает использование целого арсенала конкретных методик и процедур, составляющих тактику конфликтологического исследования.

Выводы

Рассмотренные выше конфликтологические теории фокусируются на ряде основных положений:

1. Стабильность всего общества зависит от количества существующих в нем конфликтных отношений и типов связей между ними. Чем больше различных конфликтов пересекается в обществе, тем более сложным является его деление на группы, тем труднее разделить членов общества на два лагеря. Значит, чем больше независимых друг от друга конфликтов, тем лучше для единства общества.

2. Конфликт исходит от самого человека, поскольку в природе человека заложено стремление к противостоянию с себе подобными индивидами.

3. Конфликт это столкновение интересов: конфликтом называют ситуацию, при которой каждый из участников пытается получить что-то несовместимое и противоположное с интересами другого участника.

Контрольные вопросы

1. *Социологические теории конфликтов Г.Зиммеля, М.Вебера и К.Маркса (XIX в.)*
2. *Теории «конфликтной модели общества» (XX в.)*
3. *Методы исследования конфликтов*

Лекция 2. Общая теория конфликта

1. Структура конфликта

2. Динамика конфликта

3. Конфликтные акции сторон

1. Структура конфликта⁴

Причины конфликта. Причинами конфликта, как правило, являются противоречия, которые лежат в его основании и составляют фундамент конфликта. При этом под противоречием следует понимать взаимодействие противоположно направленных тенденций, стремлений и действий, находящихся вместе с тем в единстве. По своим основным характеристикам причины конфликта подразделяются на следующие виды:

1. базовые противоречия носят глубинный и долговременный характер;
2. конъюнктурные противоречия привязаны к текущим проблемам (неравенству в различных сферах);
3. иницирующие факторы конфликта представлены конфликтными акциями сторон.

Противоречия могут меняться в ходе исторического развития. Так, например, в период XVI – начале XVII вв. основные мировые противоречия концентрировались преимущественно в религиозной сфере. В период конца XVII – XVIII вв. мировые противоречия переместились в сферу династической власти. Для XIX века наиболее характерными стали противоречия в развитии национальных государств. В XX в. доминирующими оказались идеологические противоречия между Востоком и Западом, выразившиеся в «холодной войне».

Следует иметь ввиду, что хотя в основе любого конфликта и лежит противоречие, при этом не всякое противоречие перерастает в конфликт. Противоречия могут выступать в виде разногласий, которые, не достигая конфликтной формы, вполне можно урегулировать мирными средствами – путем переговоров, консультаций, дискуссий и подобных процедур. То есть, противоречия лишь порождают конфликтную ситуацию, в которой может развиваться конфликт, но такой поворот событий вовсе не обязателен. Для того чтобы имеющиеся противоречия переросли в конфликт необходимо, во-первых, осознание этих противоречий участниками, во-вторых, стремление сторон разрешать имеющиеся противоречия конфликтным образом. Поэтому разрешение противоречий помогает предотвратить конфликт. Следовательно, практическая задача состоит не в том,

чтобы избавиться от противоречий, а в том, чтобы сделать их продуктивными и поддающимися разрешению мирными средствами.

Существуют различные типы противоречий:

1. Функциональные противоречия между государством и обществом, когда формы и методы действия государственной власти перестают удовлетворять потребностям нормального развития общества, задачам поддержания стабильности в обществе и консенсуса между различными социальными и политическими силами.

2. Структурные противоречия между государством и социально-экономической системой означают, что устройство государственной власти пришло в несоответствие социально-экономическому строю. Это происходит в результате качественных изменений в технологиях, структуре и способе производства, а также значительных трансформаций в социально-классовой структуре общества. Новые социальные группы начинают претендовать на свою долю во власти, защиту своих интересов в соответствии со своим возросшим социальным статусом. Обострение структурных противоречий означает по-сути собой завершение определенной стадии в развитии социума и начало перехода в новую стадию.

3. Системные противоречия между государством и обществом, когда неразрешенные структурные противоречия перерастают в системные. Возникновение системных противоречий означает, что между государством и обществом разрушена системообразующая связь. Системные противоречия неразрешимы в границах прежнего социально-экономического устройства. По всем законам общество вынуждается к переходу в новую стадию социально-экономического развития.

Предмет и объект конфликта. Предмет и объект составляют основное содержание конфликта. При этом предмет конфликта - реальная или воображаемая социальная, экономическая, политическая проблема: властные отношения, выяснение типа межнациональных отношений (равноправные или господства/подчинения). Под объектом конфликта понимают ту ценность, по поводу которой возникает столкновение интересов участников конфликта. Объектами конфликта могут быть ценности самого различного вида: материальные, духовные, объективные, субъективные, статусные, ресурсные, религиозные, политические и т.д. Объект конфликта не существует безотносительно его субъектов. Напротив, он всегда связан с интересами участников конфликта, причем эти интересы находятся в противоречии. Объект конфликта всегда имеется в

ограниченном (дефицитном) количестве или качестве и не способен одновременно удовлетворить обе стороны, участвующие в конфликте.

Субъекты (участники) конфликта. Современная конфликтология подразделяют всех участников конфликта на основных (прямых) и неосновных (косвенных). Основные участники конфликта - это всегда прямые, непосредственные стороны, участвующие в противоборстве. Им принадлежит решающая и наиболее активная роль в его возникновении и развитии. Основные участники конфликта являются его главными действующими лицами и противоречие именно их интересов лежит в основе противоборства. Поэтому основных участников именуют субъектами, или оппонентами конфликта.

К неосновным участникам конфликта относятся все остальные участники конфликта. Их часто именуют также косвенными участниками конфликта. По определению им принадлежит второстепенная роль в возникновении и развитии конфликта. Часто неосновных участников конфликта называют еще третьей стороной.

В реальной динамике конфликта грань между основными и неосновными участниками часто оказывается подвижной и относительной. В процессе развития конфликта основные и неосновные действующие лица могут меняться местами. Конфликт, возникший на бытовом уровне между двумя соседями, может со временем перерасти в межгрупповой конфликт между этническими общностями, в котором уже мало кто вспомнит о первоначальных субъектах. В свою очередь межгрупповой конфликт может перерасти в международный и тогда на авансцену выдвинутся уже другие его субъекты.

Роль неосновных участников конфликта может быть как конструктивной (положительной), так и деструктивной (отрицательной) — они могут способствовать не только разрешению или предупреждению конфликта, но и его обострению и дальнейшему развитию. При этом результат вмешательства неосновного участника в конфликт может и не совпадать с его целями.

Важную роль в возникновении и развитии конфликта играют и другие его участники: инициаторы (зачинщики), организаторы, пособники, посредники (медиаторы).

1) *Инициаторы* (зачинщики) — те участники конфликта, которые берут на себя инициативу в развязывании конфликта между другими лицами, группами или государствами. Ими могут быть как отдельные лица, так и различные объединения и даже государства. Это могут быть как основные, так и неосновные участники. После того как конфликт возник, инициатор

конфликта может и не участвовать в нем. Человек, затеявший склоку в коллективе, может затем уйти в тень или вообще уволиться с работы, а конфликт будет продолжаться и без него.

2) *Организаторы* — группа лиц (или отдельное лицо), разрабатывающая общий план противоборства с оппонентом с целью разрешения противоречия в свою пользу. Организовать конфликт — значит продумать всю его динамику таким образом, чтобы предполагаемые выгоды в результате его окончания были больше, нежели потери. Организаторами могут выступать как основные, так и неосновные участники конфликта.

3) *Пособники* — лица, которые помогают участникам конфликта в его развязывании, организации и развитии. Пособниками могут выступать как спонтанные группы лиц, так и специально созданные, а также отдельные личности. Помощь, оказываемая пособниками, может носить самый разный характер: материальная, идеологическая, нравственная, ресурсная, информационная, административная и т.д. Пособниками были страны, которые оказывали ту или иную помощь гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

4) *Посредники* (медиаторы) — третья сторона в конфликте и его косвенные участники. Роль посредника — это роль авторитетного помощника, призываемого субъектами конфликта для разрешения проблемы. В этой роли могут выступать как отдельные лица, так и организации и государства. Важная черта посредника — это его авторитет, признанный обеими сторонами конфликта. Поэтому в качестве медиатора могут выступать только люди или организации, которые выбираются обоими субъектами конфликта. При этом в качестве посредника могут выступать как официальные лица и организации, так и неофициальные. Такими посредниками на самых разных уровнях и в самом разном качестве могут быть: маги, колдуны, старейшины, «воры в законе», священнослужители, видные деятели культуры, государственные деятели, международные организации типа ООН и т.д.

Среда конфликта. Еще один объективный элемент конфликта — его среда, включающая совокупность объективных условий конфликта. Среда конфликта оказывает существенное влияние на причины его возникновения и всю динамику. С точки зрения уровней социальной системы различают микро- и макросреду конфликта.

Микросреда конфликта — это совокупность условий взаимодействия людей, непосредственно влияющих на межличностный и межгрупповой конфликт. Масштаб микросреды — это малая социальная группа.

Макросреда конфликта включает в себя те условия, которые влияют на развитие конфликтов между большими социальными группами и государствами. Хотя опосредствовано макросреда влияет, конечно, и на развитие конфликтов на уровне отдельных личностей и малых групп.

По природе составляющих ее компонентов можно выделить три вида среды конфликта: физическую, общественно-психологическую и социальную. Все они проявляются как на микро-, так и на макроуровнях социальной системы и могут служить не только условиями протекания конфликта, но его объектом. Так, борьба может вестись за чистый воздух, улучшение социально-психологического климата на предприятии или социальных условий жизни людей.

2. Динамика конфликта⁵

Конфликт представляет собой процесс, состоящий из определенных этапов. Динамика конфликта — это и есть процесс его изменения. Всякий конфликт в собственном смысле слова может быть представлен тремя этапами: 1) начало, 2) развитие, 3) завершение. К собственно конфликту примыкают еще два периода: 1) предконфликтный и 2) послеконфликтный. Таким образом, общая схема динамики конфликта складывается из следующих периодов:

1) предконфликтная ситуация (латентный период);

2) открытый конфликт (собственно конфликт): инцидент (начало конфликта), эскалация (развитие) конфликта, завершение конфликта;

3) послеконфликтный период.

Предконфликтная ситуация. Предконфликтная ситуация — это возможность, а не действительность конфликта, который не возникает на пустом месте, а вызревает постепенно, по мере развития и обострения противоречий, его вызывающих. Эти противоречия и факты, приводящие к противоборству, вначале не обнаруживаются ясно и отчетливо, они скрыты за множеством случайных и второстепенных явлений. Это период накопления факторов и процессов, которые могут привести к конфликту. Поэтому довольно часто и вполне справедливо его называют латентным периодом конфликта, предконфликтным периодом или инкубационным состоянием конфликта. В предконфликтной ситуации будущие оппоненты конфликта еще не осознают в полной мере последствий уже наметившихся в действительности различий и даже противоречий интересов. Предконфликтная ситуация характеризуется, таким образом,

тем, что она создает реальную возможность конфликта. Но она может быть разрешена и «мирным», бесконфликтным путем, ели условия, породившие ее, исчезнут сами по себе или будут «сняты» в результате осознания ситуации в качестве предконфликтной.

Открытый конфликт. Если намечающиеся на предконфликтной стадии противоречия интересов разрешить не удастся, рано или поздно предконфликтная ситуация переходит в открытый конфликт. Противоречие интересов достигает такой степени зрелости, что их уже невозможно не замечать или скрывать. Они становятся фактором, мешающим нормальному взаимодействию, стороны которого превращаются с этих пор в открытых оппонентов, противостоящих друг другу. Каждая сторона начинает открыто защищать свои собственные интересы.

На этой стадии развития конфликта его оппоненты начинают апеллировать к третьей стороне, обращаться в различные стороны для защиты или утверждения своих интересов. Каждый из субъектов противоборства старается привлечь на свою сторону как можно больше союзников и средств давления на другого, в том числе материальные, финансовые, политические, информационные, административные и другие ресурсы. В ход пускаются не только «дозволенные», общепринятые, но и «грязные» средства, способы и технологии давления на оппонента, который с этого времени считается не иначе как «противником», «врагом». На стадии открытого конфликта становится также очевидным, что ни одна из сторон не хочет идти на уступки или компромисс, напротив, доминирует установка на противоборство, на утверждение собственных интересов.

Внутри этого открытого периода можно выделить свои внутренние этапы, характеризующиеся различной степенью напряженности, которые в конфликтологии обозначаются как: 1) инцидент, 2) эскалация и 3) завершение конфликта.

Инцидент. Переход конфликта из латентного состояния в открытое противоборств происходит в результате того или иного инцидента (от лат. *incidens* — случай, случающийся). Инцидент — это тот случай, который инициирует открытое противоборство сторон. Инцидент обнажает позиции сторон и делает явным деление на «своих» и «чужих», друзей и врагов, союзников и противников. После инцидента становится ясным «кто есть кто», ибо маски уже сброшены. Однако реальные силы оппонентов еще до конца не известны и неясно, как далеко в противоборстве может пойти тот или иной участник конфликта. И эта неопределенность истинных сил и ресурсов (материальных, физических, финансовых, психических, информационных

и т.д.) противника является весьма важным фактором сдерживания развития конфликта на его начальной стадии. Вместе с тем эта неопределенность способствует и дальнейшему развитию конфликта. Поскольку ясно, что если бы обе стороны имели четкое представление о потенциале противника, его ресурсах, то многие конфликты были бы прекращены с самого начала. Более слабая сторона не стала бы во многих случаях усугублять бесполезное противоборство, а сильная сторона, не долго думая, подавила бы противника своей мощью. В обоих случаях инцидент был бы достаточно быстро исчерпан. Таким образом, инцидент часто создает амбивалентную ситуацию в установках и действиях оппонентов конфликта. Если после инцидента найти компромисс и предотвратить дальнейшее развитие конфликта не удалось, то за первым инцидентом следуют второй, третий и т. д. Конфликт вступает в следующий этап — происходит его эскалация (нарастание).

Эскалация конфликта — это ключевая, самая напряженная его стадия, когда происходит обострение всех противоречий между его участниками и используются все возможности для победы в противоборстве. На этой стадии становятся затруднительными какие-либо переговоры или иные мирные способы разрешения конфликта. Эмоции часто начинают заглушать разум, логика уступает чувствам. Главная задача состоит в том, чтобы любой ценой нанести как можно больший вред противнику. Поэтому на этой стадии могут теряться первоначальная причина и основная цель конфликта и на первое место выдвигаться новые причины и новые цели. В процессе этой стадии конфликта возможно и изменение ценностных ориентации, в частности, ценности-средства и ценности-цели могут меняться местами. Развитие конфликта приобретает спонтанный неуправляемый характер.

Среди основных моментов, характеризующих этап эскалации конфликта, можно выделить в первую очередь следующие: создание образа врага, демонстрацию силы и угрозу ее применения, применение насилия, тенденцию к расширению и углублению конфликта.

Создание образа врага. Это один из важнейших моментов этапа развития конфликта. Он начинает формироваться еще на его ранней стадии и окончательно складывается в период эскалации. На важную роль и необходимость создания образа врага обращал внимание еще Г. Зиммель: «Существование неких врагов в качестве обязательного элемента необходимо для поддержания эффективного единства членов группы и для осознания ими этого единства как одного из своих жизненных

интересов, может даже считаться проявлением политической мудрости для некоторых групп».

Действительно, внутреннее единство группы будет укрепляться, если на идеологическом уровне создан и постоянно поддерживается образ врага, с которым нужно вести борьбу и против которого следует объединяться. Образ врага создает дополнительные социально-психологические и идеологические факторы для сплоченности группы, организации или общества. В этом случае их члены осознают, что они борются не только (и даже не столько) за свои собственные интересы, а за «правое дело», за страну, народ, за великую и высшую цель, являющуюся стержнем объединения группы. При наличии образа врага предмет противостояния приобретает, таким образом, внеличный, объективный характер. А это, по замечанию Зиммеля, способствует тому, что борьба приобретает более острый характер.

Но создание образа врага (как истинного, так и придуманного) является эффективным средством не только на самом высшем этапе развития конфликта — эскалации, Это средство часто принимается и на более ранних стадиях, когда становится уже ясно, что конфликт неизбежен. В этом случае оно используется для обработки общественного мнения, для того, чтобы показать и объяснить, кто «плохой», а кто «хороший». После этого гораздо легче развязать полномасштабный конфликт, что особенно важно, если речь идет о насилии, военных действиях.

Демонстрация силы и угроза ее применения. Это следующий важный элемент и характеристика эскалации конфликта. Одна из сторон или оба оппонента конфликта в целях устрашения противника постоянно пытаются показать, что мощь и ресурсы одной стороны превосходят другую сторону. При этом каждый надеется, что такая его позиция приведет к капитуляции противника. Однако, как правило, «бряцание оружием» приводит к тому, что противник мобилизует собственные ресурсы, что ведет к дальнейшей эскалации конфликта. В психологическом плане демонстрация силы или угроза применения связана с нагнетанием эмоциональной напряженности, вражды и ненависти к противнику.

Часто этот прием реализуется через объявления различного рода ультиматумов другой стороне, причем как во внутригрупповом, так и в межгрупповом конфликте. В международном конфликте также используются ультиматумы — требования одного государства к другому, сопровождаемые угрозой разрыва дипломатических отношений или применения вооруженной силы в случае их невыполнения

Понятно, что к ультиматуму может прибегать только та сторона, которая в каком-либо отношении сильнее другой. Поэтому обычно объявление ультиматума — это удел сильных. Хотя не всегда речь идет о физической или вообще материальной силе. Естественной реакцией на демонстрацию силы и угрозу ее применения является попытка защититься. Но, как известно, лучший способ защиты — нападение. И это действительно так, если мощь и ресурсы угрожающего противника намного не превышают или вообще не превосходят силу того, кому угрожают. Поэтому угроза силой чаще всего провоцирует насилие и дальнейшую эскалацию конфликта.

Применение насилия — еще одна существенная характеристика этапа эскалации конфликта. Насилие выступает наиболее жестким способом подчинения одних другими. Это самый последний аргумент в споре и его применение свидетельствует о том, что наступила предельная стадия в эскалации конфликта, высшая фаза его развития. Речь идет не только о физическом насилии. Имеются в виду самые различные его виды: экономическое, политическое, моральное, психологическое и др. Насилие может выступать в замаскированной форме, когда создаются определенные условия, ограничивающие права людей или создающие препятствия для утверждения их законных интересов. Эта форма получила название структурного насилия. Насилие как высшая стадия эскалации конфликта проявляется не только в различных формах, но и видах. Оно может охватывать самые различные сферы человеческой деятельности (экономическую, политическую, бытовую и т.д.) и уровни организации социальной системы (индивида, группу, общность, общество).

Тенденция к расширению и углублению конфликта — еще один этап эскалации конфликта. Конфликт не существует в постоянных рамках и в одном состоянии. Начавшись в одном месте, он начинает «расползаться», охватывать новые сферы, территории, социальные уровни и даже страны. Возникнув, например, как сугубо производственный деловой конфликт между двумя членами организации, он в дальнейшем может охватывать социально-психологическую и идеологическую сферу, с межличностного уровня перейти на межгрупповой уровень и т.д.

Завершение конфликта. Это последний этап открытого периода конфликта. Он означает любое его окончание и может выражаться в коренной перемене ценностей субъектами противоборства, появлении реальных условий его прекращения или сил, способных это сделать. Часто завершение конфликта характеризуется тем, что обе стороны осознали безре-

зультатность продолжения конфликта и вообще, что «так больше жить нельзя». Хотя завершение конфликта, вообще говоря, может быть связано и с уничтожением одного или даже обоих его субъектов.

Послеконфликтный период. Последней стадией в динамике конфликта является послеконфликтный период, когда ликвидируются основные виды напряженности, отношения между сторонами окончательно нормализуются и начинают преобладать сотрудничество и доверие. Однако следует иметь в виду, что не всегда завершение конфликта приводит к миру и согласию. Случается и так, что окончание одного (первичного) конфликта может дать толчок другим, производным конфликтам, причем совершенно в других сферах жизнедеятельности людей.

Постконфликтный синдром. За завершением конфликта может следовать, таким образом, постконфликтный синдром, выражающийся в напряженных взаимоотношениях бывших оппонентов конфликта. А при обострении противоречий между ними постконфликтный синдром может стать источником следующего конфликта, причем с другим объектом, на новом уровне и с новым составом участников.

Разрешение этноконфликта. Разрешение является средством завершения этноконфликта. Существуют различные стратегии разрешения этноконфликта:

1. *Стратегия разрешения конфликта* - разрешение конфликта, основанное на устранении его причин и недопущении последующих столкновений сторон. Суть стратегии разрешения конфликта состоит в воздействии на его причины и участников. Разрешение конфликтов подразумевает деятельность, направленную на ликвидацию источника конфликтных отношений, полное удовлетворение интересов и потребностей конфликтующих сторон.

2. *Стратегия урегулирования* основана на достижении компромисса и взаимоприемлемых договоренностей, выполнение которых более выгодно сторонам, чем продолжение конфликта. Урегулирование конфликта используется чаще, чем его разрешение.

3. *Стратегия управления конфликтом* основана на воздействии на конфликт, не поддающийся ни разрешению, ни урегулированию. При том цели управления конфликтом сводятся как правило к :

- выходу из насильственной фазы конфликта (миротворчество);
- продолжению насильственной фазы конфликта (подстрекательство);

- трансформации конфликта в новое качество;
- переводу конфликта в латентное состояние (замороженный конфликт).

4. *Стратегия ликвидации конфликта* основана на насильственном преодолении всех его противоречий по различным сценариям:

- сценарий «выигрыш-проигрыш» - уничтожение одной из противоборствующих сторон в результате победы другой;
- сценарий «проигрыш-проигрыш» - уничтожение обеих противоборствующих сторон.

3. Конфликтные акции сторон

Конфликтные акции сторон имеют специфическую природу и по форме представляют собой требования по изменению/сохранению существующего статус-кво. Требования по изменению статус-кво могут выдвинуть как обе стороны, так и одна сторона, при этом каждая сторона требует изменить статус-кво в свою пользу.

Конфликтным акциям всегда предшествует инцидент, имеющий естественную или же искусственную природу. Как правило, это некоторое событие, которое может быть использовано сторонами для начала конфликтных действий. Данное событие может произойти само по себе в силу естественного хода событий в условиях роста межэтнической напряженности. Инцидент может быть также искусственно создан и реализован стороной, наиболее заинтересованной в конфликте.

Конфликтные акции всегда обладают разнонаправленными векторами, то есть, направлены друг против друга. Разнонаправленность акций сторон бывает обусловлена длительностью накопившихся противоречий, происходит в силу прекращения диалога между сторонами и утраты элементарного доверия между ними, а также бывает обусловлена резким изменением в соотношении сил между сторонами, когда у сторон могут возникнуть иллюзии быстрой и легкой победы.

Конфликтные акции сторон всегда глубоко эмоционально заряжены, сопровождаются высоким психоэмоциональным накалом и всплеском массовых эмоций. Конфликтные акции, как правило, сопровождаются включением в конфликт широких масс и, в первую очередь маргинальных. Участие маргинальных слоев населения приводит к формированию «эффекта толпы», который начинает существенно влиять на весь характер конфликтных акций.

Конфликтные акции сторон зачастую носят противоречивый и иррациональный характер. Стороны в конфликте часто дей-

ствуют вопреки логике и здравому смыслу. Иррациональные действия сторон в конфликте зачастую обуславливают излишние потери сторон и чрезмерное количество жертв. Излишней иррационализации конфликта способствует также участие маргиналов, создающих «эффект толпы».

Источниками конфликтных акций могут стать различные явления и процессы, такие как:

1. распады государств, меняющие статус-кво, к примеру, распад СССР послужил реальной основой роста конфликтного противостояния во многих его регионах;

2. изменения качества этнических элит (смена элит)

- приход к власти амбициозных лидеров

- приход к власти радикальных националистов

- стремление удержать власть неэффективными элитами;

3. Возникновение различного рода внешних или внутренних угроз

- попытки аннексии извне этнических территорий

- нарушение политической стабильности этнических территорий.

Конфликтные акции сторон обладают также специфическими механизмами разворачивания. Одним из важнейших механизмов разворачивания конфликтных акций становится дихотомия «мы- они». Особенностью действия данного механизма является создание двух ярких и эмоционально насыщенных стереотипов: *позитивного автостереотипа и негативного гетеростереотипа*. На практике это приводит к завышенной самооценке «своих» и необъективно низкой оценке «чужих». Данная дихотомия также характеризуется использованием двойного стандарта в подходах к «своим» и «чужим». К примеру, то, что позволительно «своим», непозволительно «чужим».

Другим активным механизмом разворачивания конфликтных акций является *принцип «воронки»*, который реализуется в несколько этапов. На первом этапе происходит образование «воронки противостояния», начинается накопление обид, формируется «образ врага». На втором этапе стороны плодят своих антидвойников. На третьем этапе противостояние перерастает в антагонизм и события отныне разворачиваются по принципу «зеркального отражения», когда практически все твои дела и поступки бумерангом возвращаются. В этой «войне двойников» действие всегда равно противодействию. Здесь уже окончательно пропадают правые и виноватые, остаются лишь бедствующие.

Еще один активно функционирующий механизм разворачивания конфликтных акций – это *принцип «зеркального отраже-*

ния». Данный принцип впервые был изучен американским ученым Ю. Бронфенбренером на примере взаимного восприятия американцев и русских в 1960-х гг. Затем был подтвержден другими аналогичными исследованиями, в частности при анализе сообщений в армянской и азербайджанской прессе по поводу конфликта в Нагорном Карабахе. Во всех этих исследованиях были получены практически одни и те же результаты: каждая сторона обвиняла противника в тех же грехах, в которых он обвинял ее.

Выводы

Основными составляющими феномена конфликта следует признать особенности его структуры, динамики и специфики конфликтных акций сторон-участников конфликта. По своей структуре конфликт представляет собой достаточно сложное, многомерное и многоуровневое социальное явление, оказывающее значительное воздействие практически на все стороны жизнедеятельности человеческого социума. По своей динамике и характеру практической эволюции конфликт предстает как широкомасштабный социально-психологический процесс, характеризующийся значительным иррационализмом и накалом массовых эмоций. Основным стержнем эволюции конфликта становятся неизбежно конфликтные акции сторон, имеющие также специфическую природу и механизмы разворачивания.

Контрольные вопросы

- 1. Основные составляющие структуры конфликта*
- 2. Направления эволюции и динамики конфликта*
- 3. Природа конфликтных акций сторон-участников конфликта*

Лекция 3. Этнический конфликт⁶

1. Понятия этноса и нации

2. Критерии типологизации этнических конфликтов

3. Причины межэтнических конфликтов

4. Особенности развития межэтнического конфликта

5. Способы урегулирования межэтнических конфликтов

1. Понятия этноса и нации

До конца 1960 – начала 1970-х годов термин этнос, или этничность редко употреблялся в научно-исследовательских работах, и поэтому четкого его определения просто не существовало. С середины 1970-х годов концепция этничности стала все более использоваться в научной теории, скорее как ответ на меняющуюся геополитическую ситуацию постколониального мира и политическую активизацию этнических меньшинств промышленно развитых стран. Появились различные подходы к изучению этничности, призванные объяснить сложную природу социальных и политических изменений, формирование и роль групповых коалиций, социальный конфликт, расовые и культурные взаимодействия и т. п. Конец «холодной войны» и распад СССР и Югославии, а также этнические конфликты и войны последних трех десятилетий сделали интерес к данной теме и к ее исследованию особенно важным.

Несмотря на долгую историю науки этнологии общепризнанного понятия «этнос» так и не выработано. Разные этнологические школы выдвигают на первый план то объективные индикаторы этничности (общность территории, языка, религии, культуры и др.), то субъективные (самоидентификации, общность духа, чувство солидарности), то природные, то исторические. Однако очевидно, что этническая идентичность задается внутригрупповыми нормами поведения. Ведущий российский специалист в области этнологии и антропологии В. А. Тишков полагает, что этничность утверждает себя вполне определенно как устойчивая совокупность поведенческих норм или социально-нормативной культуры, которая поддерживается определенными кругами внутриэтнической информационной структуры (языковые, родственные или другие контакты. Дополнительные прочность и единство этносу придают общность истории и сплоченность вокруг общих символов.

Основным фактором этнической самоидентификации является этническое самосознание – чувство принадлежности к

определенному этносу. Этническое самосознание долгое время не рассматривали в качестве признака этноса. В последнее время этническое самосознание все чаще включается в число этнических признаков, причем высказывается мысль о том, что этот признак является наиболее важным, ведущим. Так, суммарное влияние таких признаков как язык, территория, совокупность черт культуры, присущая определенным этносам, на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления – этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность.

Значительную роль в определении феномена этничности играет психологическая роль стереотипа. Психологическая роль стереотипа заключается в возможности быстрого и шаблонного реагирования на объект в изменяющихся условиях. У. Липман – основоположник теории этнических и социальных стереотипов – считал, что они в рамках каждой культуры создаются как определенные устойчивые упрощенные образы идентификации других и как предписание норм отношения к ним в стандартных социокультурных ситуациях. Стереотипы служат для упрощения повседневной жизни людей, иными словами, люди воспринимают ситуации обыденной жизни через идентифицирующие их стереотипы.

Национально-этнические стереотипы представляют собой относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих членам различных этнических групп. Стереотипы складываются в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и предвзятых представлений, принятых в этнической общности. Стереотип фиксирует некоторые не всегда существенные, но значимые, с точки зрения членов общности, черты социального объекта. Стереотипы усваиваются человеком с детства и впоследствии функционируют преимущественно на подсознательном уровне. Поэтому для этнических конфликтов свойственны такие особенности бессознательного поведения, как эмоциогенность, алогичность, символизм и слабая обоснованность рациональными доводами совершаемых действий. В силу этих особенностей возникновение, развитие и разрешение межэтнических конфликтов в любой сфере жизнедеятельности общества и на любом уровне имеют свою специфику.

Важную роль в феномене этничности играет этнический эгоцентризм (*этноцентризм*) – это тенденция людей воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, отражающая как отношения внутри самой группы, так и ее отношения с другими. Об этноцентризме можно говорить только при наличии двух составляющих: признания своей группы эталонной, что выражается во внутригрупповой сплоченности, солидарности, уважении внутригрупповых норм; признания других групп худшими и проявления по отношению к ним враждебности и недоверия. Этноцентризм можно рассматривать как механизм, поддерживающий дистанцирование данного этноса от других. Дети не имеют этнических стереотипов. Последние порождаются в процессах социокультурной коммуникации, первоначально в семейном воспитании. Чем больше у детей контактов со сверстниками из других этнических групп, тем слабее предпосылки для формирования негативных стереотипов.

Этносы по-сути являются основой межэтнических конфликтов. Именно в этом заключается суть межэтнических конфликтов: каждый этнос считает, что защитить свою культуру, самобытность и духовное единство он сможет только с помощью создания собственного государства. Этнсом движет потребность в самосохранении, защите своих ценностей и традиций. В этом его сила: такую потребность подавить нельзя, не уничтожив сам этнос. В этом же, как правило, и его трагедия, поскольку полная реализация идеи «каждому этносу – по государству» – чистая утопия.

Наряду с понятием «этнос» для характеристики отношений между народами используется понятие «нация». В мировой практике оно означает союз граждан одного государства. Национально-этнические общности – большие социальные группы с характерными для них общими признаками. Поэтому, определяя соотношение понятий «этнос» и «нация», можно сказать, что нация – это этнос, обретший свою государственность. Только при этом границы между государствами никогда точно не совпадали с границами локального проживания представителей конкретных этносов. Многие этносы вообще часто оказывались разделенными границами государств (поляки, армяне). А логика становления крупных государств диктовала необходимость объединения множества этносов под одну государственную «крышу». Например, американцы (граждане США) – это одна нация, хотя в ней перемешано множество этносов.

Нация – это продукт буржуазной эпохи. Ведущие современные нации сложились в XVIII–XIX вв. в пору крушения абсо-

лютистских монархий и ликвидации феодально-сословной социальной организации. До этого времени этническая принадлежность человека особого значения не имела. По той простой причине, что социальная среда его обитания была замкнута, обособлена от остального мира и географически, и экономически, и духовно. Поэтому французы до XVIII в. французами (то есть единой нацией) себя не осознавали и не называли. Тогда в ходу были другие признаки социальной идентичности: сословный (подчиненность конкретному сюзерену), религиозный (принадлежность к той или иной конфессии) и т. д. Ситуация изменилась с наступлением буржуазной эры. Становление единства хозяйственной жизни на больших территориях, появление новых средств и форм организации труда, потребность в свободной рабочей силе, формирование гражданского общества, способного контролировать политическую власть, породили идею нации как некоей гражданской общности, создающей суверенное государство. Эта идея помогла буржуазно-демократическим движениям начала Нового времени осуществить свои цели, в процессе достижения которых крупные этнотерриториальные общности и в самом деле начали осознавать себя как единое целое – нацию. Та же идея сыграла свою роль и в начале XX в., когда распалась Австро-Венгерская империя, и в середине века, когда рухнула колониальная система.

2. Критерии типологизации этнических конфликтов

Этнические конфликты можно типологизировать согласно следующим критериям:

Территория проживания, наличие или отсутствие государственных границ. Согласно этому критерию конфликты делятся на:

1. Межгосударственные, внешние конфликты.
2. Региональные конфликты между различными этносами, разделенными общей административной (внутрифедеральной) границей в рамках единого государства.
3. Конфликт между центром и регионом (например, субъектом федерации). Такой конфликт является внутригосударственным, но с позиции региона или субъекта федерации он может рассматриваться как внешний, если субъект стремится к полной государственной независимости. Например, российские федеративные органы власти считают Чеченскую войну внутривнутрироссийским конфликтом, а чеченские сепаратисты – внешней агрессией России против независимой республики Ичкерии.

4. Местные конфликты – между различными этническими образованиями, проживающими в рамках единых государственных, федеральных или административных границ (например, в одном городе, области, субъекте федерации).

По мотивам возникновения конфликты делятся на:

территориальные конфликты (обусловленные взаимными территориальными притязаниями этносов); экономические; политические (участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав); исторические;

социокультурные; ценностные; социально-психологические; конфессиональные; социально-бытовые и др.

По целям национально-этнических движений:

1. Социально-экономические – борьба за перераспределение части общественного продукта в свою пользу.

2. Культурно-языковые – защита родного языка и национальной культуры.

3. Территориально-статусные – борьба за изменение границ, повышение статуса и увеличение объема реальных прав и полномочий этноса.

4. Сепаратистские – борьба за выход из состава федерации и образование собственного независимого государства.

По формам и методам противодействия:

Насильственные и ненасильственные. При этом насильственные могут быть локальными и широкомасштабными, предполагающими развернутые боевые действия сторон. К ненасильственным можно отнести политические (без применения физической силы), дипломатические, юридические, экономические и другие конфликты.

В зависимости от времени и интенсивности развития этнического конфликта можно выделить краткосрочные и долгосрочные, перманентные и спонтанные, более интенсивные и менее интенсивные. По мнению Е. И. Степанова, «острота современных межэтнических конфликтов прямо пропорциональна экстремизму и обратно пропорциональна демократичности выдвигаемых в них требований».

3. Причины межэтнических конфликтов

Хотя в основе большинства межэтнических конфликтов лежат вполне рациональные причины, основой для их возникновения являются сами понятия этноса, этнической культуры и этнической идентичности, деление на «своих» и «чужих» по национальному признаку. Для этого не требуется непосредственного контакта между представителями тех или иных националь-

ностей – мнение о тех или иных этносах может формироваться заочно (через средства массовой информации и др.).

Чисто межэтнических причин конфликтов в реальной жизни не существует. Этническая самоидентификация и солидарность лишь способ защиты своих интересов, целей, ценностей и т. д. Например, в основе осетино-ингушского конфликта находятся территориальные споры, грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты возникли по поводу разногласий о статусе национально-территориального образования. Стремление республики Ичкерии к полной государственной независимости явилось причиной Чеченской войны. Опросы общественного мнения в полиэтнических регионах России свидетельствуют о том, что основными факторами возникновения межэтнической напряженности являются ухудшение экономической ситуации в стране (60–65 %), просчеты в национальной политике (40–45 %), нестабильная обстановка в обществе (40 %). При этом чисто этнические разногласия в ответах респондентов оказались на последнем месте.

Какие бы причины не лежали в основе того или иного конфликта, в своем развитии любой конфликт выражает чьи-то интересы и преследует определенные цели (порой не вполне осознаваемые участниками конфликта). По мнению А. Г. Здравомыслова, «интересы – это не само благо как таковое, а те позиции индивида или социального слоя, которые обеспечивают возможность получения этого блага». Выразителем этнических интересов является не весь этнос, а лишь небольшая его часть, элитные группы, которые преследуют личные интересы. Например, объявление того или иного этнического региона субъектом федерации позволяет местной элите сформировать свои, относительно автономные от центра органы власти и проводить нужную политику, используя идею защиты этнических интересов в своих целях.

Одной из основных причин возникновения этнических конфликтов являются взаимные территориальные притязания этносов. Такие конфликты возникают на межгосударственном, межрегиональном, местном уровнях. Мотивы территориальных притязаний могут быть разными, например:

- *мотивы, обусловленные историческим прошлым этносов, например наличием исторических, культурных, культовых и других памятников этноса на определенной территории;*

- *нечеткость демаркации существующих границ или новая демаркация между этносами, если ранее таких границ не было;*

- *возвращение на историческую родину ранее депортированного этноса;*

- произвольное изменение границ;
- насильственное включение территории этноса в соседнее государство;
- расчленение этноса между разными государствами.

Экономические конфликты между этносами могут быть вызваны следующими причинами:

- неравенством этносов в обладании, распоряжении и потреблении материальных ресурсов;
- нарушением баланса экономических интересов между центром и этнически идентифицированным регионом (например, субъектом федерации);
- изменениями в политической структурно-функциональной системе производства, распределении и потреблении товаров и услуг (например, в результате перераспределения собственности или миграции населения традиционные виды деятельности от одного этноса переходят к другому).

Причиной межэтнического конфликта могут стать и социокультурные факторы. К социокультурным причинам возникновения межэтнических конфликтов можно также отнести конфликты между нормами и ценностями, функционирующими в обществе. Россия – многонациональная страна, состоящая из десятков разнообразных этнокультурных образований. Каждая культура представляет своеобразную систему ценностей, идеалов, стремлений, образцов поведения и предпочтений в выборе соответствующих средств достижения целей. Нормы, принимаемые на уровне федерации или региона, носят усредненный характер и порой не учитывают субъективных особенностей того или иного этноса. Конфликты между нормами и ценностями (социальной структурой и культурой) могут возникать:

- на уровне центр – регион;
- на межрегиональном уровне;
- на местном (внутрирегиональном) уровне.

Изменения в структурно-функциональной системе общества могут стать причиной этнических конфликтов. Причинами этнических конфликтов может стать также неравномерное протекание реформ (экономических, политических, социокультурных) в отдельных регионах. В таких случаях конфликты возможны между притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями государства гарантировать права граждан – с другой. Такие конфликты носят универсальный характер.

Наиболее болезненны и эмоционально насыщены конфликты, возникающие в результате ущемления ценности этноса. Ценностные конфликты могут иметь место в любой сфере жизнедея-

тельности общества. По мнению М. Вебера, каждый человеческий акт предстает осмысленным лишь в соответствии с ценностями, в свете которых определяют нормы поведения людей и их цели. Но более четко специфика ценностных межэтнических конфликтов проявляется в противоречиях, связанных с различиями в культуре, языке, религии и других социокультурных особенностях этносов. Например, главным мотивом гражданской войны в Югославии, по мнению специалистов, стала религия, которая, в силу определенных исторических причин, разделила народ с едиными этническими корнями на несколько религиозных субкультур (православную, католическую и мусульманскую).

Часто конфликты между нормами и ценностями и между ценностями разных культур происходят на бытовом уровне, в ходе повседневного общения. Наиболее конфликтогенными в этом отношении являются регионы с высокой миграцией населения. Переселенцы, как правило, не учитывают социокультурных особенностей местных жителей, чем вызывают к себе негативное отношение «аборигенов». Кроме того, не обремененные грузом ни своей, ни местной культуры (моральными нормами, ограничениями и пр.), «чужаки» часто достигают значительных успехов в бизнесе, коммерции, предпринимательстве и тем самым еще больше обостряют взаимоотношения с местным населением.

На бытовом уровне могут возникнуть этнические конфликты, вызванные социально-психологическими факторами, общей подсознательной неприязнью к представителям определенного этноса. В ходе длительного противоборства, какими бы не были его причины, у конфликтующих этносов такая неприязнь по отношению друг к другу приобретает массовый характер.

Исторические причины этнических конфликтов связаны с прошлыми обидами, которые хранятся в памяти этноса на подсознательном уровне. Сами по себе они, как правило, не являются непосредственными причинами конфликта. Но если конфликт назревает или уже имеет место, то прошлые обиды «извлекаются» в реальную действительность и становятся дополнительными факторами в развитии конфликта. Например, они могут быть использованы для оправдания своих действий и обвинений действий противника.

Этнополитические конфликты имеют свою специфику. Причины возникновения политических конфликтов между этносами и предполагаемые цели также весьма многообразны:

- *политическая борьба за власть между различными этническими группами на всех уровнях (местном, региональном, государственном);*

- *борьба этноса за свой политический статус в рамках единого государства;*
- *борьба за полную государственную (политическую) независимость и др.*

В целом этнополитические отношения сами по себе конфликтогенны. Когда же к этому прибавляются политические ошибки, их взрывной потенциал возрастает многократно. Так, на территории бывшего СССР тлеет масса этнополитических конфликтов, связанных с грубыми ошибками (а нередко и преступлениями) советского руководства. Это конфликты, порожденные проблемой восстановления прав депортированных народов, произвольными территориальными изменениями, нарушавшими целостность этносов (Южная Осетия, Нагорный Карабах, Крым), чрезмерной русификацией всей социальной жизни в районах компактного проживания национальных меньшинств и т. д.

4. Особенности развития межэтнического конфликта

Этноконфликт в отличие от других типов конфликта является масштабным по своей природе. Этноконфликт способен проникать во все другие типы конфликтов. Межэтнический конфликт проходит те же стадии развития, что и любой другой вид конфликта, но имеет свои специфические особенности. Он способен проникать во все другие типы конфликтов, захватывая конфликтные ситуации, сформировавшиеся по другим линиям социального взаимодействия. Если субъектами противостояния, независимо от причины возникновения конфликта, являются представители различных этнических групп, то в своем развитии этот конфликт будет приобретать этническую окраску и на определенном этапе этнические различия могут приобрести доминирующее значение.

На разворачивание этнического конфликта значительное влияние оказывает специфика этнического самосознания. Другой особенностью межэтнического конфликта является то, что в его развитии большую роль играет определенная идеология (национализм, сепаратизм, коммунизм, антикоммунизм, фашизм, панисламизм и др.). Идеология способствует консолидации этноса и более жесткому противопоставлению «своих» и «чужих». Она также придает ценностно-смысловую направленность противоборству, определяя цели и задачи в развитии этноса. Например, этнический национализм, по сути, представляет политическую программу самоопределения этноса.

Деление на «своих» и «чужих» свойственно любому социальному конфликту. Но этническая принадлежность является

одной из древнейших и наиболее устойчивой. Этнический стереотип в межгрупповых отношениях приобретает как бы самостоятельное существование и психологически возвращает социальные отношения в историческое прошлое, когда групповой эгоизм глушил ростки будущей общечеловеческой зависимости самым простым и древним образом: путем уничтожения, подавления инакообразия в поведении, ценностях, мыслях. Народная память в своих мифах, легендах, фольклоре, памятниках истории, литературы и т. д. хранит победы и поражения, обиды и образы врагов, стереотипы конфликтного взаимодействия этносов. Весь этот груз достоинств и недостатков может быть использован для разжигания ненависти в межэтническом противостоянии.

Существует понятие «мифологическое мышление», феномен которого наглядно проявляется в социокультурных конфликтах. Суть этого феномена заключается в том, что память сохраняет различные факты прошлого, «а интеллект дорабатывает возможные варианты успешных деталей»: в результате создается модель того, «что могло бы быть, а может, и было». Так создается «фантомная модель», которая может превратиться в программу действий.

Важную роль в разворачивании этнического конфликта играют этнические и этнокультурные параметры. Сами по себе этнические особенности не являются постоянным дестабилизирующим фактором в обществе. В нормально функционирующей социально-политической и экономической системе отношений хорошо уживаются люди, принадлежащие к различным этническим группам. Но в условиях экономической и политической нестабильности и кризисных состояний общества все прежние регуляторы межгрупповых, межэтнических отношений подвергаются разрушению и девальвации, а новые складываются не сразу. В такой ситуации этнический регулятор, данный людям от рождения, выступает на первое место.

Большинство особенностей этнических конфликтов носит социокультурный характер. Например, различия в языке, религии, нормах, ценностях, обычаях, традициях, стереотипах, национальных символах, способах мышления и поведения и т. д. Каждое из этих различий при кризисном состоянии общества может стать поводом или причиной возникновения межэтнического конфликта. В силу перечисленных особенностей межэтнические конфликты отличаются остротой противостояния и жесткостью форм ведения борьбы. Начавшийся конфликт вызывает цепную реакцию, вовлекая в свою сферу все новые и новые людские и иные ресурсы.

5. Способы урегулирования межэтнических конфликтов

Наиболее эффективны в плане урегулирования *согласительные методы*. Для того чтобы выработать стратегию управления этническими отношениями, необходимо на всем полиэтническом пространстве найти общие взаимоприемлемые ценности и нормы. Необходимо выработать общие «правила игры», которые, с одной стороны, были бы достаточно универсальными, чтобы охватить ценностно-нормативным полем все многоэтническое общество, а с другой – не ущемляли бы частных традиций, обычаев, ценностей и интересов, входящих в полиэтническое пространство этносов. Поэтому возникает вопрос о заключении своего рода «общественного договора» между государством и всеми входящими в состав государства этносами. Такой договор не может регламентировать все детали межэтнического взаимодействия, но он должен содержать основополагающие нормы и принципы: гарантии безопасности личности и этноса, равноправие, соблюдение правила единого и полного гражданства для всех жителей страны, запрет на применение насилия при возникновении противоречий, решение конфликтов мирными способами и т. д. При этом правила не должны отдавать предпочтение одному из участников конфликта. Только в этом случае они будут эффективными. Роль верховного арбитра в решении спорных проблем и гаранта в выполнении договора должна быть делегирована федеральному центру (или специально созданному для этих целей институту власти) с безусловным признанием его полномочий (легитимности).

Эффективность регулирования зависит также от *сбалансированной политики государства*. Для самореализации этнических групп в рамках своей субкультуры им необходимо передать часть федеральной власти при условии соблюдения всеми общих принципов общественного договора. Но, чтобы делиться властью, государство должно быть достаточно сильным (желательно и экономически), чтобы при необходимости иметь возможность силовыми методами пресекать сепаратистские и экстремистские поползновения в межэтнических отношениях.

В настоящее время в России отсутствует стратегия в развитии межэтнических отношений. Действия федерального центра напоминают пожарную команду, которая пытается тушить уже вспыхнувшие пожары межэтнических конфликтов. Чтобы исправить положение, необходимо разработать и принять долгосрочную программу межэтнической стабилизации, интеграции и межэтнического сотрудничества. В рамках этой программы необходимо предусмотреть создание специализированной сети

организаций по предупреждению и урегулированию конфликтов. Например, службы конфликтологического мониторинга для выявления конфликтных ситуаций на ранней стадии развития и выработки соответствующих рекомендаций по их урегулированию. А соответствующие государственные органы, в первую очередь правоохранительные, должны быстро реагировать на акты насилия и локализовать конфликт.

Окончательно разрешить тот или иной межэтнический конфликт невозможно. Пока существуют этносы, будут периодически возникать противоречия в их взаимодействиях. Поэтому проблема состоит в том, чтобы выявить межэтнические противоречия, не допустить применения насилия, найти эффективные способы урегулирования спорных вопросов. Речь, по сути, идет об управлении межэтническими конфликтами в многоэтническом обществе.

Несмотря на нарастание глобальной стандартизации и унификации образа жизни в современном мире, проблема межэтнических конфликтов не утрачивает своей актуальности. Процессы модернизации общества ведут, как правило, к утрате этнической самобытности, вызывая стремление у разных народов сохранить свои культурные традиции, даже если они противоречат процессам модернизации. Признавая закономерность существования межэтнических конфликтов как формы общественного взаимодействия, нужно акцентировать внимание на необходимости общественно-политического регулирования подобных явлений, что может стать одной из новых форм их разрешения. Поэтому наиболее значимой проблемой, сегодня является задача выработки действенных способов и методов регулирования и локализации межэтнических конфликтов, недопущения их разрастания за рамки политической сферы общества и применения насилия. При этом любые действия, любая социальная политика в отношении того или иного этноса без учета его социокультурных особенностей не смогут дать положительного результата.

Значительную роль в урегулировании этноконфликтов играют *посреднические методы*. Если межэтнический конфликт не удалось выявить и предотвратить на стадии зарождения, то первоочередной задачей является прекращение насилия (если оно имело место). Далее необходимо перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога. Существуют два уровня диалога: диалог как цель взаимодействия и диалог как средство достижения цели. Если диалог между субъектами конфликта по тем или иным причинам невозможен, то возникает необходимость привлечения посредников. Посредничество является наиболее мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта. Следующим шагом в урегулировании конфликта

является обращение в арбитраж, если его решения станут обязательными для исполнения всеми участниками конфликта. Существует также обязательный арбитраж, который находится на грани между регулированием и подавлением конфликта.

Существуют также *крайние формы регулирования этноконфликтов*. Крайней формой регулирования межэтнических конфликтов является подавление силой. Для прекращения кровопролития и гражданской войны на территории бывшей Югославской федерации поэтапно применялись посредничество, арбитраж, обязательный арбитраж и частично подавление (бомбежка сербских боевых позиций авиацией НАТО и угроза применения силы). Силовым методом был также остановлен осетино-ингушский военный конфликт. Для прекращения грузино-осетинского конфликта была использована гуманитарная интервенция России в зону конфликта, завершившаяся принуждением Грузии к миру.

Выводы

Этническая идентичность задается, прежде всего, внутригрупповыми нормами поведения, особенности которых фиксируются языковыми, психологическими, нравственными, эстетическими, религиозными и прочими средствами культуры. Дополнительные прочность и единство этносу придают общность истории и сплоченность вокруг общих символов.

К межэтническим относят конфликты любых форм (организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления, гражданские войны и пр.), в которых противостояние проходит по линии этнической общности.

Наряду с понятием «этнос» для характеристики отношений между народами используется понятие «нация». В мировой практике оно означает союз граждан одного государства. Национально-этнические общности – большие социальные группы с характерными для них общими признаками. Поэтому, определяя соотношение понятий «этнос» и «нация», можно сказать, что нация – это этнос, обретший свою государственность.

Контрольные вопросы

1. *Понятия этноса и нации*
2. *Классификация этнических конфликтов*
3. *Причины межэтнических конфликтов*
4. *Особенности развития межэтнического конфликта*
5. *Способы урегулирования межэтнических конфликтов*

РАЗДЕЛ II.

ПРИЧИНЫ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Лекция 4. Базовые противоречия в грузино-осетинском конфликте

- 1. Геополитические противоречия**
- 2. Этностатусные противоречия**
- 3. Исторические противоречия**

1. Геополитические противоречия

Одной из важнейших причин грузино-осетинского конфликта являются противоречия в сфере геополитики. Геополитические противоречия в грузино-осетинских отношениях фокусируются вокруг своеобразного геополитического капкана (ловушки), в котором находится Южная Осетия. Суть подобной ловушки заключается в том, что Южная Осетия достаточно тесно зажата со всех сторон на южном склоне Главного Кавказского хребта. С востока, юга и запада она находится в грузинском окружении, с севера же ограничена Кавказским хребтом. В силу этого обстоятельства Южная Осетия исторически имела возможность контактировать с внешним миром лишь через Грузию, а в случае противостояния с ней лишалась и этой возможности. Основные характеристики подобной геополитической ловушки сохраняли свое значение и актуальность практически на всем протяжении истории Южной Осетии с момента средневековья. Геополитическое положение Южной Осетии было значительно стабилизировано со строительством Транскама, перевальной дороги, связавшей ее с Россией. Данная магистраль облегчила военно-политическое положение Южной Осетии, позволив ей выходить во внешний мир не через Грузию.

Существование подобной геополитической ловушки объективно продуцирует для Южной Осетии и Грузии проблему геостратегической безопасности. Для Грузии – это проблема безопасности северных границ, поскольку Южная Осетия развернута вглубь грузинской территории и создает непосредственную угрозу ее столице. В ситуации военно-политической эскалации территория Южной Осетии может стать удобным плацдармом для проникновения в Грузию и ее территориального размежевания, что может привести к потере ею государственности.

Для Южной Осетии геополитическая ловушка создает проблему выживания – сохранения этноса на территории своего

проживания. В случае военно-политической эскалации и отсутствия внешней поддержки Южная Осетия, атакованная с трех сторон, может быть аннексирована и уничтожена. При таком раскладе ее население может подвергнуться геноциду-полному уничтожению, что и продемонстрировал опыт войны 1920 года.

Проблема геостратегической безопасности объективно приводит к формированию конфликтующих стратегий обеих сторон. Осетинская стратегия направлена на сохранение любыми средствами обособленного от Грузии и независимого этнополитического статуса Южной Осетии и достижение самоуправления (государственности) с целью обеспечения выживания осетинского этноса на своей территории. Грузинская стратегия направлена на ликвидацию независимого статуса Южной Осетии и установление на ее территории грузинского контроля, причем не только политического, но и этнического.

Конфликтотенный эффект подобной геополитической ловушки впервые проявился в период распада Алании. В домонгольский период осетино-грузинские отношения были относительно мирные. Историческая литература не фиксирует каких-либо существенных межэтнических столкновений в предшествующий распаду Алании период X-XIII вв. и грузино-осетинские связи в целом характеризуются как дружелюбные и бесконфликтные. По данным и грузинских, и осетинских исследований обе стороны поддерживали «давние и разносторонние связи», которые способствовали установлению довольно тесных союзнических отношений между Аланским раннефеодальным государством на Северном Кавказе и Грузией, когда «осетины были в дружбе с грузинами». Алания и Грузия были равносильными субъектами и для грузино-осетинских связей того периода в целом были характерны отношения партнерства и конкуренции, обычные для приблизительно равнозначных политических субъектов.

Монгольские нашествия нарушили устоявшийся баланс сил в регионе. Аланская государственность в результате масштабных завоеваний практически перестала существовать. Исследователи характеризуют эти события как крупнейшую для средневекового Северного Кавказа катастрофу. Грузинской феодальной элите удалось сохранить государственность, хотя и в раздробленном виде. Под ударами монголов грузинское государство, достигшее значительного подъема и расцвета в XIII веке, распалось на ряд обособленных удельных царств: Картлийское царство, Кахетинское царство, Имеретинское царство, Абхазское княжество и княжество Самцхе.

Осетинский этнос стремился после катастрофы на севере сохранить территорию на юге в качестве устойчивого и безопасного места компактного проживания этноса. Поскольку на севере Аланское государство было разрушено практически полностью, то аланской элите удалось переместить центр своей борьбы на юг, в Закавказье, и попытаться здесь воссоздать новую Аланскую державу, восстановив, таким образом, осетинскую государственность. Эти расчеты опирались на несколько факторов: во-первых, - это освоенность территории осетинским этносом уже с прежних времен, во-вторых, - более безопасное расположение южных территорий по сравнению с северными: Южная Осетия с севера защищена Кавказским хребтом, а с юга граничила с прежде дружественным грузинским этносом, в-третьих, рост миграционных потоков. Перенести военно-политическую активность на юг аланскую элиту подталкивали устремившиеся в этом направлении миграционные потоки. Распад некогда единого государства и разрушительность монгольских завоеваний привели к масштабным перемещениям населения в регионе, выразившимся в массовом оттоке аланского населения с равнин Центрального Предкавказья в спасительные горы.

Распад Алании превратил Южную Осетию в территорию с неопределенным этнополитическим статусом, придав ей спорный характер, который и обусловил основную линию противостояния в грузино-осетинских взаимоотношениях, приведя уже тогда, в далеком прошлом, к формированию противоположных и взаимоисключающих позиций сторон.

Очевидное неравенство в соотношении сил привело к попыткам более сильной и политически организованной стороны навязать другой стороне отношения вассальной зависимости и изменить, таким образом, характер двусторонних взаимоотношений в свою пользу. Поэтому Грузия, а точнее восточно-грузинские цари, стали в отношении южных осетин проводить политику, направленную на установление отношений прямой зависимости, или господства/подчинения. В результате установления таких отношений грузинская феодальная элита получала непосредственный доступ к стратегическим коммуникациям Севера - Юга и одновременно решала проблему безопасности своих северных границ, которая обострилась в связи с резкой переменой этнодемографической ситуации. Появление на территории Южной Осетии дополнительного количества осетинского населения расценивалось грузинскими царями как угроза их интересам в этом регионе. Поэтому, по мнению исследователей, уже в XIV веке притязания на Южную Осетию как

на сателлита Грузии стали постоянными со стороны грузинской царской и княжеской власти.

Начало открытых конфликтов было положено уже в XIV веке, когда грузинский царь Георгий V Блистательный в ходе военных походов попытался подчинить своей власти Южную Осетию. Грузино-осетинское столкновение продолжалось в тот период более 30 лет и закончилось неудачей обеих сторон: Георгию не удалось покорить Южную Осетию, а попытки аланской элиты воссоздать здесь государственность были безуспешны.

В период последующих XV-XVIII веков грузино-осетинское противостояние по проблеме этнополитического статуса Южной Осетии продолжало сохраняться. Восточно-грузинские цари пытались завоевать Южную Осетию и подчинить ее своей власти в ходе многократных военных экспедиций и походов. Поэтому, по мнению исследователей, если в целом притязания на Южную Осетию как на «собственное владение» становились традиционным политическим курсом грузинской феодальной власти, то так же и борьба с этим курсом в Южной Осетии приобретала устойчивые черты социальной и политической культуры югоосетинских обществ. Неизбежным результатом подобного рода взаимоотношений стали периодические конфликты, которые происходили в форме обычных для феодальной эпохи междоусобных столкновений. Подобная практика в целом придавала двусторонним отношениям характер противоборства на всем протяжении XIV-XVIII веков.

2. Этностатусные противоречия

Другая часть причин грузино-осетинского конфликта проистекает от различных этностатусных представлений сторон. Осетинские этностатусные представления фокусируются на автономном самоуправляемом статусе южных осетин. Основная суть подобных представлений была сформулирована и выражена представительными органами Южной Осетии ещё на заре советского госстроительства: *«Так как географически Юго-Осетия составляет одно сплошное целое в пределах своих границ, население её этнографически однородно с особым национально-бытовым укладом жизни, и хозяйственный быт её обладает особыми чертами, а степень классового расслоения и самосознания трудовых масс настолько высока, что обеспечивает республике нормальное развитие ее культурно-экономических сил - необходимо образовать из нее Советскую социалистическую республику»*⁷.

Особенностью осетинских этностатусных представлений, как и образованной осетинской автономии, являлось то обстоятельство, что они были реализованы на основе официального признания в Москве стремления южных осетин к самоуправлению на высшем государственном уровне. Поэтому факт образования Юго-Осетинской автономной области выступает в определяющей степени как результат пророссийской ориентации и российско-осетинского согласия в противовес грузино-осетинскому противостоянию в этой сфере.

Необходимо, при этом, подчеркнуть и ту роль, которую сыграло образование автономии для южных осетин, когда *«создание автономии способствовало поднятию национального самосознания осетинского этноса, дало определенный опыт государственного строительства, создавало условия для формирования национальных кадров, а также (и это было для этноса самым важным) давало импульс для развития этнической культуры»*⁸.

Грузинские этностатусные представления фокусируются на проблеме воссоздания независимого государства. Особенностью грузинских этностатусных представлений становится обращение к историческому прошлому. Особенностью этого процесса, при этом, выступает то, что этническое сознание вытаскивает из глубины веков исключительно положительный материал. Образы прошлого преувеличенно идеализируются и идеологизируются. В этом плане характерно стремление создать в массовом общественном сознании образ «идеального отечества», «Великой Грузии» как определенной цели, этнического стереотипа, который, естественно, нагружен высокой эмоциональностью.

Хотя история знает периоды, как расцвета, так и упадка древних и средневековых государств, в том числе и Грузии, однако грузинское этническое сознание обращается лишь к временам наибольшего расцвета и развития своей государственности. Поэтому основное свое внимание грузинская пресса и историки сосредотачивают на времени правления грузинских правителей Давида Строителя и царицы Тамары. Успехи внутренней и внешней политики государства того периода выдаются за окончательные и перманентные, исконно присущие грузинскому духу. При этом, этническое сознание сознательно игнорирует периоды упадка и прямого развала грузинской государственности, имевшие место в разное время, так же как и непродолжительность существования единого грузинского государства.

Особую заинтересованность грузинская сторона проявляет в отношении границ и территориальной идентичности грузинского государства в периоды его наивысшего развития, делая акцент на проблеме «спорных» автономных территорий. Обнаруженный в прошлом материал о периодах наибольшего распространения границ или влияния Грузии на эти территории также искажается в угоду этническим целям: «Грузинское государство (которое в исторических источниках известно как «Грузинское царство», или же «Вся Грузия») образовалось в III веке до н. э. и занимало всю территорию современной Грузии плюс земли (немногим менее половины нынешней территории Грузии), которые находятся в составе Турции, Армении, и Азербайджана. Хотя в реальности древнее грузинское царство и было значительно меньше теперешних своих размеров, а государства прошлого постоянно то увеличивались в своих размерах, то уменьшались, фиксирование наибольшей территории как наиболее вероятной своей границы - это не более, чем стремление этнического сознания создать «идеальное отечество» по линии максимальных границ.

Этническое грузинское сознание также стремится подчеркнуть этнокультурную идентичность «идеального отечества». Оно - чисто грузинское. Население «идеального грузинского отечества» - этнические предки современных грузин - колхи и иберы - носители древней грузинской этнической культуры. Официальным языком такого отечества является «язык Шота Руставели», а официальной религией - «грузинское христианство». При этом в массовом сознании активно насаждается миф о Грузии как единственном оплоте христианства в мусульманском окружении.

Параллельно в грузинском этническом сознании конструируется и образ современного отечества:

1. Грузия – оккупированная и поработанная Россией страна.
2. Культура Грузии находится в упадке, так как подвергается ассимиляционному влиянию российской культуры и языка.
3. Уровень жизни в Грузии значительно отстает от мировых показателей, а в случае независимого развития Грузия вполне могла быть на мировом уровне.
4. Грузия может стать образцом для подражания всего цивилизованного мира.
5. Грузия по своему духу и происхождения принадлежит больше к европейскому цивилизационному миру, чем к российскому.

Отождествление мифологизированного и в значительной степени идеологизированного образа «идеального отечества

- древней Великой Грузии» с другим этническим стереотипом - «современным отечеством - Грузинской ССР» создает в этническом самосознании безрадостную картину и формирует комплекс ущемленного национального чувства. Основные признаки такой картины пронизаны негативизмом, а образы настоящего окрашены в черно-белые тона. Поэтому если «идеальное отечество» - это исключительно положительный образ, то «современное отечество» - это образ преимущественно отрицательный.

Сравнение двух образов отечества, положительного и отрицательного, предопределяет в этническом сознании фактический выбор модели и образца для будущего отечества: оно должно быть воссоздано по образцу прошлого - «Великой Грузии». Поэтому образ «идеального отечества» прошлого проецируется на вновь создаваемую конструкцию «нового отечества» и в массовом этническом сознании конструируется идеальная картина будущего: «Пусть прошлое придет к нам из будущего!». При этом, представление о будущем государстве - чисто этническое. С этим соглашаются и грузинские эксперты, подчеркивающие, что в грузинском этническом сознании сформировалась «идея «чисто» национального государства как универсальной модели государственного строительства».

Основные черты и характеристики нового грузинского отечества:

1. Будущее национальное государство должно быть унитарным, т.е. без автономных образований, так как «в Грузии никогда не существовало автономий».

2. Границы вновь создаваемого государства должны совпадать как минимум с административными границами ГССР, поскольку «идеальное отечество» прошлого занимало «всю территорию современной Грузии» и поэтому «идея «нашей земли» в грузинском сознании четко очерчена границами Советской Грузии». Следовательно, строительство «нового отечества» этническое сознание допускает лишь по линии границ, но ни в коем случае по образцу ГССР! Это положение означает, что «спорные» территории автономий «должны» также войти в состав независимой Грузии, так как в прошлом все они «являлись» территорией грузинского государства.

3. Официальным языком нового государства становится грузинский язык: «На всей территории Грузии официальным языком должен быть грузинский». Это означает, что этнические меньшинства в полиэтничной Грузии должны признать грузинский язык в качестве единственного государственного, а также языка межнационального общения, в противном случае, они могут столкнуться с перспективой «выселения из Грузии».

Этностатусные представления формируют основной вопрос противостояния в грузино-осетинском конфликте: «Что есть Южная Осетия?». На уровне ценностных систем этносов, или же этнических идентичностей, грузино-осетинский конфликт сложился в результате столкновения двух базовых этнических идентификаций- ответов на вопрос «Что есть Южная Осетия и южные осетины?» - грузинской и осетинской. По аналогии с грузино-абхазским столкновением, где «стороны имели радикально отличные ответы на вопрос «Что есть Абхазия?»: для грузин ответ был «Абхазия - это Грузия, это точно такая же неотъемлемая часть Грузии, как любая другая её историческая провинция: Кахетия, Имеретия, Мегрелия и т.д., для абхазов же - «Абхазия - это Абхазия», а также «Абхазия - это Россия», т.е. в знаменателе было - «Абхазия - не Грузия», грузинская и осетинская версии ответов на этот вопрос кардинально различались. Согласно грузинской версии: «Южная Осетия это никакая не Осетия, а самая что ни на есть исконная Центральная Грузия». Для осетин же «Южная Осетия - это собственно Южная Осетия». И в этом плане конфликт в Южной Осетии был также неизбежен, как неминуем был и конфликт в Абхазии, поскольку это был фундаментальный конфликт между представлениями подавляющего большинства грузин и осетин и здесь очень трудно было достичь компромисса.

Следовательно, именно это противоречие, отражающее противоположные этнонациональные подходы к проблеме идентификации Южной Осетии, как и в грузино-абхазском противостоянии, следует признать в качестве основы грузино-осетинского конфликта, или же главного «противоречия, фазой которого является конфликт». Подобная разность в подходах, составившая основу грузино-осетинского конфликта, способствовала, в конечном счете, столкновению двух отличных друг от друга и разнонаправленных идентичностей - осетинской и грузинской.

3. Исторические противоречия

Третью группу причин грузино-осетинского конфликта формируют исторические противоречия. Одно из важнейших исторических противоречий формирует так называемая проблема проживания южных осетин на территории Южной Осетии, искусственно созданная грузинскими идеологами и историками. Согласно осетинской версии осетины являются исконными жителями этой территории, или автохтонами. На данный факт указывает топонимика, научные исследования, в том числе и

более ранние грузинские, и история самой Грузии, первые цари которой носили явные осетинские имена.

Согласно грузинской версии осетины являются переселенцами с Северного Кавказа. Согласно этому тезису «гостевой» статус осетин обусловлен «их пришлостью». Для доказательства этого грузинские идеологи пытаются конструировать исторический материал, призванный обосновать факт осетинского переселения. Поскольку в обозримом прошлом не существует какой-либо фиксированной общеизвестной даты «осетинского переселения», время переселения определяется у разных авторов по-разному и поэтому «соответственно и диапазон датировок этого процесса колеблется от III в. до н. э. до XVII в.». Однако, по признанию самих грузинских авторов, дело обстояло таким образом, что острые дискуссии о времени переселения осетин были призваны лишь подчеркнуть сам факт переселения, имевший в этническом сознании определяющее значение. По свидетельству одного из наиболее популярных и почитаемых в грузинском обществе авторов по осетинской проблеме профессора А. Бакрадзе «осетины когда-то переселились на грузинскую землю, когда и как это не имеет никакого значения». Поэтому в реальности фактом «переселения» осетин в прошлом грузинские авторы пытаются аргументировать гостевой статус осетинского этноса со всеми вытекающими отсюда политическими и демографическими последствиями.

В реальности же, согласно научным трактовкам переселенческие, или же диаспорные, группы отличаются от автохтонных спецификой этнонационального самосознания. По мнению исследователей (М.А.Аствацатурова) переселенческие группы имеют диаспорное сознание, то есть отчетливо осознают факт своего переселения и не претендуют на особые привилегии, поскольку исходят из факта проживания не на своей исторической родине. Автохтонные же группы имеют не диаспорное, а коренное самосознание и пытаются обособиться от своего окружения, в том числе и от государства проживания, требуя особое к себе отношение. Подобное автохтонное сознание характерно и для южных осетин.

Другое историческое противоречие сформировалось по поводу конфликта южных осетин с грузинскими князьями в сер. XIX века. Грузинская феодальная знать считала, что южные осетины находились в постоянной феодальной зависимости и платили им подати. Южные же осетины всегда были свободными, никогда не подчинялись грузинским князьям и не платили им налогов. Однако, как явствует из исторических хроник, в середине XIX века грузинская феодальная знать, опираясь

на русскую военную администрацию, выдвинула претензии на установление отношений феодальной зависимости в Южной Осетии и на политическое господство и контроль над регионом. Попытки грузинских князей Мачабели, Эристави, Амилахвари и других, используя русскую армию, проникнуть в Южную Осетию под видом ее «законных владельцев» привели к их столкновению с южными осетинами.

Российские власти попытались разрешить грузино-осетинский спор. Русский император посчитал нецелесообразным и слишком обременительным для казны постоянное употребление силы против Южной Осетии с целью ее подчинения грузинским князьям. С целью примирения сторон и обеспечения мира и стабильности в регионе Российский Сенат и лично сам император предложили выплачивать ежегодно грузинским дворянам компенсацию из казны в размере их предполагаемого дохода с южных осетин, а южных осетин перевести в разряд казенных крестьян, подчинявшихся непосредственно государству и плативших налоги в казну. Тем самым Россия впервые признала обособленный статус Южной Осетии по отношению к Грузии - это был некий прообраз будущей югоосетинской автономии. Память о конфликте сер. 19 века до сих пор жива в коллективной этнической памяти.

Наиболее значимое историческое противоречие сформировал конфликт 1918-1920 гг., вылившийся летом 1920 года в настоящую межэтническую войну. Южная Осетия, после распада Российской империи оказалась в составе образовавшейся в Закавказье Грузинской Демократической республики, в рамках которой она попыталась добиться самоуправления. В адрес грузинского правительства были направлены многочисленные обращения Национального Совета Южной Осетии, действовавшего в тот период в качестве основного представительного органа Южной Осетии, о предоставлении автономии (создание югоосетинского кантона по типу швейцарских). Предложения встретили категорический отказ со стороны грузинских властей, публично декларировавших «равноправный» подход в отношении нацменьшинств. В меморандуме Национального Совета Южной Осетии от 1919 года отмечалось, что *«правительство Грузии показало удивительный пример полного презрения к правам других народов: ни одно из требований, адресованных Национальным Советом Осетии, не получило до настоящего времени удовлетворительного разрешения»*⁹.

Грузия прибегла к политике геноцида в отношении южных осетин. В ходе карательной акции грузинского правительства была развязана ширококомасштабная (по меркам региона) война, имев-

шая тяжелейшие последствия для Южной Осетии. Правительственные войска Грузинской республики учинили полное разрушение и этническую чистку территории Южной Осетии: около 5 тысяч этнических осетин погибло в ходе этой войны и на горных перевалах при отступлении на Северный Кавказ. В результате вынужденной миграции 20 тысяч беженцев оказались в Терской области, где из них 15 тысяч погибло от голода и массовых эпидемий, охвативших этот регион в период гражданской войны. По экспертным оценкам население Южной Осетии, насчитывавшее на 1900 год около 35 тысяч человек, а к 1920 году около 42 тысяч (с учетом коэффициента естественного прироста того периода в расчете 10 человек на каждую 1000 жителей в год) этнических осетин, сократилось почти на 60% . Огромный урон был нанесен экономике: по собственным грузинским оценкам было сожжено 25 крупных селений, 1588 жилых и 2639 хозяйственных построек, уничтожено 23600 га посевов, погибло и было угнано в Грузию до 80,3% крупного и 82,3% мелкого скота.

В результате подобного опустошения Южная Осетия перестала существовать де-факто, и лишь в начале 1921 года с приходом в Грузию 11-й Красной Армии югоосетинские беженцы получили возможность вернуться и восстановить свою родину. Конфликт 1918-1920 гг. наиболее ярко отпечатался в осетинской этнической памяти и сыграл значительную роль в формировании конфликтных представлений периода 1989-1992 гг.

Длительное историческое противостояние Южной Осетии и Грузии привело, в конечном счете, к ряду весьма характерных для такого опыта взаимоотношений последствий. Во-первых, это образование разных, кардинально отличных друг от друга, этнополитических субъектов, поскольку Южная Осетия и Грузия формировались не в едином, а в разных политико-правовых и социокультурных пространствах. Во-вторых, неопределенность отношений де-факто. Южная Осетия и Грузия в ситуации вынужденных взаимоотношений не знают как относиться друг к другу: длительный период тесного соседства и общения грузинского и осетинского этносов оставил в наследство ситуацию, когда ни одна из сторон не в состоянии более ими менее бесконфликтно идентифицировать противоположную сторону и определить характер взаимоотношений с ней, апелляция к которым могла бы избежать конфликтного взаимодействия. В-третьих, это неоформленность отношений де-юре. На сегодняшний день не существует какого-либо официального документа, или формального соглашения между двумя народами, касающегося вопроса их взаимоотношений, имевшего место когда-либо в прошлом и легитимирующего определенным образом отноше-

ния этносов, который бы явился результатом добровольного согласия и коллективного волеизъявления обеих сторон.

Выводы

Базовые противоречия грузино-осетинского конфликта определяются спецификой разнородных факторов геополитики, этнополитики и истории. Геополитические противоречия производят весьма острую для обеих сторон проблему безопасности. Этнополитические противоречия формируют основное противоречие грузино-осетинского конфликта – этностатусное. Исторические противоречия создают определенные этнопсихологические предпосылки конфликтного взаимодействия, поскольку отпечатываются в коллективной этнической памяти и всплывают в кризисных ситуациях.

Контрольные вопросы

- 1. Особенности югоосетинской геополитической ловушки*
- 2. Конфликтогенность этнополитики в грузино-осетинских отношениях*
- 3. Исторические противоречия как фактор роста напряженности в грузино-осетинских отношениях*

Лекция 5. Конъюнктурные противоречия в грузино-осетинском конфликте

- 1. Политические противоречия советского периода**
- 2. Экономические противоречия советского периода**
- 3. Социальные противоречия советского периода**
- 4. Внешнеполитические противоречия**

1. Политические противоречия советского периода

Политические противоречия между Южной Осетией и Грузией оформились в 1922 год, период образования Грузинской ССР с принудительным включением Южной Осетии в ее состав. Южная Осетия, только что пережившая тяжелейшую межэтническую войну 1920 года, не желала входить в состав Грузии. Более того, в результате грузинского противодействия предложения югоосетинского руководства об образовании на территории Южной Осетии автономной республики не были поддержаны в Москве, и Южная Осетия вместо автономной республики получила статус автономной области. При этом подчинение области грузинской власти практически совпало с давнишним стремлением грузинской элиты установить в Южной Осетии свой этнополитический контроль и отношения господства/подчинения. Статус области, лишенной собственной конституции, предоставлял все возможности для этого, поскольку делал ее юридически беззащитной перед Грузией.

Подобная ситуация создавала в Южной Осетии ощущение неуверенности и нестабильности насчет будущих грузино-осетинских отношений. Поэтому югоосетинская позиция в вопросе объединения с Грузией склонялась к тому, что *«союз с Грузией представляет собой с политической точки зрения несправедливый акт, который послужит причиной постоянных конфликтов, и этот акт не будет обоснован также и с точки зрения культурной жизни»*¹⁰.

Неустойчивость положения Южной Осетии в составе Грузии дополнительно усугублялась фактом раздела Осетии на Северную и Южную, или же проблемой разделенности, с которой осетинский этнос столкнулся в начале 1920-х годов: Северная Осетия была включена в состав Российской Федерации, а Южная - в состав Грузинской ССР. Разрыв с основной этнической частью внушал в Южной Осетии опасения насчет возможностей дальнейшего развития этнической культуры.

Для Грузии же факт образования на территории Южной Осетии автономной единицы и ее интеграция в состав ГССР

формировали так называемую «осетинскую проблему», поскольку автономный статус Южной Осетии, хотя и в усеченном виде, ограничивал грузинский и устанавливал осетинский этнический контроль в регионе. Поэтому Грузия расценила факт образования Юго-Осетинской Автономной Области как нанесение большого урона территориальной целостности Грузии, осуществленное без разрешения грузинского народа, против его воли и интересов.

Прочность этой искусственной связки (Грузинской ССР) была очень сомнительной на всем протяжении советского периода и обеспечивалась в основном третьей ролью установившего ее союзного Центра. По признанию исследователей, в т.ч. и грузинских, единство Советской Грузии было призрачным не только для абхазов, осетин, армян, азербайджанцев, которые не осмысливали для себя опоры в грузинской республике, но и для этнических грузин. Поэтому Грузинская советская республика представляла собой шаткую конструкцию, которая не могла быть долговечной и при малейшем кризисе имела все шансы развалиться. Таким образом, в годы советской власти в Грузии был установлен насильственный социальный и межнациональный мир.

Политические противоречия на всем протяжении советского периода подпитывались в целом неравенством политических статусов меньшинств по отношению к титульным этносам союзных республик. Советское государство оказалось вынужденным признать субъектность этносов через формальное (юридическое) утверждение их различных статусов. В 1920-е гг. в СССР была введена сложная иерархия форм национальной государственности в зависимости от степени зрелости этнической группы: союзная, автономная республики, автономные области, национальные районы. Иерархическая структура национально-государственного устройства этносов фактически узаконила верховенство в обществе вертикальных отношений господства/подчинения: меньшие «братья» подчинялись средним, а те, в свою очередь, старшему брату.

Положение этносов, в особенности малочисленных, осложнялось и тем обстоятельством, что, несмотря на сложную иерархию этнических статусов, государственная политика по отношению к народам строилась на принципе унификации всей общественной жизни, отрицания внутренней социально-политической структуры этноса. По оценкам исследователей существовавшая социальная, политическая и культурная иерархия этнических групп в данном регионе мира (СССР), а также репрессивные действия прошлого режима в отношении на-

родов, населяющих территорию бывшего СССР, столь велики, что имеется более чем достаточно оснований для межэтнических противоречий как на личностном, так и на групповом уровнях». Поэтому грузино-осетинские противоречия в сложной системе национально-государственного устройства СССР имели немного шансов на разрешение.

2. Экономические противоречия советского периода

В экономической сфере грузино-осетинские противоречия фокусировались на имеющихся диспропорциях в развитии промышленности и сельского хозяйства. Различия в уровне экономического развития регионов внутри одного государства - повсеместно встречающееся и естественное явление, и даже в мононациональных государствах на основе таких различий могут складываться межрегиональные противоречия. В том случае, если эти региональные экономические различия, по крайней мере, частично совпадают с этнической структурой государства, это может послужить основанием для формирования межэтнических противоречий. Так, грузинская сторона указывала на то, что Юго-Осетинская Автономная Область не является самодостаточной. По мнению грузинских исследователей ЮОАО фактически жила на дотации из республиканского бюджета. По их мнению, уже в 1927 году доход ЮОАО составил 178 тыс. рублей, содержание же управленческого аппарата обходились в 138 тыс. рублей и это было характерно в Южной Осетии и для всего последующего периода.

По мнению осетинской стороны, Грузия осуществляет экономическую дискриминацию Южной Осетии. Согласно осетинским исследованиям, для экономически отсталой, аграрной Южной Осетии важнейшим звеном социально-экономического развития была индустриализация края. Для ее успешного осуществления здесь имелись и сырьевая база, и трудовые ресурсы, и рынок сбыта. Однако республиканские власти всячески препятствовали созданию и развитию здесь промышленности. Тем самым область обрекалась на роль аграрно-сырьевого придатка промышленно-развитых центров Грузии. К примеру, республиканские власти в отношении Южной Осетии широко практиковали «дифференцированный» подход в планировании, зловещий смысл которого заключался в том, что план сдачи зерна устанавливался тем горным районам области, где пшеница никогда и не произрастала, план сдачи яиц - тем районам, в которых никогда не было птицеводства. Такая политика

экономической дискриминации югоосетинского крестьянства вела к нищете и разорению сельских тружеников области.

Серьезное недовольство и открытые опасения вызывало в Южной Осетии стремление руководства Грузии не допустить строительства Транскама, связавшего круглогодично Северный Кавказ и Закавказье. Появление дороги отвечало этническим осетинским интересам, поскольку Транскам обеспечивал Южной Осетии всесезонную и быструю связь с севером - Северной Осетией и Россией. Это имело немаловажное значение в плане обеспечения безопасности Южной Осетии на случай обострения отношений с Грузией. В последующем, в период вооруженного конфликта 1989-1992гг. именно такую роль и сыграла эта дорога: она помогла Южной Осетии выжить, а без неё могла повториться картина войны 1920 года.

В Грузии же строительство Транскама расценивалось как угроза и ущемление грузинских этнических интересов. Особое недовольство грузинской элиты вызывало строительство через Главный Кавказский хребет Рукского тоннеля, связавшего Северный и Южный Кавказ. По признанию грузинских исследователей строительство Рукского тоннеля отвечало «реакционным интересам России» и противоречило интересам грузинского народа. По их мнению, это было нарушением «природной гармонии» Кавказского хребта как естественной и исторической границы между Грузией и Россией, и тем самым нарушилась основная функция Кавказского хребта - защищать Грузию от опасности с Севера.

Грузинская позиция в отношении Транскама официально была подтверждена в 1989 году, когда в период развала СССР появилась возможность открыто поставить этот вопрос и требование «закрытия Рукского тоннеля» становится одним из основных в идейно-политической платформе грузинского национального движения. Однако и официальные, пока еще коммунистические, власти Грузии попытались под видом ремонта перекрыть Рукский тоннель. В январе 1990 года министерство автотранспорта ГССР выступило с официальным заявлением в правительственной печати о том, что решено полностью закрыть Рукский тоннель и начать его ремонт. Грузинское правительство стало рассматривать вопрос о круглогодичной эксплуатации Военно-Грузинской дороги через Крестовый перевал. Практически это была попытка отрезать Южную Осетию от Северной Осетии и России, лишить ее помощи союзников и сделать беззащитной в условиях обострения грузино-осетинского противостояния 1989-1992 гг.

3. Социальные противоречия советского периода

Значительные грузино-осетинские разногласия сложились в социальной сфере. Грузинская сторона выражала недовольство увеличением осетинского населения по Грузии в целом. Согласно ее оценкам, за 1926-1989 гг. численность осетин в ЮОАО повысилась незначительно - на 4,8 тысячи, или на 8%, осетин же, проживающих за ее пределами - на 47 тысяч, т.е. на 87%., в том числе численность осетин в Тбилиси увеличилась в 105 раз, а за последние 60 лет - в 23 раза. По мнению грузинских авторов, это стало результатом того, что осетины из Северной Осетии и ЮОАО переселялись в города и районы Грузии, и этническое освоение осетинами территории Грузии на протяжении XX столетия стало происходить весьма интенсивно. Наиболее угрожающей считала грузинская сторона этнодемографическую ситуацию в ЮОАО. По ее мнению, осетинское население ЮОАО росло более быстрыми темпами, чем грузинское. По данным грузинских авторов, по переписи 1979 года осетин было 72,8%, грузин 16,1%, а уже по переписи 1989 года осетин стало 74,5%, грузин 16,3%.

Тревогу грузинской стороны вызывало то обстоятельство, что компактность и более быстрые темпы роста осетинского населения в ЮОАО лишали грузинскую сторону возможности осуществления своих притязаний. В случае решения проблемы этой территории через демократические процедуры, включая референдум, территория оставалась под осетинским этническим контролем. Поэтому «грузинской стороне требовалось изменение этнодемографического баланса в Южной Осетии»¹¹.

Осетинская же сторона выражала свою озабоченность сокращением численности осетинского населения ЮОАО, повышением уровня смертности и миграции из области. По мнению осетинских авторов, политика советского руководства Грузии в Южной Осетии сводилась к обеспечению застоя в экономике и социальной жизни. Тем самым искусственно вызывались высокие темпы миграционных процессов. По этой главной причине более 200 тысяч южных осетин расселилось во внутренних районах Грузии. Такой социальной и демографической политикой руководство Грузии решило две задачи: а) добилось массовой ассимиляции осетин, разбросанных по Грузии; б) создало предпосылки полной ликвидации Южной Осетии. Тревогу осетинской стороны за свое будущее вызывал факт уменьшения осетинского населения в ЮОАО со 106 тысяч в 1939 году до 98 тысяч в 1989, расценённый отечественными исследователями как демографические корни грузино-осетинского конфликта. Подобная картина, по мнению осетинской стороны, была об-

условлена низким коэффициентом рождаемости, высокими уровнями смертности и миграции из ЮОАО. Так, в 1940 году общий коэффициент рождаемости в ЮОАО составил 25,2, а в 1979 -16,8. По уровню смертности эти цифры составили соответственно 4,7 и 7,7. По миграции сальдо на 1953 год имело положительное значение +0,6, тогда как в 1979 оно было уже отрицательным и стало -6,4.

В конце 1980-х грузинские власти предприняли в отношении ЮО попытки этнодемографической экспансии. В этом отношении разрабатывались планы переселения на территорию Южной Осетии этнических сванов. В декабре 1990 года депутат от Компартии А. Маргиани внес в Верховный Совет Республики Грузия законопроект о расселении на территории Южной Осетии двух тысяч сванов, который не удалось реализовать вследствие развернувшегося вооруженного конфликта. В случае успешного осуществления экспансионистских мер Грузия получала возможность унифицировать Южную Осетию с грузинскими территориями, оспорить этнополитический статус Южной Осетии и в будущем установить грузинский этнический контроль в этом регионе, решив, таким образом, для себя «осетинскую проблему».

Грузинская сторона указывала на низкое представительство грузин в сфере управления Автономной Области. С ее точки зрения грузины были представлены в меньшем числе, чем это им полагалось, если исходить из процентного соотношения населения: в партийных органах области из 140 человек было 34 грузин, в аппарате обкома партии из 37 - 6, в советском аппарате из 227 -49, в сфере обслуживания из 2408 мест грузины занимали 631, в системе торговли из 226 - 32 и т. д.

Осетинская сторона обращала внимание на уровень жизни населения Южной Осетии, на такие показатели социальной сферы, как рост доходов населения, выплата льгот, уровень потребления, размеры заработной платы и национального дохода на душу населения в Южной Осетии по сравнению со средне-республиканским уровнем. Так, на начало 1980-х гг. рост реальных доходов населения в расчете на душу населения в процентах по Грузии составил 117, по Южной Осетии-112, выплата льгот - 17,2 и 13,6, заработная плата - 22 и 13, национальный доход - 110 и 89,8. Наиболее низкие показатели наблюдались в Южной Осетии по уровню потребления продуктов питания по сравнению с республиканскими: норма потребления мясных продуктов составила для Грузии 77,2 кг, для Южной Осетии - 40кг, молочных продуктов - 368 кг и 200 кг и т.д. и это при этом, что автономная область являлась поставщиком этих продуктов в столицу Грузии.

В этнокультурной сфере Южная Осетия столкнулась с фактом «языковой экспансии» со стороны Грузии. В 1939 году Юго-Осетинская автономная область была переведена на грузинскую графику, а с 1944 года — на грузинский язык обучения и делопроизводства. Это была попытка замены русско-осетинского билингвизма на грузино-осетинское двуязычие, что преследовало цель грузинизации и практической ассимиляции южных осетин. Эти действия вызвали острое недовольство, открытое неприятие и противодействие Южной Осетии и были, в конечном счете, отменены Москвой. Подобные меры, без всякого на то сомнения, могли привести уже в тот период к открытому конфликту между двумя этносами, который мог принять довольно крупные масштабы в случае отсутствия регулирующей роли России.

4. Внешнеполитические противоречия

Южноосетинская внешнеполитическая стратегия традиционно формировалась как «северная». В этнокультурном плане к этому южных осетин подталкивало существование на Северном Кавказе сначала Аланского раннефеодального государства, а затем и Северной Осетии - большей части этнической родины осетин, важнейшего этнокультурного ориентира, на который этническое сознание южных осетин ориентируется практически бессознательно. Раздел Осетии в 1922 году на Северную и Южную, поставивший перед осетинским этносом проблему разделенности, обострил этнические чувства южных осетин и усилил их стремление к «этнической консолидации» с северной частью Осетии.

В политическом плане «северная» внешнеполитическая стратегия южных осетин была обусловлена поисками союзников в кризисные периоды противостояния с Грузией, когда Южная Осетия, окруженная с трех сторон грузинской территорией, имела лишь на севере один свободный выход во внешний мир. Поэтому, даже в случае отсутствия этнокультурного ориентира, Южная Осетия вынуждена ориентироваться на север по примеру Абхазии, ориентирующейся на Россию в силу историко-политических причин. Приход же на Северный Кавказ России и, в особенности вхождение Осетии в ее состав в 1774 году, способствовали превращению «северной» политической ориентации южных осетин в «российскую», или пророссийскую, поскольку в лице России Южная Осетия получила могущественного в военном отношении союзника. Поэтому интересы осетинского народа реализовывались именно в единстве с Россией.

Более того, политическая ориентация на Россию со временем приобретает для осетинского этноса важнейшую этнокультурную ценность, поскольку способствует возрождению и расцвету этнической культуры Осетии, с трудом оправившейся от катастрофы средневековья. Это обстоятельство наглядно проявилось в добровольном принятии и усвоении в XIX веке русско-осетинского билингвизма. Использование русской графики и тесные культурные контакты Осетии с Россией привели к возрождению и прогрессу осетинской литературы и культуры, как на севере, так и на юге Осетии. Именно поэтому сохраняющаяся в Южной Осетии до сих пор ориентация на Россию имеет многовековые корни.

Наиболее показательным представляется в этом плане факт принятия и утверждения русско-осетинского билингвизма не только в Северной, но и в Южной Осетии. Этот факт является наглядным свидетельством того, что Южная Осетия в реальности являлась составной и неразрывной частью единого осетинского этнокультурного и этнополитического пространства. В противном случае, более вероятным для Южной Осетии могло бы стать восприятие грузино-осетинского двуязычия, учитывая значительные усилия в этом направлении грузинских миссионеров, а также деятельность известного осетинского просветителя Ивана Ялгузидзе, пытавшегося в XIX веке распространять образование и грамотность в Южной Осетии на основе грузинского языка.

На современном этапе Южная Осетия сохраняет свою многовековую внешнеполитическую ориентацию на Россию с целью максимальной с ней интеграции вплоть до вхождения в ее состав. Политико-правовым обеспечением подобной интеграции стал российско-югоосетинский Договор о Союзничестве и интеграции 2015 г.

Грузинские внешнеполитические стратегии имели тенденцию к резким скачкам и переменам. В средневековый период Грузия, в лице ее верховной власти, рассматривала север как источник угрозы и опасности для грузинского государства. Это было обусловлено соперничеством с Аланским раннефеодальным государством и угрозой вторжения степных кочевников с севера. Однако, со временем место «северной угрозы» все более начинает занимать «южная угроза». Разорительные и даже губительные для грузинского этноса нашествия мусульманских правителей с юга заставляют Грузию искать опору и помощь уже на севере - первоначально на Северном Кавказе, а затем и обращаться к более мощному в военном отношении государству - России. Георгиевский трактат 1783 года по суще-

ству заложил основы «северной» пророссийской ориентации также и Грузии.

Отход от пророссийской ориентации наблюдается в Грузии после развала Российской империи вследствие её стремления возродить национальное государство. Потеря независимости и вхождение Грузии в 1921 г. в состав СССР способствовали укреплению в грузинском этническом сознании определенных представлений, сформированных еще в период Российской империи, о России, как угрозе грузинской государственности, а очередное ослабление России в лице СССР в конце 1980-х гг. привело к усилению прежних идентификаций. Разрыв с Россией в этом контексте стал осмысливаться в грузинском обществе в качестве важнейшей предпосылки обретения былой независимости, а отношение к России стало приобретать ценностный характер, становясь одним из важнейших элементов грузинской этнополитической идентичности. Обоснование этого разрыва стало формулироваться в русле основных элементов грузинского этнонационального сознания:

1. Россия аннексировала Грузию в 1801 году, нарушив Георгиевский трактат 1783 года, и, тем самым, фактически ликвидировала грузинскую государственность. При этом, этническое сознание сознательно игнорирует факт того, что параллельно с этим решалась и проблема физического выживания и сохранения грузинской нации в условиях разрушительных исламских нашествий, а на заключение Георгиевского трактата Грузия пошла, прежде всего, потому, что противостоять этим нашествиям самостоятельно грузинское государство было не в состоянии.

2. Россия в 1921 году во второй раз ликвидировала независимое грузинское государство и завоевала Грузию, подчинив страну и ее народ своим национальным интересам. Негативная оценка переносится, при этом, и на весь советский опыт взаимоотношений. Негатив здесь базируется, в первую очередь, на представлениях о том, что кризис и развал СССР являются результатом совершенно неправомερных и ничем не оправданных изначально действий, приведших к созданию государства СССР. Функционирование СССР с юридической точки зрения считается также неправомερным и безосновательным, т.к. лежащий в его основе Союзный договор 1922 года фактически не действует. В это государство, по мнению грузинской стороны, было включено, «причем насильственно», огромное количество наций и народностей, проживавших на обширной территории.

3. Россия также с целью защиты своих стратегических интересов создала в Грузии т.н. «мины замедленного действия»

- политические автономии - с целью оказания политического давления на Грузию. И в настоящий момент национальные меньшинства в Грузии поощряются к ее дезинтеграции: «Грузию хотят расколоть и раздробить с помощью мин замедленного действия - абхазов и осетин». Поэтому, проблема этнических меньшинств и, прежде всего, проблема этнотерриториальных автономий Абхазии и Южной Осетии в грузинском этническом сознании формулируется как фактор дестабилизации Грузии и серьезная угроза безопасности страны.

Определение России как «сильного врага» предопределяет в этнической идеологии установку на то, что в интересах Грузии опереться на мощного и надежного союзника, и таким союзником Грузии представляется политический и военный противник России - Запад, олицетворяющий Европу и США. Выбор союзника в данном контексте осуществляется по принципу: «враг моего врага - мой друг и союзник», что приводит в этнонациональном сознании к формированию стереотипа - образа «друга и союзника № 1» - Запада. Одним из мотивов формирования подобного стереотипа в грузинском этническом сознании является представление о том, что «Запад поможет Грузии в борьбе с Россией». Поэтому именно Западу отводится роль «гаранта независимости и безопасности Грузии». Для реализации этих установок Грузии необходимо в предельно короткие сроки заключить военно-политический союз со странами Запада и вступить в блок НАТО, активно противостоящий России. Помимо всего, Запад не только стратегический союзник Грузии, но и этнокультурный ориентир, поскольку, в представлении грузинских идеологов, цивилизационная принадлежность Грузии к Западу больше, чем к российскому миру¹².

Отказ Грузии, таким образом, от пророссийской ориентации имел следствием её переориентацию с севера на запад и заложил основы современной прозападной грузинской ориентации. При этом, наиболее характерной чертой в этой новой политической ориентации Грузии становится ее открытая антироссийская направленность, когда руководство Грузии проводит политику максимального дистанцирования от России.

На современном этапе прозападная внешнеполитическая ориентация Грузии сопровождается растущим ее стремлением к максимальной интеграции в евроатлантические военно-политические и экономические структуры. Именно на это направлены усилия Грузии к вхождению в состав Евросоюза и НАТО. Наиболее активные шаги предпринимает Грузия в направлении вхождения в состав НАТО. Об этом свидетельствуют бесчисленные программы военно-технического сотрудничества с альянсом.

На практике переориентация Грузии привела к созданию ситуации, когда у наций складываются противоположные и разно-

направленные стратегии по проблеме самоопределения: политические стратегии осетинской и грузинской идентичностей стали формироваться и формулироваться как противоположные и разнонаправленные, базирующиеся на разных основах: одна на основе тесного союза с Россией, другая на основе полного разрыва с ней. Векторные составляющие этих остратегии оказались, таким образом, направленными в разные стороны: осетинский вектор - на север, грузинский - от севера и на запад. Подобная разнонаправленность, безусловно, стимулировала противостояние двух идентичностей, способствуя тому, что «причиной конфликта в Южной Осетии явились разные политические ориентации Южной Осетии и Грузии, Южной Осетии – пророссийская, Грузии - антироссийская» .

Отход Грузии от пророссийской ориентации существенным образом повлиял на характер межэтнических отношений в югоосетинском регионе, неизбежно осложнив и обострив грузино-осетинские отношения. На практике это выразилось в значительно возросшем давлении на Южную Осетию со стороны Грузии, поскольку политическая ориентация осетинской идентичности в сложившемся варианте стала вызывать с ее стороны жесткое противодействие.

Выводы

За советский период сложился целый клубок грузино-осетинских противоречий, располагавшихся в самых разных сферах общественно-политической жизни. Данные конъюнктурные факторы были достаточно конфликтогенны сами по себе и обладали достаточной способностью самостоятельно инициировать конфликт даже без прошлых противоречий. Эти конфликтогенные факторы, безусловно, были производны от специфики сложившейся в советский период конъюнктуры, однако, некоторые из них, очевидно, имели определенную связь с прошлыми противоречиями. Современные противоречия сторон в значительной степени являются продолжением прежних противоречий советского периода.

Контрольные вопросы

- 1. Политические противоречия советского периода*
- 2. Экономические противоречия советского периода*
- 3. Социальные противоречия советского периода*
- 4. Современные грузино-осетинские противоречия*

Лекция 6. Иницирующий фактор грузино-осетинского конфликта

1. Феномен национализма

2. Этнонационализм в Грузии

3. Этнонационализм и «осетинский вопрос»

4. Последствия этнонационализма

1. Феномен национализма

Этническая конфликтология рассматривает идеологию национализма в качестве одного из важнейших источников этнических конфликтов. Согласно точке зрения одного из ведущих российских конфликтологов Е.И. Степанова, национализм вносит в межнациональные отношения такой элемент противостояния и конфронтации, который не только порождает межнациональные конфликты, но и создает опасность острых национальных кризисов и катастроф. Именно поэтому он представляет для этноконфликтологических исследований первостепенный интерес в качестве предмета анализа, концептуализации, прогнозирования и практического регулирования.

Такая роль национализма в этнических конфликтах обусловлена, на наш взгляд, некоторыми его специфическими характеристиками.

Во-первых, в социально-психологическом плане - это амбивалентность самой национальной идеи, содержащей как позитивную сторону - рост национального самосознания, обретение национальной идентичности, возрождение самобытности и т.д., так и негативную - усиление межнационального противостояния, взаимоотторжение, самоизоляция, стимулирование межнациональной розни и т. д. При этом, обе эти стороны национальной идеи имеют не случайный, конъюнктурный, а в значительной степени закономерный характер, обусловленный самой диалектикой самоидентификации, предполагающей фиксирование различий, а не сходства, акцентирование собственных позитивных самохарактеристик за счет умаления чужих и закрепляющий таким образом тенденцию, ведущую не к сближению, а к отчуждению.

В силу подобной специфики национализма отношения между этносами могут принимать такой характер, когда запросы одного этноса по воспроизводству и укреплению своих культурных традиций и ценностей принимают форму экспансии, настойчивого навязывания их другому этносу, воспринимаясь, поэтому последним как ущемление его собственных этнокультурных

устремлений, требующих в этой связи защиты. Отсюда национализм следует понимать с точки зрения конфликтологии, как особую концепцию видения мира, когда различные этносы представляются соперниками в борьбе за выживание, за достижение преимущественного положения за различные блага, т.е. акцентируется фактор вражды по отношению к другим нациям. Именно поэтому если национальная идея бытует в качестве актуальной в полиэтничном обществе, она непременно проявляет себя межнациональной конфликтностью.

Во-вторых, - это важнейшая характеристика национализма как политической доктрины, выражающей и обосновывающей основные направления и принципы национально-государственного строительства. Будучи представленным двумя основными концепциями нациестроительства - гражданской и этнической, отражающими объективное существование двух типов наций как социального феномена - нации-согражданства и этнонации, национализм в полиэтничном обществе несет в себе значительный конфликтный потенциал. И вот почему.

Гражданская концепция национально-государственного строительства направлена на формирование нации на основе единой гражданской культуры. При этом используются не исторические, а существующие современные юридические и социально-политические реалии. Универсальным критерием, определяющим формирование гражданской нации, является использование «права почвы», согласно которому участие в национально-консолидационном процессе принимают все граждане и группы, объединенные общностью территории и политической культуры (универсализм). С другой стороны, универсализм гражданской концепции предполагает ассимиляцию для того, чтобы новая общность оказалась приемлемой и эмоционально значимой для всех своих членов. При этом, как пишет В.В. Коротева, «путь ассимиляции более эффективен, чем построения абсолютно новой символической системы, включающей культурный багаж нескольких объединяемых групп, но в таком случае не исключено *сопротивление меньшинств*, не желающих расстаться со своим культурным своеобразием»¹³.

Этнонациональная же концепция нациестроительства формируется путем выделения этнических корней и подчеркивания на этой основе общности происхождения этнонациональной группы. Такой подход предопределяет в этническом сознании использование истории и естественного права при формировании этнонациональных задач. Этнонационализм использует теорию естественных прав для обоснования своих требований: с точки зрения этнонационализма все требования этноса обу-

словлены его «естественным правом» на территорию, государство и доминирование.

Согласно этнонационализму, в консолидационных процессах этнической общности могут принимать участие лишь индивиды и группы, объединенные на основе единокровного происхождения и связанные друг с другом едиными этническими корнями. Как считает Э.Смит «Этническая концепция нации стремится заменить обычаями и диалектами юридические коды и институты, которые образуют основу гражданской нации. Даже общая культура и «гражданская религия» (патриотизм) гражданской нации имеет свой эквивалент в этнической концепции - своего рода мессианский нативизм, вера в искупительные качества и уникальность этнической нации. В этнической концепции нации «история» становится двойником «культуры» в гражданской концепции»¹⁴.

Этнонационализм в своем прикладном исполнении опирается на принцип исключения, или же эксклюзивный принцип нациестроительства, базирующийся на «праве крови» и общности происхождения, и направлен на формирование чисто этнокультурных, исключающих представлений о нации и государстве, т.е. дифференциализм. Такой принцип призван подчеркнуть роль только своего этноса в процессе нациестроительства. Исключение других, при этом, приводит к возведению своих в ранг исключительности, что способствует формированию этноцентризма, призванного обосновать особую роль собственной нации. Этнонациональная аргументация отличается значительной долей иррационализма, поскольку существующие реалии не берутся в расчет.

В силу большей роли этничности в процессах национально-государственной консолидации этническая концепция национализма по сравнению с гражданской содержит более значительный конфликтный потенциал. По мнению В.А. Авксеньева, «нельзя не согласиться с тем, что этнонации содержат в себе определенный конфликтный потенциал: соединение этничности и государственности в полиэтничных государствах чревато многими проблемами, начиная от этнического распределения власти и до сепаратизма с его тяжелейшими последствиями»¹⁵.

2. Этнонационализм в Грузии

Основные параметры грузинского национализма подтверждают его идентификацию как этнонационализм. Одним из наиболее характерных признаков в этом плане служит апелляция к естественному праву. Базовая формула грузинского националь-

ного проекта декларирует: «Мы ничего не хотим сверх того, что нам принадлежит *по праву*, но то, что наше, мы не отдадим». А право крови служит доказательством этнических прав на территорию: «Земля Шида Картли, где каждая пядь земли окрашена кровью предков, исконно грузинская земля...», - писал в 1988 году профессор Т.Кванчилашвили.

Исторические корни грузинского этнонационализма стали формироваться еще в период средневековья. В тот период этническая концепция определяла Грузию как «те земли, где церковная служба и все молитвы произносятся на грузинском языке», придавая лингвистической основе религиозную форму. Патриарх грузинского либерального национализма XIX века И. Чавчавадзе слегка видоизменил эту формулу, поставив религию на последнее место, но сохранив основу: «язык, отечество, вера».

По оценкам грузинских исследователей полная политизация грузинского национализма произошла в тот период, когда исторические обстоятельства - сначала распад Российской империи, а затем провал идеи Закавказской федерации в 1918 году - подтолкнули страну к провозглашению полной независимости. Парадигма грузинского политического национализма сформировалась именно в это время, а национально-освободительное движение периода перестройки восстановило эту парадигму почти без изменений.

Грузинский этнонационализм подпитывался также и советским этнофедерализмом. В процессе формирования в Грузии этнонационализма решающую роль сыграло нациестроительство в бывшем СССР, осуществлявшееся именно на базе этнической концепции нации. Поскольку попытки преодоления этнических представлений о нации в Советском Союзе были безуспешны и не привели к формированию советской гражданской нации, то после распада СССР этнокультурное представление, преобладавшее в Советском Союзе, было унаследовано всеми сменившими его государствами.

3. Этнонационализм и «осетинский вопрос»

Политическая парадигма этнонационализма направлена на ликвидацию всех автономий в Грузии. Согласно этнотерриториальной, или же политической, парадигме этнонационализма осетинская автономия, как и две другие автономии в Грузии - Абхазская и Аджарская - не имела права на существование, поскольку «в независимой и суверенной Грузии не должно быть никаких автономных этнических образований». Подобная категоричность, безусловно, провоцировала конфронтацию с авто-

номиями, поскольку совершенно не учитывались сложившиеся на тот момент в регионе социально-политические реалии, а также коллективные права образующих эти автономии этносов.

Стремление грузинского общества ликвидировать автономии в значительной степени было обусловлено актуализацией проблемы территории и границ в процессе нациестроительства. Согласно А.Смиту, этническая нация сначала должна очертить свои границы, и, если они не совпадают с областью расселения, то этническая нация начинает отрицать статус-кво. Поэтому проблема территории и границ интерпретируется в Грузии в чисто этнических категориях - этнический контроль над территорией и определение этнических границ воссоздаваемого государства: «в Грузии нет негрузинской земли». В трактовке этнонационализма границы воссоздаваемого грузинского государства должны быть очерчены по максимально-предельной траектории и совмещены с существующими административными границами ГССР.

Этнический контроль над территорией, со своей стороны, объективно невозможен без полного политического контроля, в связи с чем в качестве важнейшей предпосылки его осуществления рассматривается унитарное построение государства. В этом плане этнотерриториальная парадигма грузинского национализма базировалась на полном отказе от федералистской структуры Грузинской ССР, демонтаже его национально-государственного устройства и стремлении создать унитарное государство с централизованным управлением, наделив всеми властными функциями управления титульный этнос, при этом, этнические меньшинства лишались возможности самоуправления на собственных территориях. Следовательно, отрицание легитимности автономий проистекало от принципиальной невозможности их существования в составе новой Грузии вообще. В этом плане существование осетинской автономии также явно противоречило грузинским этническим целям: она как таковая ставила под серьезное сомнение возможность установления полного грузинского контроля над территорией Южной Осетии, а значит и определения здесь этнических границ воссоздаваемого грузинского государства.

Для аргументации ликвидации автономий этнонационализм использует *историю*. Историческая трактовка здесь также вполне отвечает грузинским этническим целям, поскольку позволяет легитимировать этнические требования упразднения автономий в соответствии со своими этническими интересами. Так, согласно версии другого популярного в тот период в Грузии автора по осетинскому вопросу доктора исторических

наук Дж. Гвасалиа, автономии должны быть ликвидированы в обязательном порядке постольку, поскольку «в прошлом в Грузии никаких автономий не существовало, и в прошлом у южных осетин никакой государственности не было». Такой подход дает возможность вынести и окончательный вердикт: «на исторической грузинской земле не может быть никаких государственных и полугосударственных образований» (!).

Причины же появления все-таки автономии вопреки всем прогнозам грузинские идеологи относят за счет не объективных, а довольно субъективного фактора - вмешательства «третьей силы - России», которая якобы создала югоосетинскую автономная область искусственно в 1922 г, в качестве мины замедленного действия для давления на Грузию. В случае же признания объективно-исторического характера появления автономных образований грузинская сторона лишалась возможности их устранения, историческая аргументация становилась абсурдной. Поэтому ликвидация автономий упрощенно приравнивается к устранению вмешательства России во внутренние дела Грузии.

Особый «исторический аргумент» этнонационализма – это ***права на территорию***. Конечной целью исторических интерпретаций идеологов грузинского этнонационализма явилась все-таки территория, поскольку для этноса достаточно быть ассоциированным с территорией, а нация должна обладать компактной территорией и добиваться полного контроля над ней. Поэтому исторические аргументы используются этнонационализмом для легитимации этнических территориальных прав, когда национальные идеологии, ввязанные в этнический конфликт, подходят к истории с требованием доказать права на спорные территории.

Доказательство этих прав этнонационализм осуществляет по следующей схеме: осетины - в прошлом переселенцы-мигранты, а значит - гости- некоренные, следовательно, они по статусу гостей не имеют прав на территорию своего проживания, которая принадлежит коренным - хозяевам, т.е. грузинам. Такой подход позволяет профессору, доктору исторических наук, также одному из видных «специалистов» по осетинской проблеме Нодару Ломоури формулировать права на территорию чисто риторически: «Чья она, грузинская земля?». Ответ на риторический вопрос предопределен: «Земля Шида Картли - исконно грузинская территория, древняя грузинская земля». По мнению А.Бакрадзе: «Имеют ли осетины право на эту землю? Осетины в прошлом беженцы на этой земле и теперь они не имеют прав на нашу землю. Земля принадлежит тем,

кто на ней проживал испокон веков». Противопоставление грузинских и осетинских этнических прав на территорию Южной Осетии предопределяет невозможность законного проживания негрузинского этноса на своей территории. Более того, по аргументации грузинских авторов, если осетины «хотят жить на своей территории, то пусть выселяются на север, где находится их реальная историческая родина». Определение осетинской территории на севере является дополнительным аргументом в пользу грузинских прав, поскольку позволяет автоматически идентифицировать грузинскую территорию на юге и снять все осетинские к ней претензии. Граница в таком случае между двумя территориями по грузинской версии определяется легко и удобно: «Кавказ - естественная граница Грузии».

Использование грузинской стороной исторических аргументов проистекало, в первую очередь, от самой специфики этнической концепции нациестроительства, когда этнонационализм «на место юридических реалий ставит более мощные аргументы - «естественные права» этого этноса; отсюда апелляция к древним связям, которые кажутся столь же органическими, как и сама природа». Однако обращение этнонационализма к таким «мощным аргументам» имело и вполне прагматическое обоснование: использование истории объяснялось и тем, что аргументировать этнические и политические притязания с точки зрения существующих реалий никак не представлялось возможным. Осетинская автономия реально существовала на данный момент и имела подавляющее большинство осетинского населения, а вот в прошлом ее действительно не было. Поэтому современность объективно вступала в противоречие с грузинскими этническими целями, а история вполне им благоприятствовала.

В грузино-абхазском конфликте, к примеру, аргументация грузинской стороны выглядела совершенно по-другому. В Абхазии, имевшей древнюю государственность, апелляции к истории были бессмысленны и грузинская сторона, обладавшая здесь демографическим преимуществом, обращалась в своей аргументации к международному праву, хотя и здесь достаточно были распространены различные теории о «пришлости абхазов» с Северного Кавказа.

Этнокультурная парадигма этнонационализма направлена на исключение осетинского этноса из процессов грузинского нациестроительства. Согласно ей только грузинский этнос имел полное право на участие в национально-государственной консолидации, а осетинский этнос и все другие этнические меньшинства в Грузинской ССР из этого процесса исключались.

Этнические меньшинства не допускались к грузинскому национальному строительству, несмотря даже на их определенную интегрированность в грузинское общество. И в этом плане создавалась парадоксальная ситуация: даже в случае согласия осетин и других меньшинств жить на «грузинской земле» и по грузинским законам у них здесь не могло быть родины. Родина осетин, определяемая в этническом грузинском сознании как «историческая», находилась по грузинской версии на Северном Кавказе, и осетины в любом случае оставались в Грузии «чужаками».

Внешним проявлением и лейтмотивом формировавшейся в грузинском обществе этнокультурной парадигмы стал лозунг и массовый призыв национального движения Грузии «Грузия для грузин!». Этот лозунг объективно был направлен против всех негрузинских этносов и, безусловно, содержал в себе достаточно высокую конфликтогенность.

4. Последствия этнонационализма

За сравнительно короткий промежуток времени (не более года) титульный этнос умудрился испортить отношения практически со всеми этническими меньшинствами по всей территории ГССР, вызвав их повсеместное недовольство.

Грузинская аргументация упразднения автономий вызывала возмущение в Южной Осетии и в других автономиях, считавших, что отсутствие в составе Грузии в далеком прошлом национальных автономий совершенно не дает оснований их ликвидировать в настоящем. По мнению меньшинств, этнотерриториальные образования не обязательно должны иметь длительную предысторию и их образование в любой исторический промежуток времени может носить вполне правомерный и обоснованный характер. То же самое касается в принципе и государств, которые то возникают, то исчезают в различные исторические периоды, чему наглядным доказательством было и само грузинское государство, распавшееся фактически уже в XIII веке и воссозданное в его тогдашних границах лишь в 1918 году и то просуществовавшее лишь три года.

Под воздействием национализма и его лозунгов грузино-осетинские отношения, отличавшиеся относительной стабильностью в прежние годы, вступили в полосу глубокого кризиса и депрессии. Резкое обострение межэтнических отношений, при этом, произошло не только в Южной Осетии, но и в самой столице республики - городе Тбилиси и в т.н. «внутренних районах» Грузии, где в количестве около 100 тысяч человек проживала осетинская диаспора, весьма далекая первоначально

от межэтнических противоречий и политических проблем Южной Осетии и Грузии. Однако она первой подверглась натиску антиосетинских репрессий, когда в отношении национальных меньшинств распространяются необоснованные обвинения, прямые угрозы, массовые противоправные действия (погромы, грабежи, изгнания и др.). Сотни и тысячи людей осетинского происхождения, родившиеся в Грузии и успевшие интегрироваться в грузинское общество, в одночасье оказались в социальной изоляции. Потеря жизненной ориентации, отчуждение, разочарование и страх за будущее сделали жизнь этих людей в Грузии невыносимой.

Фактор этнонационализма оказал дестабилизирующее воздействие не только на грузино-осетинские, но и на общее состояние межэтнических отношений в республике. Этнонационализм, основанный на «праве крови», затруднял практическую интеграцию этнических меньшинств в грузинское общество. Принцип исключения означал для них невозможность дальнейшего проживания в Грузии, поскольку независимо от своей политической ориентации представители меньшинств оказывались лишними людьми. И даже в случае выражения своей политической лояльности титульному этносу, они не могли рассчитывать на статус полноправных грузинских граждан, т.е. обрести в Грузии заново свою родину. Поэтому этнонационализм приводил вместо интеграции этнических меньшинств к их дезинтеграции и дистанцированию от грузинского общества и государства. Особое непонимание и откровенную тревогу меньшинств вызывали призывы к искусственному ограничению рождаемости у негрузинских этносов, которые однозначно воспринимались ими как проявления геноцида, расизма и фашизма.

Подобное отношение к этническим меньшинствам фактически оставляло за бортом грузинского нациестроительства до 1/3 населения Грузинской ССР и «приводило к вынужденной эмиграции большого количества представителей негрузинских этносов».

Распространенной практикой стали межэтнические столкновения грузин с абхазами, азербайджанцами, лезгинами в Кахети, армянами в южной Грузии, греками в Цалке и практически всеми этническими меньшинствами. Преследование по этническому признаку привело к массовому исходу ни в чем не повинных людей с мест своего исконного проживания и переселению их на территорию Южной Осетии и Российской Федерации. Летом 1989 года Грузию покинули русские духоборы (религиозное меньшинство), поселившиеся в Грузии в XIX веке, несколь-

ко деревень которых, благодаря их трудолюбию и эффективной организации труда, давало больше мясомолочной продукции, чем весь регион. Большое количество русских и русскоязычных граждан стало покидать Грузию, в том числе ее столицу Тбилиси, убедившись в бесперспективности своего дальнейшего там проживания.

Подобные процессы неизбежно сопровождались повышением общего уровня конфликтности и противостояния в грузинском обществе, что объективно закладывало основы будущих межэтнических кризисов и конфликтов. Поэтому, следует подтвердить точку зрения о том, что «выход на арену национализма, т.е. идеи национального государства как универсальной модели государственного строительства являлся коренной причиной конфликтов в Грузии»¹⁶.

Выводы

Этнонациональная концепция грузинского нациестроительства выступила с отрицанием легитимности этнического статуса южных осетин и призвала к немедленной ликвидации югоосетинской автономии как не соответствующей грузинским историческим реалиям. Более того, этническая парадигма этнонационализма выступила с требованием признания южных осетин в качестве «гостей на грузинской земле» со всеми вытекающими из этого последствиями. Грузинский этнонационализм стал непосредственным фактором инициирования грузино-осетинского конфликта.

Контрольные вопросы

- 1. Феномен национализма*
- 2. Этнонационализм в Грузии*
- 3. Этнонационализм и «осетинский вопрос»*
- 4. Последствия грузинского этнонационализма*

Раздел III. Параметры грузино-осетинского конфликта

Лекция 7. Конфликт этнических интересов

- 1. Проблема «осетинского вопроса»**
- 2. Грузинский вариант решения «осетинского вопроса»**
- 3. Осетинская трактовка «осетинского вопроса»**
- 4. Идейная борьба в СМИ**

1. Проблема «осетинского вопроса»

Столкновение грузино-осетинских интересов произошло вследствие выработки и представления сторонами противоположных и радикальных подходов к «осетинскому вопросу», который актуализировался вследствие распада СССР, когда в результате усиления центробежных сил союзные республики стали «разбегаться» из единого государства и встали на путь обретения независимости.

Для Грузии осетинская проблема представляла собой, прежде всего проблему интеграции югоосетинской автономии и в целом осетинского этноса в состав воссоздаваемого национального государства. Возникновение этой проблемы было обусловлено тем, что форма советской модели интеграции двух этносов, созданная в начале 1920-х гг. изначально оказалась для Грузии неприемлемой. И в новых условиях вопрос встал о том, каким образом интегрировать Южную Осетию и другие этнотерриториальные образования ГССР в грузинское государство, не вызывая недовольства с их стороны, и в то же время защитить собственные национальные интересы.

Очевидно, что данная проблема могла быть решена только при условии сохранения федералистской структуры ГССР и признания легитимности автономий. Отрицание же легитимности автономий означало и отрицание всей политико-правовой основы существования ГССР, что лишало грузинскую сторону возможности сохранить ГССР в качестве основы воссоздания независимого грузинского государства и реализации, таким образом, собственных этнонациональных целей. В отношении Южной Осетии проблема решалась тем, что вхождение Южной Осетии в состав независимой Грузии можно было обеспечить предоставлением статуса автономной республики в составе Грузии на федеративных условиях. В дополнение к этому, поскольку «недоминирующие группы нуждаются в особом обращении для сохранения их характерных черт, отличающих

их от большинства населения» (Аствацатурова М.А.), ситуация объективно требовала выработки новых моделей двусторонних отношений на договорной основе и создания таким образом новой системы национально-государственного устройства грузинского государства.

Такой подход давал возможность не обострять отношений с автономиями и этническими меньшинствами, составлявшими до 1/3 населения ГССР, налаживать с ними стабильные отношения с целью привлечения на свою сторону. Это в свою очередь давало возможность обеспечить мирное сосуществование наций и этнических меньшинств в Грузии, поскольку «защита меньшинств фактически означаем не защиту их интересов, а защиту мира и безопасности в регионе» (Z.Skurbaty). Подобная позиция, безусловно, способствовала бы превращению автономий из потенциальных «врагов» в реальных союзников и таким образом консолидировать все этнические меньшинства и этнотерриториальные образования в рамках национального государства.

В этом плане у грузинской стороны в отношении Южной Осетии были определенные возможности, обусловленные отсутствием открытых межэтнических столкновений в советский период. Это давало реальный шанс развития двусторонних отношений по договорному пути, что могло превратить южных осетин из фактических «нейтралов» не во врагов, а в союзников, избежать межнационального конфликта и, в конечном счете, способствовать скорейшему обретению Грузией долгожданной независимости. В этой связи становилось крайне необходимым преодоление всех негативных признаков и последствий советской искусственной интеграции двух этносов начала 1920-х гг. Легитимный процесс новой модели интеграции был при этом возможен, безусловно, только на путях выработки новых взаимоприемлемых условий и вариантов, предполагающих принцип добровольности и соблюдения интересов сторон. Такая модель была бы направлена, в конечном счете, на сохранение мира и стабильности в регионе и всей Грузии в целом.

Главным, при этом, несомненно, оставалось условие признания югоосетинского статус-кво, независимо от исторических предпосылок образования и политической ориентации. Грузино-осетинские межэтнические интересы имели в таком случае реальные шансы на согласование, поскольку отношения могли строиться на базе весьма распространенного как в обычной политике, так и в этнополитике политического торга по принципу «ты мне - я тебе». Такой подход гарантировал договорный характер будущих грузино-осетинских отношений. К примеру,

грузинская сторона в обмен на сохранение автономии и русско-осетинского билингвизма в Южной Осетии, т.е. югоосетинского статус-кво, могла попросить Южную Осетию разорвать с СССР и войти добровольно в состав независимой Грузии. Это могло найти определенную поддержку в политических кругах и у населения Южной Осетии, осознававших всю проблемность интеграции автономной области в Российскую Федерацию. Хотя и трудно прогнозировать развитие событий в таком варианте, однако, предыдущее мирное состояние грузино-осетинских отношений давало некоторые шансы на успех такой «сделки». Во всяком случае, подобные подходы, если и не исключали вовсе, то сводили к минимуму риск конфронтации и конфликта в межэтнических отношениях и создавали хорошие предпосылки для достижения консенсуса по осетинской проблеме.

Для Южной Осетии «осетинский вопрос» заключался, прежде всего, в проблеме сохранения югоосетинского статус-кво и, в первую очередь, политической автономии и русско-осетинского билингвизма как наиболее важных и крайне необходимых условий защиты коллективных прав южной части осетинского этноса и подтверждения в целом легитимности этнического статуса южных осетин на данной территории.

Данная проблема также актуализировалась вследствие развала СССР, выступавшего основным гарантом легитимности югоосетинской автономии. Разрушение Советского Союза автоматически создавало реальную угрозу для ЮОАО, а обретение Грузией независимости, учитывая исторический опыт грузино-осетинских отношений, и в особенности грузинская ориентация на полный разрыв всех связей с Россией, усиливало эту угрозу. В любом случае вхождение в состав возрождавшегося грузинского государства, формировавшего свои собственные, весьма отличные от советских и российских, идеологические и социально-политические реалии, создавало ситуацию неопределенности. В случае национально-государственной консолидации Грузии без Южной Осетии проблема снималась сама по себе, поскольку Южная Осетия в этом случае оказывалась перед необходимостью интеграции с Северной Осетией и Россией. Однако грузинская национальная элита проявила повышенную заинтересованность в воссоздании национального государства в рамках ГССР.

Проблема сохранения югоосетинской автономии в рамках «новой» Грузии могла быть решена при условии признания ее легитимности лишь в случае согласия Южной Осетии на добровольное вхождение в состав грузинского государства на договорной основе. Таким путем Южная Осетия могла обе-

спечить решение проблемы сохранения статус-кво и защитить свои национальные интересы. Помимо всего это давало возможность не идти на риск конфронтации и вступления в этнополитический конфликт с Грузией.

Однако не гипотетический, а реальный процесс формирования грузинских и осетинских позиций по «осетинской проблеме» пошел по совершенно другой схеме и привел к появлению взаимоисключающих подходов сторон. Подобная противоположность была достигнута в силу ряда особенностей становления и оформления идеологических позиций обеих сторон, содержавших определенный элемент взаимообусловленности. Так, формирование осетинских позиций в значительной степени было привязано к грузинским и обусловлено ими. Позиции же Грузии формировались исходя не из заявленных тем или иным образом позиций Южной Осетии, а из самого факта ее существования как таковой.

2. Грузинский вариант решения «осетинского вопроса»

Основное содержание грузинских позиций по осетинскому вопросу, публично выраженных в период развала советской государственности, сводилось к отказу в признании осетинской автономии. При этом грузинская сторона подвергла не просто сомнению, а выступила с отрицанием легитимности автономного статуса южных осетин в Закавказье и потребовала полной ликвидации осетинской политической автономии. Такое отношение к югоосетинской автономии во многом совпадало с отношением к остальным автономиям в Грузии: абхазской и даже аджарской, населенной аджарцами- этническими грузинами. Как и эти автономии, осетинская автономия рассматривалась как навязанная извне, нечто чуждое и враждебное грузинской государственности. Сам факт ее существования воспринимался в грузинском этническом сознании как попытка чужого этноса отторгнуть часть грузинской территории, присоединить ее к Северной Осетии и России. В силу этого автономная область была объявлена искусственно созданной большевиками в 1922 году и «незаконной оккупацией грузинской территории».

Поэтому, по мнению грузинской стороны, Юго-Осетинская автономная область в качестве этнотерриториальной единицы в составе Грузии должна быть упразднена как не имеющая «никакой историко-политической основы» и имеющая «внешнее» происхождение. Подобная позиция приводила к тому, что трактовка осетинской автономии как выражения коллективных прав осетинского этноса и определенной формы их защиты, ни-

как не направленной против этнических грузинских интересов, и которая могла быть при определенных условиях интегрирована в состав грузинского государства, совершенно исключалась в грузинских идеологических установках.

Не менее жесткие позиции были сформулированы и озвучены в отношении и самого осетинского этноса. Согласно грузинским идеологам осетинская проблема упразднением этнотерриториальной автономии не исчерпывалась, и вопрос все еще оставался открытым, поскольку источником проблемы рассматривалась не столько автономия, сколько сам осетинский народ. Согласно грузинской трактовке осетинский этнос является «гостем» на грузинской земле со всеми вытекающими отсюда последствиями. Портрет осетин как «гостей» дополнялся формированием образа их «действительной исторической родины» на Северном Кавказе. Подобное определение фактически означало девальвацию этнического статуса осетин и сведение его до предельно возможного минимума. Если прежде в советской иерархии этнических статусов южные осетины определялись как «югоосетинский народ», образующий коренное население ЮОАО, то теперь они превратились в гостей на территории Грузии, имеющих право, как максимум, на национально-культурную автономию: «Очевидно, что осетины не принадлежат к числу автохтонных народов Грузии, т.е. исконному населению страны. Они представляют собой пришлую, обосновавшуюся нацию. Их историческая родина - Северный Кавказ и по этой причине осетины, проживающие в Шида Картли (Южная Осетия), не обладают правом на самоопределение»¹⁷. Помимо всего грузинская сторона выразила свое крайнее возмущение политической и этнокультурной ориентацией Южной Осетии и южных осетин на Россию и Советский Союз.

В результате публичной декларации со стороны Грузии подобных позиций Южная Осетия вместо признания в качестве политической единицы была идентифицирована как Самачабло - феодальное владение князей Мачабели (XIX век), или как Шида Картли - внутренняя Карталиния (Грузия). Такая подмена политонима давала возможность искусственно изменить современную этнополитическую идентичность территории Южной Осетии на более выгодную грузинской стороне историческую и географическую идентификацию.

Отказ в признании легитимности автономии Южной Осетии и этнического статуса южных осетин в целом не являлся, однако, единственной особенностью грузинских позиций. Выбор методов и средств в решении осетинской проблемы стал другой характерной чертой, оказавшей определяющее воздействие

на формирование осетинских позиций. Грузинская трактовка проблемы югоосетинской автономии и этнического статуса осетин в целом как угрозы грузинской независимости практически предопределяло приверженность силовому подходу в решении осетинского вопроса. Наиболее активно подобная установка в решении осетинской проблемы озвучивалась в тот период лидерами национального движения Грузии и, в частности, З. Гамсахурдиа, открыто высказывавшимся в пользу применения силовых методов. Именно ему принадлежала фраза, озвученная в ноябре 1989 года на одном из многочисленных публичных митингов: «Тот, кто не встанет рядом со мной в борьбе против осетин, станет врагом Грузии»¹⁸. А приход к власти в Грузии национального движения сформировал ситуацию, когда пропаганда насилия над осетинами была возведена в ранг государственной политики, этим самым возможности политического компромисса в грузино-осетинских отношениях были сведены Грузией на нет. В межэтнических отношениях такой подход неизбежно означал возврат к прежним грузинским позициям до советского периода в отношении Южной Осетии, приведшим к войне 1920 года, и фактически предопределял развитие двусторонних отношений по конфликтному сценарию. Поэтому социологические опросы в Грузии даже в постконфликтный период фиксировали высокий процент грузин (43%), считающих, что в целях сохранения целостности грузинского государства оправданы жертвы в Абхазии и Южной Осетии.

3. Осетинская трактовка «осетинского вопроса»

Осетинские позиции в условиях кризиса советской государственности сформировались также как довольно радикальные и по существу означали курс на отделение - выход из состава Грузинской ССР. Основное содержание этих позиций сводилось к резкому осуждению предстоящего выхода Грузии из СССР и открытой декларации осетинского стремления остаться в составе Советского Союза при любых обстоятельствах. При этом с осетинской стороны стала активно обсуждаться и обыгрываться тема воссоединения с Северной Осетией. Такие позиции обосновывались стремлением защитить и сохранить автономию и собственную этнополитическую идентичность. Основное содержание осетинской идейно-политической программы сводилось к следующему.

Во-первых, Юго-Осетинская Автономная область была решительно заявлена как результат многовековой борьбы осетинского народа за свою самобытность и самоопределение

и как безусловная политико-правовая гарантия осуществления коллективных прав южных осетин на территории своего компактного проживания. А факт сравнительно недавнего образования Юго-Осетинской АО, вопреки грузинской аргументации об отсутствии древних традиций государственности у южных осетин, вполне укладывается в общемировое русло процесса распада и образования новых государств и государственных образований, примеры чего довольно многочисленны и распространены в мировой практике. Из такой трактовки выводилась жесткая и бескомпромиссная формула: Юго-Осетинская автономия в том или ином виде должна быть сохранена независимо от любой политико-правовой конъюнктуры в регионе, будь то Советский Союз, Россия или же новая Грузия, поскольку «все народы имеют право свободно определять без внешнего вмешательства свой политический статус, обеспечивать свое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано это уважать» (Z.Skurbaty).

Во-вторых, осетинский этнос был объявлен коренным и исконно проживающим на своей территории. Согласно этому, если южные осетины и переселились на свою нынешнюю территорию «откуда-то в свое время», то дата этого переселения уходит корнями в достаточно глубокую древность. По осетинскому мнению, это время сравнимо лишь с датой появления на Южном Кавказе самого грузинского этноса, определяемого также как «пришлый» авторитетными, в т.ч. и грузинскими, экспертами. Так, согласно утверждению академика И.А. Джавахишвили: «Положение исследователя истории грузинского народа еще более осложнено и тем обстоятельством, что Кавказ не является первоначальной родиной грузин, и остатки их первоначальной культуры не могут быть разыскиваемы здесь»¹⁹.

В-третьих, территория Южной Осетии была заявлена с осетинской стороны как единственное реальное место проживания южных осетин, не имеющих никакой другой исторической родины, где бы то ни было. С осетинской точки зрения земля принадлежит тем, кто на ней проживает в настоящее время де-факто, а не тем, кто когда-то в обозримом или необозримом прошлом на ней проживал. В противном случае осетинский этнос мог бы предъявить многочисленные территориальные претензии ко многим народам Советского Союза, что было бы совершенно абсурдно.

И, в-четвертых, осетинская позиция подтверждала необходимость и правомерность пророссийской ориентации этноса, позволившей создать довольно благоприятные условия для

физического сохранения и культурного развития осетинского этноса не только на севере, но и на юге Осетии.

Следует отметить, что подобный радикализм и жесткость осетинских позиций сложились под непосредственным воздействием двух факторов, актуализировавшихся в югоосетинском общественном сознании в условиях развала СССР и обретения независимости Грузией: масштабной депривации общественных ожиданий и резкого обострения проблемы югоосетинского самоопределения.

Концепция депривации, трактуемая «состояние, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения»²⁰, успешно используется в конфликтологии для объяснения причин крупных общественных коллизий. Согласно ей, усиление депривации способствует росту социальной напряженности, возникновению открытых социальных, политических и этнических конфликтов.

Картина депривации массовых ожиданий в югоосетинском обществе сложилась в результате довольно резких и неожиданных изменений в общественных настроениях в Южной Осетии. Изначально, процессы распада СССР и выхода Грузии из его состава формировали в осетинском общественном сознании в отношении предстоящей грузинской независимости два вида настроений: настроения опасения и настроения ожидания, при явном перевесе последних.

Опасения относительно грузинской независимости проистекали в основном из негативного прежнего опыта разрешения грузино-осетинских противоречий в сфере этнополитики. Наиболее показательным в этом плане являлся негативный опыт грузино-осетинских отношений периода 1918-1920-х годов, вылившийся в открытую войну. Этнокультурная экспансия Грузии периода 1939-1944 гг. составила ещё один элемент негативного опыта двусторонних взаимоотношений. Попытки этнодемографической экспансии со стороны Грузии и ее отрицательное отношение к строительству Транскама дополняли картину грузино-осетинского негатива, на котором и базировались опасения в Южной Осетии относительно возможности подтверждения сложившихся в условиях СССР югоосетинских реалий.

Ожидания, с другой стороны, базировались на признании того, что весь прежний опыт грузино-осетинских отношений имел не только один негатив. Позитивный аспект этих отношений заключался в их бесконфликтности в предшествующие развалу СССР десятилетия 1960-1980-х годов, когда «осетины и грузины являлись глубоко интегрированными группами (высокий процент осетино-грузинских и грузино-осетинских браков,

незначительная социокультурная дистанция между группами, высокий показатель взаимной дисперсии, т.е. наличие меньшинств, представляющих одну группу, в поселениях с численным преобладанием другой группы)» (А.А.Цуциев).

В целом общий социально-психологический настрой югоосетинского общества в отношении Грузии характеризовался некоторым преобладанием ожиданий. Такая картина сложилась в основном в силу того, что соотношение позитива и негатива в грузино-осетинских отношениях на момент развала СССР определялось некоторым преобладанием позитива, позволяющего констатировать определенное состояние грузино-осетинского согласия. Это было обусловлено рядом причин.

Во-первых, временным фактором. Указанный безусловный позитив по времени следовал за негативом, и это несколько сглаживало прежний неудачный опыт в силу временных дистанций. События 1920-го и 1930-1940-х годов постепенно уходили в прошлое и становились в общественном сознании уже историей, за которой следовал бесконфликтный опыт советского взаимодействия периода последних советских десятилетий.

Во-вторых, социально-структурный фактор. В условиях позитива за несколько десятилетий успело вырасти и сформироваться поколение представителей обоих этносов, не так остро реагировавших на события пусть даже недавнего, но прошлого, и воспринимавших друг друга с точки зрения современных бесконфликтных реалий. Негатив являлся частью этнических воззрений на состояние грузино-осетинских отношений лишь представителей старшего и то, преимущественно, пожилого поколения, для которого события прошлого являлись частью их личного опыта, и представителей гуманитарной интеллигенции, по роду профессии занимавшейся изучением этих проблем. Средние же и младшие поколения, в особенности молодежь, воспринимали межэтнический негатив преимущественно как историю, как прошлое, к тому же имевшее место в досоветский период грузино-осетинских связей (война 1920 года), и который, по их мнению, не должен был детерминировать нынешнее их состояние, когда «осетины смогли простить и забыть этот жуткий период своей истории»²¹.

Преобладание в югоосетинском общественном сознании по отношению к Грузии и грузинам позитивного начала способствовало тому обстоятельству, что общий настрой общественного мнения в Южной Осетии в тот период суммировался в целом в виде положительного и даже в определенной степени благосклонного изначально отношения к Грузии. Именно подобный настрой и выражал, в конечном счете, преобладание

настроений ожидания. Эти настроения фокусировались на допущении практической возможности благоприятного для обоих этносов разрешения возможных межэтнических противоречий в условиях «интегрированного грузино-осетинского мира». Частью этих ожиданий явилось, несомненно, представление о том, что основные элементы югоосетинской идентичности могут найти понимание, а может быть, и поддержку со стороны независимой Грузии, стремившейся широко декларировать свою приверженность демократическим ценностям Запада. И это давало определенную надежду и шансы на отказ от конфликтных представлений, имевших место в прошлом.

В силу вышеуказанных причин в Южной Осетии объективно стала складываться ситуация, в которой формирование осетинских этнических позиций, в конечном счете, стало зависеть от того, какие из указанных двух настроений будут оправданы: опасения или же ожидания и в какой мере. Выбор направления развития ситуации оставался за грузинской стороной, от позиций которой как от титульного и значительно превосходившего по численности (164 тысячи осетин и 3 млн. 787 тысяч грузин в СССР по переписи 1989 года) этноса, стало зависеть, пойдет ли дальнейшая эволюция межэтнических отношений по пути сохранения и развития имевшегося согласия, или же произойдет возврат к прежнему негативному опыту конфронтации и конфликта.

Конец 1980-х, и в особенности 1988-й и 1989-е годы, были отмечены резкой переменой в югоосетинских общественных настроениях, выразившейся в коренной переориентации ценностей в сфере межэтнической коммуникации, принявшей массовый характер. Эти перемены характеризовались неоправдавшимися ожиданиями и подтвердившимися опасениями. Грузинская позиция по «осетинскому вопросу» способствовала широкому распространению в Южной Осетии представлений о том, что о каком-либо признании Южной Осетии и политических прав южных осетин со стороны Грузии не может быть и речи. Более того, позиция Грузии была воспринята в Южной Осетии как проявление крайнего шовинизма и даже фашизма. Она подтвердила наихудшие опасения и повергла югоосетинское общество в состояние настоящего шока, явившись для Южной Осетии наглядным свидетельством реальных устремлений грузинской стороны, и за считанные месяцы практически полностью покончила с идиллией грузино-осетинского согласия. При этом этническое осетинское сознание почти автоматически ранимировало негативный опыт войны 1920 года, по которому с текущими событиями стали проводиться прямые аналогии.

В результате в югоосетинском общественном сознании стало формироваться устойчивое представление о том, что суть современного грузинского отношения к Южной Осетии по сравнению с 1920 годом, т.е. за семидесятилетний период советской власти, практически не изменилась. По осетинскому мнению, вхождение Южной Осетии в состав независимой Грузии чревато серьезными последствиями для нее, включая и войну. Зловещие для осетин символы этой войны появились на территории Южной Осетии 26 мая 1989 года в день образования Грузинской Демократической республики в виде государственного флага этой республики - кизилового триколора, под знаменем которого осуществлялось уничтожение Южной Осетии и геноцид осетинского этноса в 1920 году. В результате указанных процессов, общественные настроения в Южной Осетии стали приобретать отчетливо выраженный антигрузинский характер, и из грузинского этноса стал формироваться «образ врага».

По оценкам исследователей, страх оказаться в подчинении может быть сильнее любых материальных расчетов, и как реакция на него возникает стремление к оформлению определенных символов своей групповой легитимности и защищенности. Поэтому в общественном сознании Южной Осетии стали утверждаться и доминировать настроения необходимости своевременного и надежного обеспечения безопасности автономии и этноса в свете предстоящей грузинской угрозы, поскольку грузинские требования ставили южных осетин перед проблемой выживания как этноса. Подобные настроения неизбежно толкали югоосетинское общество к осознанию необходимости самостоятельного решения проблемы сохранения и легитимации своей этнонациональной идентичности.

Следует при этом иметь в виду, что в Южной Осетии в тот период, несмотря на удручающую ситуацию, не было сил, всерьез рассматривающих или тем более ставящих на практическую плоскость достижение национальной независимости в том или ином варианте и построение собственного независимого государства. Решение проблемы югоосетинского самоопределения инстинктивно осознавалось в тот период в направлении сближения и последующей интеграции с Северной Осетией и Российской Федерацией. В пользу такого решения Южную Осетию подталкивала и проблема разделенности осетинского этноса. Несмотря на единое политико-правовое пространство Советского Союза, разделенность этноса создавала серьезные препятствия развитию этнической культуры на единой основе, как, например, введение в 1930 - 1950-х гг. различных график письма: для Северной Осетии - русской, а для Южной Осетии

- грузинской. Некоторые иллюзии в югоосетинском обществе относительно возможности разрешения проблемы разделенности создавала также ситуация кризиса и распада СССР. Поэтому в Южной Осетии стали созреть общественные настроения в пользу такой альтернативы, формулировавшие вопросы воссоединения с Северной Осетией и Россией.

Однако с другой стороны, несмотря на заинтересованность в подобной альтернативе, в Южной Осетии хорошо понимали всю проблемность реализации такого варианта самоопределения. Воссоединение с Северной Осетией при ее практическом исполнении автоматически превращалось в присоединение к Российской Федерации, маловероятность которого хорошо осознавалось в Южной Осетии. Это понимание исходило из отсутствия какого-либо подобного прецедента в прошлом. В Южной Осетии прекрасно было известно о том, что неоднократные попытки народа и руководства Абхазии в 1976, 1978, 1989 гг. выйти из состава Грузинской ССР и войти в состав Российской Федерации всегда заканчивались безрезультатно. Сама идея отторжения какой-либо территории от одной союзной республики и присоединения ее к другой не встречала никакой поддержки в Москве, поскольку это создавало опасность передела границ и возникновения многочисленных очагов конфликтов почти по всей территории СССР. Тому наглядным примером становилась ситуация вокруг Нагорного Карабаха, где к тому времени уже второй год, с 1988 г., фактически шла война между азербайджанцами и армянами, пытавшимися присоединить Нагорный Карабах к Армении, что вызывало жесткое противодействие союзного Центра.

Воссоединение с Северной Осетией требовало также решения и другой, не менее трудной задачи - разрыва с Грузией и выхода из ее состава. Эта проблема с неизбежностью выливалась в вооруженный конфликт, к которому Южная Осетия ни морально, ни материально - в плане военных сил и финансирования - в отличие от Карабаха, пользующегося всесторонней поддержкой Республики Армения, не была готова. К тому же неудачный опыт войны 1920 года с Грузией не оставлял совершенно никаких иллюзий насчет ее исхода.

Поэтому, в югоосетинском обществе стало складываться отчетливое понимание ситуации, демонстрирующей, что, с одной стороны, воссоединение с Северной Осетией и присоединение к России, хотя и весьма желанная, но достаточно труднодостижимая, нереальная и посему опасная цель, а с другой стороны, вхождение в состав Грузии, открыто декларирую-

щей свои антиосетинские позиции, становилось также не менее опасным. Подобная жесткая дилемма осознавалась в Южной Осетии как практически безвыходное положение, автоматически ставившее югоосетинское общество в состояние крайней неопределенности и замешательства, дестабилизировавшее общественно-политическую ситуацию и радикализировавшее общественное сознание.

Разрешение данной дилеммы было сформулировано, в конечном счете, в пользу разрыва с Грузией и воссоединения с Северной Осетией и Россией. Важнейшим элементом этого выбора стало убеждение в том, что Южная Осетия должна пойти на разрыв с Грузией, и как можно скорее, предвосхитив тем самым уже обозначившийся выход Грузии из СССР. Эта установка обосновывалась в общественном сознании на представлениях о том, что в случае очевидного грузино-осетинского столкновения разрыв с Грузией сохранит для Южной Осетии возможность апеллировать к помощи традиционных союзников на севере или же к мировому сообществу. В противном случае, по мнению осетинской стороны, она будет лишена этой возможности, поскольку ее проблема превратится во внутреннее дело независимого грузинского государства. Поэтому «идея отделения от Грузии, которая вначале была воспринята лишь частью осетинской общины в Грузии, получила массовую поддержку и стала рассматриваться практически всем осетинским населением Грузии как условие выживания нации» (Никитин А.И. и др.).

4. Идеи́ная борьба в СМИ

Становление противоположных и радикальных этнических позиций сторон привело неизбежно к их столкновению, выразившемуся в ожесточенных идейных дискуссиях, основными участниками которых с обеих сторон выступила этническая интеллигенция. Идеи́ное противоборство развернулось преимущественно в средствах массовой информации, сыгравших существенную роль в разжигании грузино-осетинского конфликта. Оно было инициировано грузинскими СМИ, значительно превосходившими осетинские по своему тиражу и включавшими еще и телевидение, отсутствовавшее в Южной Осетии. Грузинские масс-медиа начали раскручивать «осетинский вопрос» со второй половины 1988 года. Вследствие ответного подключения осетинских СМИ идеи́ное противостояние приобрело завершенные формы и сосредоточилось на обсуждении весьма широкого круга вопросов межэтнических отношений. На повест-

ку дня были выдвинуты политические, исторические, культурные, языковые, географические и другие проблемы.

К примеру, эффект разорвавшейся бомбы вызвала в Южной Осетии статья профессора Т. Кванчилашвили «Что нас ждет потом?», опубликованная 30 сентября 1988 года в одной из наиболее авторитетных республиканских газет «Литературули Сакартвело», в которой содержался призыв к ограничению рождаемости у негрузинских этносов. В этой статье автор подверг резкой критике принципы интернационализма в межнациональных отношениях с позиций явного этноцентризма и шовинизма, выдвинув, в частности, тезис о том, что именно интернационализм наносит масштабный урон грузинской нации. Подобная трактовка интернационализма, примененная автором к проблеме нацменьшинств в Грузии, привела его к совершенно безапелляционным выводам о «необходимости искусственного по примеру Китая ограничения деторождаемости у национальных меньшинств, создающих опасность перерождения грузинской нации». При этом, профессор указывал на «совершенную неправомочность широкого расселения осетин не только на территории Шида Картли (Южная Осетия), но и по всей Грузии недопустимо быстрыми темпами», не забыв при этом подчеркнуть и «все обстоятельства появления на территории Грузии осетин, переселившихся к нам с Северного Кавказа». Это была одна из первых публичных постановок «осетинского вопроса», осуществленная грузинской стороной в демографическом разрезе и получившая довольно шумный резонанс в Южной Осетии.

В качестве ответной меры на статью Кванчилашвили, воспринятой в Южной Осетии как проявление открытого фашизма и расизма, в югоосетинских СМИ была опубликована статья осетинского профессора Нафи Джусойти «Что такое подлинный интернационализм?», выдержанная в традиционном советском духе «дружбы народов» и призывавшая к проявлению толерантности в межэтнических отношениях. В ней автор попытался определить разницу между реальным, подлинным интернационализмом как необходимым условием согласованного взаимодействия этносов и ложно понятым интернационализмом, призвав оба народа жить в мире и согласии. Этот спор был всего лишь одним из многочисленных эпизодов довольно обширной и острой полемики, развернувшейся в средствах массовой информации обеих сторон в предшествующий конфликтный период. Такая межэтническая полемика в СМИ способствовала усиленному раскручиванию конфликтной спирали в грузино-осетинских отношениях.

Выводы

Столкновение этнических позиций сторон привело к возникновению начального этапа в развертывании грузино-осетинского конфликта, когда образуется «воронка» противостояния в результате предъявленных (односторонних или взаимных) претензий и призывов радикально изменить существующее положение. На практике подобная «воронка» противостояния свидетельствовала о возникновении в грузино-осетинских отношениях кризиса, когда две или более политические силы осознают, что преследуют несовместимые цели, или вызревании конфликтной ситуации, представляющей собой социальную напряженность - психологическое состояние значительных социальных групп. Одним из важнейших составляющих подобной напряженности при этом становится масштабный всплеск массовых эмоций и как следствие - активная вовлеченность самых широких слоев населения в этнополитический процесс.

Контрольные вопросы

- 1. Проблема «осетинского вопроса»*
- 2. Грузинский вариант решения «осетинского вопроса»*
- 3. Осетинская трактовка «осетинского вопроса»*
- 4. Идеологическое противоборство в СМИ*

Лекция 8. Политические элиты в конфликте

1. Формирование новых политических элит

2. Приход к власти новых элит

3. Конфликтные стратегии новых элит

1. Формирование новых политических элит

Значимость политического фактора в этнических конфликтах на территории бывшего СССР не вызывает сомнения практически ни у одного исследователя. По мнению В.А.Авксентьева, наряду с этническим, «политический аспект большинства современных этнических конфликтов настолько очевиден, что некоторые аналитики рассматривают их как два взаимосвязанных ведущих компонента современной социальной конфликтности»²². Также, по мнению исследователей, политический фактор можно рассматривать в качестве второй составляющей этнического конфликта, всегда представляющего собой явление политическое, даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой сфере. В этом плане, трудно не согласиться с точкой зрения В.А.Тишкова о том, что «именно вопрос о власти, о гедонистическом стремлении элитных элементов в обществе к ее обладанию, о ее связи с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и к привилегиям является ключевым для понимания причин роста этнического национализма и конфликтов в данном регионе мира»(СССР)²³.

Распад СССР сопровождался упадком старых советских элит. Паралич власти в Центре и на местах на практике проявился в резком падении эффективности существующих механизмов власти. Развал прежней системы управления обнаружил полную неспособность «старых» политических сил, представлявших прежнюю политическую элиту, справиться с кризисной ситуацией, когда старая элита, стоящая у власти, не способна к эффективному управлению.

В Грузии ЦК Компартии республики, обладавший всеми рычагами управления и контроля, оказался практически не в состоянии вырабатывать и осуществлять самостоятельную политику. Подавляющее большинство законодательных актов и правительственных распоряжений последних трех лет до начала конфликта принималось и осуществлялось под мощным давлением общественного мнения, а затем и оформившейся политической оппозиции.

В Южной Осетии также происходили процессы, характерные для всего постсоветского пространства: кризис эффективности и легитимности советской элиты. Первым симптомом стал так называемый «тифозный бунт» весны 1988 года, лидеры которого обвинили областное руководство в неспособности обеспечить соблюдение элементарных санитарно-гигиенических норм в учреждениях здравоохранения, а также контроль над качеством питьевой воды. В результате этого «бунта» первый секретарь Обкома партии Ф.С.Санакоев, находившийся у власти в течение многих лет и имевший достаточно прочные позиции в партийно-государственной номенклатуре, был вынужден расстаться со своей должностью и подать в отставку.

Кризис эффективности и легитимности элит актуализировал в обществе вопрос о власти, когда началась борьба за реальную власть и право контролировать политическую жизнь своих республик и автономий, и стимулировал поиски политических альтернатив и новых моделей управления, к чему старая политическая элита уже не была способна. В условиях практического отсутствия при советском режиме официальной политической оппозиции, или оппозиционной элиты, политическая альтернатива формировалась не в среде официальной элиты, а в недрах социального недовольства, в среде наиболее непримиримых и оппонировавших советской власти социальных групп и слоев.

Пробуждение к политической активности наиболее фрустрированных слоев общества привело на практике к вызреванию «новых» политических сил, стремящихся к власти и собственности и ловко использующих стихийное общественное недовольство. Эти силы стремились оформиться в «*новую потенциальную элиту*» или новую политическую элиту - *контрэлиту*, призванную прийти на смену старой элите. Новые политические движения и партии бросили старой власти открытый вызов и стали включаться в игру в качестве ее оппонентов. Поэтому появление на политической арене контрэлиты сопровождалось обострением политической борьбы между старыми и новыми политическими группировками и силами, стремившимися получить свою долю в предстоящей схватке за власть и собственность.

На национальных окраинах паралич власти на местах грозил хаосом и анархией в условиях обострившихся межнациональных противоречий. И в этой ситуации решение проблемы власти и налаживание более или менее эффективного механизма контроля и управления становились наиболее актуальными и также закономерно выходили на первый план в политической жизни. Поскольку в национальных регионах новая элита сталки-

валась с мощным натиском национальных и межнациональных проблем, то она стала здесь оформляться на базе и в форме *«национальных движений»*. Доминирование этнонациональных настроений в общественном сознании обусловило, в конечном счете, этнонациональную окраску региональных контрэллит - национальных движений.

Национальные движения Грузии и Южной Осетии, выступившие на передний план политической жизни в конце 1980-х годов, представляли собой новую политическую элиту, вынужденную в сложившихся условиях решать проблему власти внутри своих этнических общностей. Зародившись среди узкой группы недовольной советским строем этнической интеллигенции, национальные движения изначально были заняты преимущественно пропагандой абстрактных национальных целей и идей. По мере углубления кризиса советской системы они стали активно политизироваться, превращаясь в политическую оппозицию, уже ставящую далеко идущие политические цели и задачи.

Грузинское «национально-освободительное движение», зародившись в кругах либеральной грузинской интеллигенции, оказалось представленным свыше 120 партиями, движениями, обществами и ассоциациями различной структуры и идейного толка. Однако все они довольно тесно примыкали друг к другу на основе приверженности единой идее национального движения - независимости Грузии как основополагающей цели. На политическую арену в качестве ведущей политической силы национальное движение Грузии выходит после событий 9 апреля 1989 года - разгона войсками мирной манифестации в Тбилиси. После 9 апреля «национальная оппозиция» стала приобретать массовую поддержку практически по всей республике, и все СМИ стали постепенно переходить под ее контроль. Этим самым национальное движение по существу превратилось в политическую оппозицию, которая почувствовала себя достаточно окрепшей для включения в политическую борьбу за власть в республике. Это означало, по существу, что национальное движение стало выступать в качестве основного фактора в политической жизни, противостоящего официальной власти. Именно тогда «чаша весов» в политической жизни республики стала склоняться на сторону грузинского национального движения, лидеры которого стали делать официальную заявку на власть.

Национальное движение Южной Осетии было представлено очень популярной в тот период формой - Народным Фронтом, организованным вначале узким кругом интеллектуалов, пытавшихся таким образом выразить свое отношение к разворачивавшимся в СССР событиям. Основанный в конце 1988 года

НФ первоначально возник как массовая общественная организация, как естественная реакция на происходящие вокруг события и, в первую очередь, как реакция на развал национально-государственной и социально-политической системы СССР. Основные идеологические позиции и требования НФ были направлены на критику недостатков советской системы, на улучшение существующего строя.

Превращению НФ в политическую организацию и его вступлению на арену политической борьбы за власть в Южной Осетии способствовали два обстоятельства - активизация в Грузии антиосетинской кампании, формировавшей в Южной Осетии *«грузинскую проблему»*, и бездействие официальных югоосетинских властей в лице Юго-Осетинского обкома компартии в условиях нараставшего обострения грузино-осетинского противостояния. Под влиянием *«грузинского вопроса»* идейные позиции НФ в значительной степени стали *«национализироваться»*, когда обсуждение этого вопроса и оформление позиций по проблемам грузино-осетинских отношений становилось наиболее актуальным в югоосетинском обществе. Поэтому, политизация НФ и его превращение в серьезную оппозицию происходили на идейной платформе защиты югоосетинских интересов и организации отпора этнической экспансии с юга.

2. Приход к власти новых элит

Новая грузинская политическая элита активно включилась в борьбу за власть в республике. Радикальное крыло национального движения оформилось после Национального съезда в избирательный блок *«Круглый Стол- Свободная Грузия»* (КС-СГ) во главе с бывшим советским диссидентом Звиадом Гамсахурдиа. Он неожиданно вышел на первые роли после смерти в автокатастрофе другого не менее популярного в Грузии радикального деятеля Мераба Костава, бывшего сокамерника Гамсахурдиа в советской тюрьме, возглавившего единолично летом 1989 года т. н. *«абхазский поход»* на Сухум.

В период политической борьбы за власть этнонациональная тематика, среди которой особенной популярностью пользовалась проблема нацменьшинств в Грузии, стала ведущей в идеологической платформе грузинских радикалов. При этом, в отношении проблемы меньшинств радикалы использовали агрессивную риторику и бескомпромиссную позицию, способствующую взрыву в среде национальных меньшинств. Вся предвыборная кампания и идеологическая платформа Гамсахурдиа, призывавшего грузинское население братья за оружие, т.е.

к фактическому объявлению войны всем нацменьшинствам в Грузии и осетинам в том числе, была построена на радикальных лозунгах. Именно на этой основе радикалы стремились формулировать идейно-политическую альтернативу правящей компартии.

Умеренное крыло, оформившееся также на Национальном съезде в т.н. Координационный Центр, апеллировало преимущественно к наиболее либеральным слоям населения и было представлено, в первую очередь, передовыми кругами грузинской интеллигенции. В силу слабости своих политических позиций, обусловленной низкой популярностью в массах, умеренное крыло отказалось от участия в политической борьбе. Умеренные осознавали, что составят слабую конкуренцию радикалам и поэтому самоустранились от участия в выборах в высший орган власти. Однако, чтобы совсем не лишиться электоральной поддержки и политического имиджа и окончательно не растерять авторитет в народе, они объявили об организуемых параллельно ими же выборах в т.н. Национальный Конгресс, призванный стать высшим органом власти в республике вместо действующего советского Верховного Совета, объявленного либералами нелегитимным и оккупационным органом власти.

На прошедших 28 октября 1990 года выборах в Верховный Совет ГССР, на которых реальную борьбу за голоса избирателей вели радикальный блок «Круглый Стол - Свободная Грузия» (КС-СГ) и Компартия, победу одержал «КС-СГ», получивший 53% голосов избирателей. Председателем ВС ГССР был избран лидер радикалов З.Гамсахурдиа. На втором месте оказалась грузинская компартия, представлявшая официальную власть (29%). По мнению наблюдателей, она не смогла освободить себя от груза старых представлений, хотя и заявила о своем выходе из КПСС. Ни одна из либеральных партий не смогла преодолеть четырёхпроцентного порога.

Приход радикального крыла национального движения к власти означал установление в Грузии правления этнократов. Этнократия, которую можно определить как «форму политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей», пытается, как правило, разрешать межэтнические противоречия с позиций этноцентризма и пренебрегает политическими правами меньшинств. Поэтому «поражение коммунистов на свободных выборах не гарантировало

наступление реальной демократии, и место коммунизма занял новый вид авторитаризма, основанный на национализме.

Новая югоосетинская элита также включилась в политическую борьбу за власть в ЮОАО. Основной вектор политической борьбы за власть в Южной Осетии однозначно обозначился по линии вытеснения из властных структур Обкома компартии и прихода к власти Народного Фронта. В этом плане национальная оппозиция прилагала грандиозные усилия. За сравнительно короткий срок (несколько месяцев) НФ удалось организовать массовое движение национального протеста с лозунгами защиты национальных интересов, направленное преимущественно против главного врага - официальной власти в лице югоосетинского Обкома компартии. Все лето и осень 1989 года при активном участии оппозиции Южную Осетию и ее столицу Цхинвал захлестнула мощная волна массовых акций политического протеста. Центральная площадь города стала ареной ежедневных митингов с лозунгами защиты автономной области, осетинского языка и осетинского этноса. Однако политическая направленность этих акций была очевидной, поскольку центральным требованием выдвигалась немедленная отставка руководства Обкома, а лидер НФ полностью сосредоточил всю критику на личности первого секретаря.

Первый успех югоосетинского НФ в борьбе за власть выразился в вынужденной отставке первого секретаря Обкома компартии, подтвержденной на сессии Облсовета народных депутатов, проходившей при непосредственном участии и активном давлении лидеров оппозиции. Политическое значение этого успеха трудно было переоценить с точки зрения борьбы за власть в Области. Это событие фактически означало превращение оппозиционного движения из узкой группы югоосетинских интеллектуалов в более или менее организованную и идейно оснащенную политическую силу, реальный фактор в общественно-политической жизни Южной Осетии. Именно с этого периода чаша югоосетинских политических весов стала медленно, но неуклонно склоняться на сторону национальной оппозиции, уже взявшей в свои руки инициативу. Старая власть вступила с этого периода в полосу глубокой депрессии и агонии, и окончательный приход к власти оппозиции становился лишь вопросом времени.

Однако проблема власти в тот период в Южной Осетии еще не была решена. Первый секретарь Обкома, управлявший областью, был отстранен и Обком обезглавлен, но оппозиции не удалось самой взять власть в свои руки. Борьба была впереди, поскольку старую власть сломать не удалось, хотя ей и был нанесен мощный, но всего лишь один удар.

Первая победа национальной оппозиции вскоре сменилась некоторым проигрышем. Поход грузинского неформалитета на Цхинвал нанес серьезный удар по политическим позициям и завоеваниям НФ и практически отсрочил его приход к власти на целый год. Это было обусловлено тем, что поход явился большой неожиданностью для лидеров НФ, которые довольно наивно отвергали саму возможность осуществления подобной акции с грузинской стороны, а тем более блокады города, и были не готовы к подобной ситуации. В кризисных условиях НФ обнаружил свою полную неспособность руководить народом, что свидетельствовало о политической незрелости и неорганизованности движения и, в первую очередь, его лидеров. Несмотря на все свои усилия НФ не удалось взять кризисную ситуацию под свой контроль, лидеры его проявили медлительность и фактически побоялись взять на себя всю ответственность по управлению ситуацией. В результате этого похода югоосетинский Народный фронт был значительно дискредитирован в глазах населения и оказался в состоянии временного паралича. В Области все чаще стали раздаваться требования упразднить эту организацию. Наиболее настойчиво эту линию стремился провести в жизнь приехавший из Москвы в Цхинвал генерал К. Цаголов. Он попытался взять ситуацию под свой контроль, организовать переговорный процесс, а впоследствии и возглавить югоосетинский Обком, вытеснив, таким образом, НФ с югоосетинской политической сцены.

Прийти к власти осенью 1990 года НФ удалось в результате активных усилий по осуществлению повторного повышения югоосетинского статуса. На практике это вылилось в Декларацию о Суверенитете от 20 сентября 1990 года, а затем в провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики и формирование Временного Исполкома, призванного осуществлять исполнительную власть до проведения всеобщих выборов в Верховный Совет новой республики. Председателем Временного Исполнительного комитета был избран Т. Кулумбегов. Председатель НФ занял пост его заместителя, разные посты в правительстве новой республики получили и другие лидеры НФ, что знаменовало фактический его приход к власти. Т. Кулумбегов, будучи в свое время смещен с партийных постов и находясь в постоянной личной и политической оппозиции к руководству Обкома, представлял в югоосетинской политике оппозиционную часть партийной элиты, пользовавшейся определенными симпатиями и поддержкой в обществе.

3. Конфликтные стратегии новых элит

Новая грузинская политическая элита в своей борьбе за власть использовала тактику ликвидации автономного статуса Юго-Осетинской Автономной Области, который упразднился грузинскими радикалами дважды: осенью 1989 г. и зимой 1990г. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, по своему качеству новая грузинская элита мало чем отличалась от старой советской элиты. Состоящая преимущественно из политиков-радикалов нового поколения она не могла похвастаться новой политической культурой, содержавшей установки на мирное разрешение конфликтных ситуаций. В этом плане новая грузинская власть опиралась на наследие советского правления, при котором подобные проблемы было принято традиционно разрешать силовым путем. Поэтому З.Гамсахурдиа перенял не только централизованную систему коммунистического правления, но и её официальную идеологию гражданской войны с упором на образ врага и принцип «кто не с нами, тот против нас».

Во-вторых, новая грузинская элита добилась власти в 1990 году на волне яростной этнонациональной пропаганды, отрицавшей легитимность не только этнотерриториальных образований в Грузии, но и законность проживания в Грузии до 1/3 ее населения. Такая идеологическая ангажированность делала новую власть в Грузии заложницей декларируемых в предвыборный период и обыгрываемых ею же в политической борьбе принципов и идей. Этнонациональная идейно-политическая платформа предвыборного периода ударила бумерангом теперь уже по самой власти, заставляя принимать меры, популярные в народе, но объективно дестабилизировавшие этнополитическую ситуацию в республике.

В-третьих, властные позиции новой элиты были очень нестабильны. Недавний приход к власти, когда процесс смены политических элит на пространствах бывшего СССР находился ещё в самом начале, делал политические позиции радикалов в государственных структурах еще не очень стабильными и прочными. А выход из Грузии Южной Осетии, рассматривавшейся как часть территории страны, означал объективно потерю контроля и власти над своей территорией. Этот факт бросал радикалам политический вызов и неизбежно заставлял их правительство реагировать определенным образом на это из ряда выходящее событие.

В-четвертых, курс на конфронтацию с ЮО был выгоден Гамсахурдиа: он извлекал немалый политический капитал из осетинского конфликта, чтобы легитимировать укрепление своей власти и сузить демократические свободы, ссылаясь на усло-

вия войны с Россией: «когда крепость находится в осаде, нет смысла критиковать командующего гарнизоном»²⁴. По мнению Ж.Т. Тощенко, конфликты и столкновения являются питательной средой для выживания амбициозных лидеров, для их дальнейшего господства, для страховки от возможного недовольства, которое имеет тенденцию минимизироваться в условиях реальной или мнимой опасности. В этом плане для Гамсахурдиа была весьма выгодна конфронтация с Южной Осетией: в боевой обстановке лидера придирчиво не рассматривают и закрывают глаза на ряд его недостатков.

В своей борьбе за власть новая югоосетинская элита использовала тактику повышения статуса югоосетинской автономии.

Формально первое повышение статуса Автономной Области до Автономной Республики декларировал Областной Совет народных депутатов Южной Осетии. Однако принятие решения состоялось при участии национального движения НФ, лидеры которого участвовали в работе сессии и активно влияли на депутатов. Следует признать, что фактически эта акция была осуществлена и организована Народным Фронтом. Подобная картина оказалась возможной в силу того, что в процессе борьбы с Обкомом НФ удалось наработать достаточно весомый политический капитал, позволивший ему навязать свои решения югоосетинскому Облсовету. Основные цели, которые преследовались в этой акции, находились в сфере собственных политических интересов НФ. Лидеры Народного Фронта надеялись в результате этой акции, во-первых, усилить свои политические позиции и авторитет и, во-вторых, попытаться прийти к власти в ходе проведения всеобщих выборов во вновь объявленную республику.

В условиях роста авторитета и популярности национального движения в югоосетинском обществе и после ухода первого секретаря, ослабившего существенно позиции Обкома, успех НФ на выборах в представительные органы власти был практически предрешен. Проблема заключалась лишь в правовом статусе области. Согласно существующему законодательству и положению «Закона об Юго-Осетинской АО» проведение выборов в югоосетинский Облсовет находилось в компетенции республиканских грузинских властей. Без санкции ВС ГССР выборы в Автономной Области проводить не разрешалось, а в случае их самостоятельного проведения они считались нелегитимными. Срок полномочий депутатов Облсовета истек уже весной 1990 года, и на неоднократные обращения в республиканские органы о получении соответствующего разрешения на проведение выборов ВС Грузии всегда отвечал отказом. Статус

же Автономной Республики давал возможность самостоятельного проведения выборов в собственный представительный орган власти, чем достигалось одновременно существенное расширение его властных полномочий. Таким образом, в случае успеха Автономной Республики легитимный приход НФ к власти был практически обеспечен при одновременном отстранении Обкома.

Второе же повышение югоосетинского статуса, приведшее к разрыву с Грузией и выходу из ее состава в 1990 году, уже совпало с приходом к власти национального движения. Это, по сути, означало, что оппозиции удалось, наконец, добиться своей главной политической цели, используя тактику повышения статуса автономной области и завоевания представительного органа. Повторное повышение статуса Автономной Области до статуса уже независимой и неподконтрольной Грузии республики теперь уже давало возможность оппозиции через систему выборов легитимировать и на практике осуществить свой приход к власти. Следовательно, образование независимой осетинской республики фактически явилось следствием наконец-то осуществленной в Южной Осетии смены политических элит, которые «пришли к власти и оперируют национальной сецессией как средством закрепления власти»²⁵.

В своей борьбе за власть обе новые элиты активно использовали механизмы этнополитической мобилизации с целью максимального расширения своей социальной базы и привлечения сторонников, поскольку политическая деятельность всегда подчинена мобилизации наибольшей численности сторонников. При этом под этнополитической мобилизацией понимается *консолидация неэлитных слоев этноса на основе этнической идентичности для достижения политических и иных целей, поставленных этнической элитой*. Этнонациональная мобилизация представляет собой наиболее мощный и эффективный инструмент политической мобилизации, поскольку позволяет охватить практически все слои населения, когда ради достижения политических целей на этнос можно воздействовать заведомо заданными параметрами эффективней, чем на какую-либо другую социальную общность. По мнению исследователей это явление возникает в период модернизации общества, когда разрушаются традиционные связи между людьми и ослабевает значимость родственных отношений. Также именно в этот период при определенных условиях (системный кризис общества, распад государственности и др.) происходит политизация этничности, использование её как мотивационной политической силы, основы резкого политического размежевания и средства достижения политических целей.

В данном случае феномен этнической мобилизации нас интересует преимущественно в качестве *«основного механизма развертывания конфликта»*, когда главная задача этнической мобилизации - трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей) и идеология национализма как теоретическое обоснование интересов этнической элиты должна быть трансформирована в психологию национализма неэлитных масс. В результате проведения такой мобилизации противоречие политических интересов трансформируется в противоречия ценностных систем, на основе противоречий которых в этнических конфликтах участвует «неэлитная» часть этносов, что в свою очередь эффективно используется этническими элитами для вовлечения широких масс в конфликт. Согласно исследовательским оценкам, в этнических конфликтах на постсоветском политическом пространстве старые и новые элиты «титовых» национальностей в бывших республиках, союзных и автономных, сравнительно быстро мобилизовали политически слабо дифференцированные массы под национальные знамена.

В силу данных причин механизмы этнополитической мобилизации, используемые в грузино-осетинском конфликте новыми этническими элитами, способствовали переводу конфликта интересов политических элит в конфликт ценностей и включению, таким образом, неэлитных слоев населения в вооруженное противостояние.

В своей борьбе за политическую власть в Грузии грузинское национальное движение активно и целенаправленно разыгрывало «осетинскую карту». При этом среди других «этнических карт» наибольшей популярностью у радикалов пользовались абхазская и осетинская карты. Антиосетинская тематика предвыборной борьбы радикалов, или раскручивание осетинской карты, приносила по сравнению с абхазской картой наибольшие политические дивиденды. Это объяснялось, прежде всего, дисперсным расселением осетинского этноса по всей Грузии, включая ее столицу Тбилиси. Так, если в Южной Осетии проживало 65,2 тыс. осетин, то около 100 тыс. осетин проживало в т.н. «внутренних районах» Грузии и в Тбилиси. Разыгрывание «абхазской карты» не давало таких дивидендов, поскольку абхазский этнос проживал почти компактно на территории своей автономии. Осетинская тематика, в отличие от абхазской, давала возможность актуализировать национальную проблематику практически по всей Грузии и апеллировать к грузинскому избирателю во всех ее уголках.

Одним из наиболее грандиозных акций грузинских радикалов в плане разыгрыванию «осетинской карты» стал т.н. поход на Цхинвал в 1989 году. Поход на Цхинвал был рассчитан на грандиозный политический эффект. Среди задач в этом пла-

не радикалы ставили пробуждение к политической активности грузинского населения, апеллирование к широкому грузинскому избирателю с целью его привлечения на свою сторону. Подобная направленность подтверждалась и заявлениями лидера радикалов З.Гамсахурдиа и его оценкой проведенной политической акции. «Эта акция способствовала невиданному размаху и активизации национального движения по всей Картли», - заявил он на митинге в городе Гори на следующий же день после акции. Данная акция была, безусловно, использована Гамсахурдиа в первую очередь для приобретения им образа национального вождя и рассчитана на дальнейшее усиление авторитета и политических позиций радикалов в политической борьбе. Поэтому, очевидно, что главной целью организации цхинвальского похода явилось стремление усилить свои позиции и наработать политический капитал в условиях предстоящей ожесточенной борьбы за власть в республике. Данное обстоятельство в свою очередь свидетельствовало об активизации борьбы политических сил Грузии накануне предстоящих выборов в высший орган власти, когда национальная оппозиция пыталась использовать конфликт в Южной Осетии для захвата власти.

Наглядным свидетельством разыгрывания «грузинской карты» и проведения таким образом этнополитической мобилизации со стороны югоосетинского НФ стало т.н. «абхазское письмо», отправленное лидерами югоосетинского НФ в Абхазию в период резкого обострения там общественно-политической ситуации. Письмо декларировало идентичность абхазо-грузинских и осетино-грузинских противоречий и содержало четкие декларации межэтнической абхазо-осетинской солидарности в борьбе обоих народов за свои права.

«Абхазское письмо» стало первым шагом югоосетинского НФ в плане проведения этнополитической мобилизации. Оно, в частности, свидетельствовало о разыгрывании нарождавшейся осетинской контрэлитой грузинской проблемы, или «грузинской карты». Это письмо достигло своих политических целей, поскольку привело к росту авторитета и популярности лидеров национального движения.

Выводы

Появление на постсоветском пространстве контрэлит, пришедших на смену старой советской элите, привело к оформлению новой политической конфигурации в центре и в регионах. Новая конфигурация характеризовалась резким всплеском политической борьбы за власть. Приход к власти в Грузии национал-радикалов привел к упразднению югоосетинской автономии, разворачиванию грузино-осетинского конфликта и обострению межэтнических отношений в целом. Приход к власти в Южной Осетии

радикальных демократов сопровождался сецессией: разрывом с Грузией и выходом из ее состава. Активная политическая борьба новых элит Грузии и Южной Осетии и использование механизмов этнополитической мобилизации объективно приводили к их противоборству и последующему конфликту.

Контрольные вопросы

- 1. Феномен контрэлит*
- 2. Формирование новых политических элит в Южной Осетии и Грузии*
- 3. Приход к власти новых элит Грузии и Южной Осетии*
- 4. Конфликтные стратегии новых элит Грузии и Южной Осетии*

Лекция 9. Вооруженные фазы конфликта

- 1. Противостояние 1989-1990 гг. (первая фаза конфликта)**
- 2. Война 1991-1992 гг. (вторая фаза конфликта)**
- 3. Летняя война 2004 г. (третья фаза конфликта)**
- 4. Пятидневная война августа 2008 г. (четвертая фаза конфликта)**

1. Противостояние 1989-1990 гг. (первая фаза конфликта)

Первая фаза грузино-осетинского конфликта сложилась в результате предпринятого грузинским национальным движением похода на Цхинвал. 23 ноября 1989 г. была предпринята попытка проведения митинга в столице ЮОАО г.Цхинвале, для участия в котором из разных районов Грузии сюда на автобусах прибыло несколько десятков тысяч сторонников грузинских националистических движений, которых возглавили З.Гамсахурдиа и первый секретарь ЦК Компартии Грузии Г.Гумбаридзе. Колонна была остановлена у въезда в город местным населением. Вооружённое противостояние между участниками акции и осетинским населением длилось двое суток. Попытка проведения митинга в столице ЮОАО была сорвана. Однако, вооруженные участники похода, члены различных военизированных формирований грузинского национального движения, а также различного рода уголовные элементы рассредоточились по грузинским селам вокруг Цхинвала и устроили блокаду города. Население города испытало тяжелейший психологический шок и травму от нашествия на город и его блокады, состоявшихся в условиях мирного времени и пока еще единого государства СССР. Перебои с обеспечением продовольствия и особенно первой медицинской помощи дополнительно усиливали психоэмоциональный стресс осетинского населения, которое, помимо всего, столкнулось с давно позабытыми и искорененными при советской власти явлениями - перекрытием дорог, захватом заложников и издевательствами над ними.

Последствия этих событий были наиболее удручающи в условиях фактического отсутствия руководства области, когда незадолго до этого первый секретарь обкома партии, пока еще остававшийся центральной властной фигурой, был вынужден подать в отставку. Более того, с его уходом официальная власть автоматически перешла ко второму секретарю В.Гохелашвили - грузину по национальности, который, даже в силу партийно -

номенклатурных полномочий, обязан был защищать интересы не Автономной Области, а Грузии. И в этой ситуации республиканские партийные органы не торопились с назначением нового первого секретаря, который, согласно неофициальной партийной традиции, должен был быть по национальности осетином.

Отсутствие легитимного руководства в Области и реальных рычагов власти обусловили неуправляемость ситуации с осетинской стороны, что значительно ухудшало общую картину противостояния и обостряло его негативные последствия. Вследствие этого политическая жизнь Южной Осетии того периода мгновенно оказалась в состоянии анархии и хаоса. В городе стали стихийно организовываться различные штабы и центры, отчаянно пытавшиеся ввести процесс в организованное и контролируемое русло, но успеха не имели. Первая фаза конфликта привела к окончательному дистанцированию сторон и началу вооруженного противостояния.

2. Война 1991-1992 гг. (вторая фаза конфликта)

Вторая фаза конфликта характеризуется использованием официальными властями Грузии регулярных частей милиции и армии против Юго-Осетинской автономной Области. В ночь с 5 на 6 января 1991г. по приказу Председателя Верховного Совета Грузии З. Гамсахурдиа в Цхинвал были направлены грузинские вооружённые формирования - милиция и национальные гвардейцы, попытавшиеся установить контроль над городом. Полк внутренних войск СССР, несмотря на предупреждения югоосетинского руководства о готовящемся нападении, снял посты на въезде в Цхинвал и беспрепятственно пропустил грузин в город.

Вследствие организованного населением сопротивления грузинским частям не удалось захватить город. Потерпев неудачу в силовом решении конфликта, власти Грузии вновь установили блокаду Южной Осетии. Уже в феврале 1991 года было отключено её энергоснабжение. Более того, грузинские войска блокировали Транскавказскую автомагистраль, по которой в Цхинвал поступало продовольствие. В тот же период руководитель Южной Осетии Т. Кулумбегов был обманым путём вывезен из Цхинвала, доставлен в Тбилиси, где был помещен под арест.

В течение 1991 г. продолжались постоянные вооружённые столкновения. Начался поток беженцев из зоны конфликта на российскую территорию, в первую очередь в Северную Осетию. Беженцы, которым приходилось пересекать территории, контролируемые грузинскими силами, подвергались вооружён-

ным нападениям. Стали известны многочисленные случаи массовых расправ над беженцами-осетинами. Среди них наиболее трагичными стали факты расстрела осетинских беженцев на объездной вокруг Цхинвала Зарской дороге и убийства в грузинском селе Ередви группы осетин-заложников. Одновременно жёсткому давлению стали подвергаться этнические осетины, проживавшие во «внутренних районах» Грузии. Грузинская милиция и Национальная гвардия контролировали стратегические высоты вокруг Цхинвали и осуществляли обстрелы города, приводившие к многочисленным разрушениям и жертвам. Осетинские отряды, базировавшиеся в блокированном Цхинвале, испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов и действовали мелкими диверсионными группами. Гуманитарная ситуация в бывшей автономной области и городе Цхинвал стала катастрофической. Убитых приходилось хоронить в городских дворах.

Центральное советское руководство предприняло безуспешную попытку повлиять на ход конфликта. 7 января 1991 года Президент СССР М.Горбачёв издал Указ, осудивший и Декларацию о суверенитете Южной Осетии, и действия Верховного совета Грузии об упразднении ЮОАО, и потребовавший вывести из региона все вооружённые формирования кроме частей МВД СССР. Требования Указа Президента СССР грузинской стороной не были выполнены. Верховный Совет Грузии постановил, что указ является грубым вмешательством во внутренние дела республики.

Осетинская сторона выполнила Указ М.Горбачева. 4 мая 1991 года Собрание народных депутатов Южной Осетии всех уровней проголосовало за отмену провозглашённой Юго-Осетинской Советской Демократической республики и возвращение к статусу Автономной Области. Однако вследствие того, что грузинская сторона не выполнила требования президентского Указа, югоосетинские власти были вынуждены отменить свое решение и восстановить республиканский статус Южной Осетии.

17 марта 1991 года в городе Цхинвал и контролируемых осетинской стороной населенных пунктах прошел Всесоюзный референдум о сохранении СССР. На территориях, подконтрольных официально Тбилиси, референдум, в нарушение действующего законодательства, не проводился, хотя Грузия ещё была частью СССР. Более 90 процентов жителей Южной Осетии, принявших участие в голосовании, высказались за сохранение СССР. Это позволило руководству Южной Осетии после восстановления государственной независимости Грузии

самостоятельно принять решение о пребывании автономии в составе СССР на основании Закона о порядке разрешения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза ССР. Грузия вышла из состава СССР, а Южная Осетия осталась в составе СССР, что означало политико-правовое размежевание Южной Осетии и Грузии.

В январе 1992 года в Южной Осетии состоялся референдум по вопросу о государственной независимости и (или) воссоединении с Россией. Большинство участвовавших в референдуме поддержало это предложение, но грузинское население республики опять бойкотировало референдум. В скором времени Верховный Совет Республики Южная Осетия принимает Декларацию о независимости.

В конце 1991 - начале 1992 гг. в Грузии вспыхнула гражданская война и произошёл государственный переворот, приведший к свержению З. Гамсахурдиа, что на определённое время отвлекло внимание грузинских властей от Южной Осетии. Однако новое грузинское руководство во главе с Э. Шеварднадзе весной 1992 года спровоцировало новый всплеск боевых действий в Южной Осетии. К середине июня грузинские отряды вплотную подошли к Цхинвалу, что создало реальную угрозу захвата города. Под давлением российского руководства Эдуард Шеварднадзе был вынужден пойти на уступки и начать переговоры о мирном урегулировании. Вооружённые столкновения были прекращены с подписанием 24 июня 1992 года Б. Ельциным и Э. Шеварднадзе Сочинских соглашений о принципах урегулирования конфликта. 14 июля 1992 года в зону конфликта для разъединения противостоящих друг другу сил были введены миротворцы - Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) в составе нескольких батальонов. Сочинские соглашения предусматривали создание органа для урегулирования конфликта — Смешанной контрольной комиссии (СКК). В Цхинвале также была размещена Миссия наблюдателей ОБСЕ.

3. Летняя война 2004 г. (третья фаза конфликта)

Третья фаза конфликта началась с очередной вооружённой агрессии Грузии против Южной Осетии. В начале весны 2004 года грузинские власти ликвидировали Эргнетский рынок - огромный оптовый рынок на границе Южной Осетии и Горийского района Грузии, открывшийся в начале 1990-х годов и превратившийся в один из крупнейших пунктов товарообмена на Кавказе. Эргнетский рынок стал обеспечивать работой значительную часть осетинского и грузинского населения и по сути

превратился в своеобразный механизм налаживания торгово-экономических связей между конфликтующими сторонами. По оценкам экспертов, с конца 1990-х годов Эргнетский рынок стал главным фактором определенного сближения грузинского и осетинского сообществ.

Однако правительством Грузии во главе с М.Саакашвили, пришедшим к власти в результате нового государственного переворота, Эргнетский рынок был объявлен контрабандной зоной и ликвидирован в связи с проведением «антиконтрабандной операции в Цхинвальском регионе». В рамках этой операции 31 мая 2004 года в зону грузино-осетинского конфликта, где имели право находиться только миротворческие силы и сотрудники местных правоохранительных органов, грузинская сторона без согласования с Силами по поддержанию мира в зоне конфликта и Смешанной Контрольной Комиссией (СКК) перебросила подразделения своих внутренних войск и тяжёлую военную технику. Эти действия Грузии фактически означали отказ грузинских властей от Сочинских соглашений 1992 года о прекращении огня в Южной Осетии. В зону конфликта было введено по различным оценкам от 500 до 1000 грузинских военнослужащих.

Результатом начавшегося после ввода войск противостояния между Грузией и Южной Осетией стали жертвы среди мирного осетинского населения и военнослужащих с обеих сторон, разрушения домов жителей осетинских сёл. Со второй половины июля 2004 года на территории Южной Осетии происходили регулярные обстрелы города Цхинвала и осетинских сёл из стрелкового оружия, гаубиц и миномётов. До конца августа грузинские силы безуспешно пытались взять стратегические высоты у Цхинвала, но, понеся существенные потери, были выведены из зоны конфликта.

События лета 2004 года привели к усилению межэтнической напряженности между двумя народами. Фактически прекратились контакты на уровне неправительственных организаций и мелкого бизнеса. Грузино-осетинские взаимоотношения практически ограничились крайне напряжённым общением в формате Смешанной Контрольной Комиссии и обменом официальными заявлениями по поводу убийств и похищений людей, захватов заложников, перекрытия Транскама. Большинство встреч в формате СКК с лета 2004 года стали носить экстренный, чрезвычайный характер.

На фоне значительного ухудшения ситуации в зоне конфликта президент Грузии М. Саакашвили и его окружение стали обвинять Россию в поддержке Южной Осетии, якобы не желаю-

щей урегулировать отношения с Грузией. Тбилиси обратился в международные организации, обвинив Москву в поддержке «сепаратистского» режима, и начал требовать вывода из Южной Осетии российских миротворцев. Грузинская сторона требовала от России соблюдения территориальной целостности грузинского государства и прекращения поддержки Южной Осетии и Абхазии. Грузия настаивала на пересмотре Сочинских соглашений 1992 года, согласно которым в Южную Осетию были введены российские миротворцы.

В сложившейся ситуации парламент, президент и общественность Южной Осетии продолжали обращаться к руководству России с просьбами о принятии Южной Осетии в состав России и воссоединении Южной и Северной Осетии в границах Российской Федерации. Власти и общественные организации Южной Осетии требовали сохранения мандата миротворческих сил, рассматривая российских миротворцев как главного гаранта безопасности в зоне конфликта. 5 ноября 2004 года в ходе переговоров между премьер-министром Грузии З. Жвания и президентом Южной Осетии Э. Кокойты было подписано соглашение о демилитаризации зоны конфликта.

4. Пятидневная война августа 2008 г. (четвертая фаза конфликта)

Четвертая фаза конфликта сложилась в результате широкомасштабной агрессии грузинских вооруженных сил против Южной Осетии.

В конце июля - начале августа 2008 года вновь стали происходить перестрелки и огневые налёты разной степени интенсивности. Вследствие новой эскалации мирные жители Южной Осетии в массовом порядке стали покидать зону конфликта. 7 августа грузинская армия попыталась занять Присские высоты вокруг Цхинвала, но атака была отбита. Однако войска Грузии продолжали наращивать свое присутствие в зоне противостояния. По сообщениям международных информагентств, грузинская армия, включая подразделения с установками типа «Град», начала передислоцироваться в направлении Южной Осетии.

К утру 7 августа грузинская сторона сосредоточила на границе с Южной Осетией возле грузинского г.Гори значительные военные силы. В основе грузинского плана наступления лежало блокирование автодороги «Транскам», являющейся единственным средством связи с Россией, занятие города Цхинвал и основных населённых пунктов Южной Осетии в течение 3-4 суток. В наступлении должны были быть задействованы

крупные силы министерства обороны и МВД Грузии. Планировалось, что к западу от Цхинвала 4-я пехотная бригада грузинской армии займёт село Хетагурово, к востоку - 3-я пехотная бригада захватит Присские высоты, а также сёла Дменис и Сарабук. Затем обе бригады должны были обойти столицу Южной Осетии с севера и соединиться у села Гуфта, замкнув окружение. После этого планировалось развивать наступление в сторону Джавы и Рокского тоннеля. Артиллерийская бригада интенсивным огнём должна была оказывать содействие грузинской группировке на всех этапах наступления. Небольшими силами, численностью до батальона, планировалось нанести удары и на второстепенных направлениях — в Ленингорском и Знаурском районах и на посёлок Квайса. Собранная для проведения операции грузинская группировка к утру 8 августа насчитывала 12 тысяч человек и 75 танков.

8 августа командующий операциями вооружённых сил Грузии генерал М. Курашвили объявил в эфире телеканала «Рустави-2», что для стабилизации обстановки в зоне конфликта, грузинская сторона «приняла решение о восстановлении конституционного порядка в зоне конфликта». М.Курашвили призвал российских миротворцев, дислоцированных в зоне конфликта, не вмешиваться в ситуацию. За несколько минут до начала операции грузинских сил министр обороны Грузии сообщил по телефону из Тбилиси командующему смешанными силами по поддержанию мира (ССПМ) генералу Марату Кулахметову об отмене перемирия. На экстренно созванном брифинге в Цхинвале М. Кулахметов заявил журналистам: «грузинская сторона фактически объявила Южной Осетии войну». В ночь на 8 августа грузинские войска подвергли Цхинвал обстрелу из реактивных установок «Град», после чего начали штурм города с применением танков.

Следует отметить, что в развязывании Грузией очередной войны против Южной Осетии значительную роль сыграли США. 28 августа 2008 года премьер-министр РФ В.Путин отметил в интервью телеканалу CNN, что «республиканцы в Белом доме способствовали нападению Грузии на Южную Осетию, дабы поднять рейтинг кандидату от Республиканской партии Джону Маккейну». По мнению директора Института политических исследований С. А. Маркова и председателя Госдумы Б. В. Грызлова, основным инициатором военного конфликта в Южной Осетии является группа американских неоконсерваторов во главе с вице-президентом США Диком Чейни, стремящаяся обеспечить победу Джона Маккейна над Баракком Обамой, чтобы сохранить свои позиции в администрации США.

По сообщениям из Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации грузинская операция против Южной Осетии носила название «Чистое поле» и была разработана Грузией совместно с США. Бывший во время войны послом Грузии в России Э. Кицмаришвили 25 ноября 2008 года заявил, ссылаясь на свои источники в грузинском правительстве, что добро на начало войны в Южной Осетии дал президент США Джордж Буш. 14 августа 2008 года правительство Венесуэлы также распространило коммюнике, в котором говорилось: *«Этот конфликт был спланирован, подготовлен и осуществлён по указанию правительства Соединённых Штатов, которое, далёкое от желания способствовать восстановлению мира, ставило перед собой задачу стимулировать агрессию грузинского руководства»*. По мнению президента Венесуэлы Уго Чавеса, США использовали Грузию для того, чтобы ослабить влияние России до минимума.

На данном этапе грузино-осетинского конфликта в зону вооруженного противостояния вынуждена была впервые открыто вмешаться Россия. Утром 8 августа российская авиация приступила к бомбардировке целей на территории Грузии. При этом российские самолёты накрывали только военные объекты: военную базу в Гори, аэродромы Вазиани и Марнеули, где базировалась грузинская авиация, нанося удары по населённым пунктам Южной Осетии.

9 августа продолжалась переброска войск с территории России в Южную Осетию и создание ударной группировки. Помощник главкома сухопутных войск РФ заявил, что части и подразделения 58-й армии, прибыв на окраину Цхинвала, «приступили к подготовке операции по принуждению Грузии к миру в зоне ответственности миротворцев». Российские корабли вошли в территориальные воды Грузии и приступили к боевому патрулированию. В Абхазии в это время началась высадка морского десанта в районе Очамчира и переброска частей ВДВ на аэродром Сухуми. 11 августа российские войска перешли границы Абхазии и Южной Осетии и вошли непосредственно на грузинскую территорию. Вошедшая со стороны Абхазии российская армия без боя заняла западногрузинский город Зугдиди. В результате продвижения колонн российской бронетехники грузинские солдаты оставили город Гори.

Поражение Грузии в войне августа 2008 года актуализировало проблему мирного урегулирования в зоне конфликта, которую предполагалось решать с участием международных посредников. Для участия в этом процессе в Москву прибыл президент Франции Н. Саркози В ходе его встречи с президентом

России Дмитрием Медведевым и премьер-министром В. Путиным были согласованы шесть принципов мирного урегулирования (План Медведева - Саркози):

- отказ от использования силы;
- окончательное прекращение всех военных действий;
- свободный доступ к гуманитарной помощи;
- возвращение вооружённых сил Грузии в места их постоянной дислокации;
- вывод Вооружённых сил РФ на линию, предшествующую началу боевых действий;
- начало международного обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

После этого президент Н. Саркози посетил Тбилиси, где провёл встречу с президентом Грузии М. Саакашвили. 13 августа Грузия приняла план урегулирования конфликта, но с оговорками. Так, по просьбе грузинского президента был убран пункт о начале обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии. Президент Франции Н. Саркози подтвердил заявление М. Саакашвили, добавив, что пункт о начале обсуждения будущего статуса двух непризнанных республик убран с согласия президента РФ Д. А. Медведева. Этот пункт был переформулирован в «Создание международных гарантий по обеспечению стабильности и безопасности в Абхазии и Южной Осетии». После внесения изменений М. Саакашвили объявил, что подписывается под планом урегулирования и принимает условия прекращения огня в зоне грузино-осетинского конфликта. Однако, по мнению Н. Саркози, «Текст из шести пунктов не может ответить на все вопросы. Он не решает окончательно проблему».

В декабре 2008 года Европейским союзом для международного изучения причин конфликта была создана Международная комиссия по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе в августе 2008 года. Комиссия начала свою работу под руководством экс-представителя ООН в Грузии Хайди Тальявини с привлечением независимых военных экспертов. 30 сентября 2009 года комиссия опубликовала итоговый доклад, в котором содержался вывод о том, что войну в Южной Осетии начала Грузия. Ключевыми позициями доклада, противоречащими грузинской версии войны, стали следующие положения:

1) Боевые действия начались с масштабной грузинской операции против города Цхинвал и прилегающих территорий в ночь с 7 на 8 августа 2008 года, которой предшествовал массированный артиллерийский обстрел.

2) Комиссия не может считать достаточно доказанным утверждение Грузии о вторжении значительных российских сил в Южную Осетию до 8 августа.

3) Возникает вопрос, являлось ли применение Грузией силы в Южной Осетии оправданным с точки зрения международного права. По нашему мнению, ответить на него следует отрицательно.

4) Следующий вопрос состоит в том, являлось ли оправданным применение грузинской армией силы в отношении российских миротворцев на грузинской территории (в Южной Осетии). Ответ, опять-таки, отрицательный.

5) Не приходится сомневаться в том, что Россия имела право отразить нападение на своих миротворцев средствами, пропорциональными угрозе. Таким образом, применение Россией силы в целях обороны следует признать законным.

Выводы

Грузино-осетинский конфликт прошел в своем развитии через четыре фазы вооруженного противостояния. При этом очевидно, что вооруженные фазы конфликта развиваются по восходящей траектории, приобретая все более насильственные формы. Опыт всех вооруженных фаз грузино-осетинского конфликта свидетельствует о том, что попытки применения Грузией насилия приводят к негативным последствиям и силовое разрешение грузино-осетинских противоречий бесперспективно.

Контрольные вопросы

- 1. Противостояние 1989-1990 гг. (первая фаза конфликта)*
- 2. Война 1991-1992 гг. (вторая фаза конфликта)*
- 3. Летняя война 2004 года (третья фаза конфликта)*
- 4. Пятидневная война августа 2008 г. (четвертая фаза конфликта)*

Лекция 10. Проблемы урегулирования грузино-осетинского конфликта

1. Проблемы урегулирования конфликтов ценностной природы

2. Официальные варианты грузино-осетинского урегулирования

3. Экспертные предложения по грузино-осетинскому урегулированию

1. Проблемы урегулирования конфликтов ценностной природы

Следует признать, что поиски вариантов урегулирования грузино-осетинского противостояния, активно предпринимаемые конфликтующими сторонами и посредниками в период, предшествовавший Пятидневной войне, так и не привели к достижению каких-либо конкретных результатов. В первую очередь это связано с тем, что ни в политических кругах, ни даже в современной научной литературе нет четкого представления по вопросу практического урегулирования этнических конфликтов, в том числе и грузино-осетинского. По признанию ведущих экспертов в этой области «Основной практической задачей современной этноконфликтологии является создание моделей урегулирования этнических конфликтов. Несмотря на значительный объем публикаций в современной отечественной и зарубежной конфликтологической литературе *концептуальное представление* по этой проблеме отсутствует»²⁶. При этом, «широко пропагандируемые западной этнологией аналитические методы разрешения ситуаций «не работают» не только в сложной этнической или культурной конфронтации, но даже при столкновении нескольких противоположных друг другу научных концепций»²⁷.

Основная причина этого обстоятельства кроется в самой природе этнических конфликтов, которые в большинстве своем являются конфликтами ценностной природы, когда роль основных конфликтогенных факторов начинают играть этнические ценности и отличия. Несмотря на развивающиеся в мире интеграционные связи, этнические отличия в эпоху информационного общества имеют тенденцию к сохранению и укреплению. Расовые, этнические и религиозные группы отстаивают свое право на существование и продолжают гордо сохранять свою самобытность. Как считают исследователи, «ассимиляция

была идеалом индустриального общества, отвечавшим его потребностям в однородной рабочей силе; новым идеалом становится *разнообразие*, что соответствует новой системе создания материальных благ»²⁸.

Трудности теоретических изысканий в сфере урегулирования этнических конфликтов лежат при этом в области той или иной трактовки феномена этничности. По признанию ведущих исследователей, этнология не имела и не имеет какой-либо общепризнанной методологии анализа и интерпретации этнического. Причина этого таится в характере самого объекта анализа. Практически невозможно выделить четкие и универсальные критерии для построения этнической классификации. Ученые признают, что сегодня в мировой науке, во многих странах утверждается мнение, что определение нации как некоего объективно существенного типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно.

Подобная исходная предпосылка в трактовке феномена этничности и этнических различий привела к формированию в научной литературе такой ситуации, когда практически все направления как российской, так и западной этноконфлитологии декларируют особый подход в урегулировании конфликтов ценностей: «Нужен особый подход к разрешению конфликтов ценностей. Понятно, что когда речь идет о ценностях, под которыми, прежде всего, понимается то, что придает смысл человеческому существованию, методы разрешения конфликтов должны быть особыми»²⁹.

В качестве одной из наиболее представительных концепций в научной литературе сформировалась т.н. конфликтно-консенсусная парадигма, согласно которой именно взаимодействие, взаимопереходы, взаимопревращения конфликта и консенсуса являются главной предпосылкой существования полиэтнического общества, движущей силой всех его изменений и развития в целом. Отсюда вполне очевидны и варианты взаимодействия с конфликтом. По оценкам исследователей, ошибочны, вредны и опасны попытки предотвращения этнополитических конфликтов, решения их с помощью силы, а также покорное, бездеятельное наблюдение за их ходом. Более продуктивным следует признать и всячески поощрять попытки прогнозировать, своевременно выявлять и управлять этнополитическими конфликтами.

Что касается кавказских конфликтов, то они также являются, безусловно, конфликтами ценностной природы и относятся к трудноразрешимым на основе компромисса. Стратегии урегулирования в этих конфликтах не работают, постольку, по-

сколькo их природа зачастую трактуется не как ценностная, а как политическая. Данное обстоятельство на практике приводит к формированию такой ситуации, когда вариантов, устраивающих все стороны, вовлеченные в конфликт, на сегодняшний день не существует, и в ближайшее время не предвидится.

Точки зрения на возможные варианты урегулирования конфликтов на Южном Кавказе в научной литературе фокусируются, прежде всего, на поиске и выработке наиболее оптимальных подходов по практической реализации различных предлагаемых вариантов. Общеизвестным среди научного сообщества считается также представление о том, что сохранение статус-кво в регионах постсоветских конфликтов не должно никого устраивать, т.к. чревато войной. По признанию ученых-конфликтологов, ситуация вокруг «непризнанных» государств характеризуется термином «замороженный конфликт», который означает, что его эскалация может произойти в любое время. Из сказанного следует, что нынешнее состояние статуса «непризнанных» государств не является оптимальным, и что Россия и население этих территорий не должны стремиться к сохранению статус-кво. Практические рекомендации сторонников такого подхода к этническим конфликтам на Южном Кавказе сводились к выработке нестандартных вариантов, когда ценностные противоречия могут быть разрешены на основе интеграционной стратегии, нацеленной на поиск обходных моделей урегулирования через создание наднациональных структур на постсоветском пространстве по типу Евросоюза и конструирование новой более широкой идентичности.

В отношении грузино-осетинского конфликта, эксперты вынуждены были признать, что он, несмотря на кажущуюся простоту, имеет также довольно сложную природу и происхождение. Эта особенность обусловлена переплетением целого комплекса совершенно разнородных противоречий: исторических, политических, этнокультурных, экономических, уходящих, как правило, корнями вглубь истории. Воздействие этих факторов привело к тому, что конфликт изначально формировался и продолжает существовать как конфликт преимущественно ценностной природы, демонстрируя столкновение не столько интересов, сколько ценностных систем этнических общностей - непосредственных носителей конфликта.

Именно по этой причине грузино-осетинский конфликт тяжело поддается разрешению. Эксперты констатировали отсутствие существенного продвижения в плане хотя бы частичного его урегулирования. Стороны, вовлеченные в конфликт, с большим трудом шли на контакты друг с другом, отказывались от

любых политических компромиссов, предпочитая использовать стратегию дистанцирования. Пробуксовывали также и усилия многочисленных международных посредников, вовлеченных тем или иным образом в процессы урегулирования. Наибольшим достижением в сфере грузино-осетинского урегулирования стал «Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия» подписанный сторонами в 1996 г. в Москве. За подписанием этого документа последовало несколько встреч между президентом Грузии Э. Шеварднадзе и президентом Южной Осетии Л. Чибировым, а также главами правительств Грузии и Южной Осетии. Однако летний конфликт 2004 года заморозил весь переговорный процесс между сторонами, а значение подписанного в Москве Меморандума практически было сведено на нет.

Анализируя особенности грузино-осетинского переговорного процесса, эксперты отмечали, что на первоначальном этапе наиболее эффективным в плане деэскалации межэтнической напряженности оказался механизм «разведения сторон», который, безусловно, себя оправдал, поскольку привел к прекращению насильственной фазы конфликта. Однако его применение в долгосрочной перспективе не дало ожидаемого результата. Достичь окончательного урегулирования так и не удалось, и динамика конфликта постепенно приобрела затяжную форму, характеризующуюся чередованием латентной и манифестной фаз: с момента своего начала (осень 1989 года) грузино-осетинский конфликт прошел четыре манифестные и четыре латентные фазы.

В то же время, согласно мнению экспертов, подобное положение в зоне конфликта не стоило излишне драматизировать. Очевидно, что поиски эффективных моделей, способных кардинально переломить ситуацию, могли серьезно затянуться, и поэтому не следовало возлагать больших надежд на быстрый успех в этом плане. Основную ставку, по мнению аналитиков, следовало делать не столько на окончательное разрешение и урегулирование, сколько на поиски наиболее эффективных путей снижения межэтнической напряженности, обеспечения мира и стабильности в регионе.

При этом эксперты единодушно отмечали, что силовое разрешение грузино-осетинских противоречий совершенно бесперспективно. Об этом наглядно свидетельствовал многолетний опыт грузино-осетинского противостояния, в том числе и опыт конфликта периода начала 1990-х и лета 2004 года. Проблема здесь заключалась также и в том, что даже в случае успеха военной операции против Южной Осетии завоевать её

быстро не удастся. Очевидно, что захват Цхинвала не будет означать автоматической капитуляции всей Южной Осетии, и Грузия неминуемо столкнется здесь с ростом партизанского движения, подпитываемого с территории Северного Кавказа и поддерживаемого Россией. При таком развороте событий ситуация здесь превратится по-сути во вторую «Чечню» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, после использования силового варианта в Южной Осетии какие-либо мирные инициативы в Абхазии уже не пройдут, и там также придется воевать и неизвестно, чем эта война может закончиться для Грузии, учитывая то обстоятельство, что последнюю военную кампанию в Абхазии Грузия безнадежно проиграла. В силу указанных причин наиболее оптимальным вариантом выхода из грузино-осетинского межэтнического противостояния экспертам представлялась ставка на ненасильственные мирные сценарии разрешения грузино-осетинских проблем.

2. Официальные варианты грузино-осетинского урегулирования

Грузино-осетинским урегулированием активно пытались заниматься официальные власти конфликтующих сторон, которые в период 2005-2006 гг. обратились к различного рода мирным инициативам. 26 января 2005 года на заседании ПАСЕ в Страсбурге грузинский президент М. Саакашвили обнародовал мирные инициативы в отношении Южной Осетии, предложив региону статус широкой автономии. В конце 2005 года грузинский план был повторно представлен мировому сообществу. В том же 2005 году с мирными инициативами выступила и осетинская сторона. Основные пункты этих инициатив отразили весь спектр проблем, накопившихся к тому моменту в сфере грузино-осетинского противостояния – это обеспечение безопасности, восстановление взаимного доверия, экономическое возрождение и политическое урегулирование. Однако подходы сторон к решению этих проблем оказались совершенно несовместимыми. Произошло это постольку, поскольку, несмотря на наличие общих пунктов обсуждения, стороны вкладывали в них различный смысл.

Так, грузинская сторона считала, что для решения этой проблемы необходимо полностью демилитаризовать зону грузино-осетинского конфликта. При этом под полной демилитаризацией грузинские власти понимали, прежде всего, одностороннее разоружение Южной Осетии. Об этом не один раз высказывались публично официальные представители Грузии. По заяв-

лениям премьер-министра Грузии З. Ногаидели все югоосетинские вооруженные формирования должны быть выведены не только из зоны грузино-осетинского конфликта, которая охватывает лишь часть территории Южной Осетии, а «должны вернуться обратно в Россию, откуда и пришли». Такая позиция грузинской стороны, вполне естественно не могла найти поддержку в Южной Осетии, поскольку в случае реализации грузинского предложения она оказывалась беззащитной перед лицом значительно превосходящей грузинской армии. В условиях практической неразрешенности грузино-осетинских проблем для Южной Осетии это было равнозначно полной потере своей независимости. Поэтому осетинская сторона в этом пункте справедливо отмечала необходимость вывода из зоны конфликта всех вооруженных формирований, кроме миротворческих сил, статус которых был определен Сочинскими соглашениями.

Проблема экономического возрождения конфликтного региона звучала на первый взгляд достаточно привлекательно. Однако, при ближайшем рассмотрении и здесь обнаружилось довольно большое расхождение во мнениях. Так, по мнению грузинской стороны, разговор в этом плане можно вести лишь об определенных шагах правительства Грузии, направленных на оказание экономической помощи пострадавшим районам, да и то только в случае определения политического статуса Южной Осетии, т.е. вхождения в состав Грузии.

Предложения же осетинской стороны были направлены в первую очередь на создание в регионе конфликта свободной экономической зоны с широким привлечением сюда международных инвестиций. Причем с осетинской стороны на уровне экспертов подобные проекты озвучивались уже давно, с середины 1990-х годов. Однако и в этом случае осетинская сторона обращала особое внимание на детальную проработку вопросов создания такой зоны, политико-правовых проблем её функционирования и особенностей администрирования. По мнению осетинской стороны органы управления такой зоной ни в коем случае не должны были подменять собой существующие государственные структуры Южной Осетии, поскольку это могло бы создать угрозу для её государственности и независимости.

Наибольшую полярность в подходах обнаружил третий круг вопросов мирных инициатив. Это проблема политического урегулирования. Грузинская сторона видела решение этой проблемы в составе Грузии, причем в короткие сроки. Так, если в прежних предложениях М.Саакашвили, озвученных им в сентябре 2004 года на 59 сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке, решение проблемы политического статуса Южной Осетии ото-

двигалось на неопределенное будущее, то в новом грузинском плане для решения этой проблемы были обозначены предельно сжатые сроки – конец 2006 года и не позже.

Позиция осетинской стороны фокусировалась на невозможности не только определения политического статуса Южной Осетии в составе Грузии, но и какого-либо обсуждения этого вопроса с Грузией вообще. По мнению осетинской стороны, вопросы политического статуса Южной Осетии давно определены двумя референдумами на её территории и не подлежат какому бы то ни было дополнительному обсуждению. Поэтому мирные инициативы сторон практически не имели шансов на успех. Последующие грузино-осетинские встречи в формате СКК достаточно красноречиво продемонстрировали это обстоятельство, поскольку окончились также безрезультатно. Вследствие активного противодействия грузинской делегации сторонам так и не удалось приступить к совместной выработке конкретного плана урегулирования. Представители Грузии отвергли даже мероприятия, направленные на обеспечение элементарной военной безопасности в зоне конфликта.

3. Экспертные предложения по грузино-осетинскому урегулированию

Активное обсуждение проблем грузино-осетинского урегулирования осуществлялось также и в широкой экспертной среде: и осетинской (А.Г. Плиев, А.А. Цуциев, А.Б. Дзадзиев, И.Б.Санакоев), и российской (С. Маркедонов, М. Александров, А.Скаков), и международной (Международная Группа по предотвращению кризисов). По мнению экспертов, основная стратегия в этом плане должна была заключаться в том, чтобы вернуть грузино-осетинский конфликт в прежнее «замороженное состояние» и попытаться осуществить урегулирование согласно принципу «Отложенный статус + Время». В течение этого времени сторонам следовало развивать двусторонние отношения согласно «пошаговой стратегии» по формуле «Безопасность – Доверие - Экономическое сотрудничество - Политическое примирение» (БДЭП).

На первом этапе сторонам предлагалось решить проблему *безопасности*, без которой какое-либо взаимодействие сторон не только на высшем, но и на рядовом уровне было немыслимо. Какими бы ни были инициативы сторон, несомненно, что в первую очередь они должны были носить безусловный миротворческий характер и быть ориентированы на заключение долгосрочного Договора о мире и ненападении по образцу

московского Меморандума 1996 года. Выход на такой уровень взаимоотношений возможен был лишь в результате длительной и кропотливой работы по налаживанию активного переговорного процесса, который уже сам по себе предусматривал состояние прекращения огня. Достижение такого соглашения способно было обеспечить хоть какую-то безопасность в регионе. Очевидно, что заключение масштабного Договора о мире и ненападении, гарантировавшего мир и стабильность народам региона, позволило бы конфликтующим сторонам продолжать развивать двусторонние отношения в позитивном русле.

Выход на такой уровень взаимоотношений в свою очередь мог предоставить сторонам возможность наладить мирный диалог и осуществить ряд последовательных акций и мер в направлении укрепления взаимного *доверия*. Здесь неоценимую помощь могли сыграть мероприятия в рамках неофициального миротворчества, или т.н. «народной дипломатии», которые также могли способствовать сближению народов. Как известно, у кавказских этносов с древнейших времен наряду с военной практикой активно развивались также и традиции примиренчества, когда «кавказская культура мира и связанные с ней процедурные механизмы становятся оборотной стороной ее воинственности и агрессивности, т.е. своего рода компенсаторным инструментом сдерживания агрессии»³⁰. Поэтому, по мнению экспертного сообщества, при условии умелой организации и использования этот механизм без сомнения имел все шансы обрести благодатную почву на кавказской земле.

К примеру, в Абхазии, где со второй половины 1990-х гг. достаточно активно проводились неофициальные мероприятия в рамках народной дипломатии, стали укрепляться общественные настроения в пользу того, что мирный диалог соответствует интересам абхазов. По оценкам абхазских исследователей, эта мотивация в условиях перманентных страхов и слухов по поводу возобновления войны стала в большей степени следствием эффективности разнообразных программ в рамках неофициального урегулирования. Данные социологических исследований в Абхазии также показали достаточно высокий процент опрошенных респондентов среди населения и экспертов, высказавшихся в пользу неофициального урегулирования (30% и 65%).

Успешное решение проблемы *безопасности* в регионе и восстановление взаимного *доверия* в свою очередь дало бы возможность перейти к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству и торговле между конфликтующими сторонами, как на бытовом, так и на правительственном уровне. Для этого

в зоне грузино-осетинского конфликта существовали хорошие предпосылки: осетинское и грузинское население довольно активно начинало развивать торговые контакты при прекращении боевых действий. Экономические проекты наиболее успешными могли бы стать в зоне грузино-осетинского конфликта также постольку, поскольку здесь не было такого жесткого «разведения сторон» и контроля границ, как это имело место в Абхазии и Нагорном Карабахе. Именно поэтому при прекращении военных действий в зоне противостояния торговые отношения между осетинским и грузинским населением возобновлялись практически моментально. Поэтому согласно экспертам (А.Г.Плиев) проект, в основу которого могла бы лечь идея создания межгосударственной зоны экономического развития, был бы здесь наиболее приемлем. В такую зону помимо предприятий Южной Осетии вошли бы предприятия прилегающих территорий Грузии и Северной Осетии. По оценкам специалистов наиболее эффективным средством в этом плане могло стать создание здесь свободных экономических зон различного типа, которые при их умелом использовании могли дать отличные результаты. Такие зоны должны были при этом создаваться с охватом как можно большего числа участников с обеих сторон.

При этом эксперты считали необходимым опровергнуть некоторый пессимизм и скепсис, часто выражавшийся в научных и политических кругах относительно того, насколько жизнеспособными могут быть экономические программы в зонах этнических конфликтов. Согласно экспертным оценкам экономические проекты могут и будут работать в конфликтных зонах при условии их продуманной организации и реализации. Во все времена даже в условиях крупномасштабных и ожесточенных военных столкновений примитивная торговля продолжала сохраняться и обеспечивать хотя бы минимальную жизнедеятельность воюющих сторон, когда все связи и налаженные каналы взаимодействия разрушались. К тому же, не секрет, что торговля и война идут рука об руку, поскольку сама война зачастую становится самым прибыльным бизнесом.

При этом, безусловно, эксперты отмечали, что экономические проекты не следовало рассматривать как какую-либо модель урегулирования или путь разрешения этнического конфликта, а как определенный способ формирования устойчивых предпосылок и условий для налаживания мирного взаимодействия этносов в конфликтной зоне. По мнению исследователей, такое сотрудничество способствовало бы изменению структуры конфликта в общественном мнении, этнические различия могли бы смягчиться и более активную роль стали бы играть

профессиональные, производственные и другие идентификации. Этнические споры уступили бы место спорам производственным, проблемам прав и распределения, общим задачам экономического развития.

Одним из важнейших результатов развития экономического сотрудничества в зоне грузино-осетинского конфликта, по мнению аналитиков, могли бы стать существенные перемены в общественном сознании конфликтующих этносов. К примеру, в случае успешной реализации экономических программ серьезной трансформации могла бы подвергнуться роль негативных стереотипов и образа врага, что способствовало бы сглаживанию конфликтного взаимовосприятия и укреплению толерантности в конфликтных сообществах. Такие перемены могли быть достигнуты в результате того, когда в ходе решения совместных социально-экономических задач сформируются и люди, которые смогут преодолеть на основе своего индивидуального и группового опыта взаимодействия взаимное недоверие и решить со временем по-своему вопросы о границах, формах сосуществования и порядке государственного устройства.

Несомненным условием успешного осуществления поэтапной стратегии урегулирования, по экспертным оценкам, должно было стать требование не обсуждать вопросы политического примирения и определения статуса Южной Осетии в каком-либо варианте на первых трех этапах. Это - задача на долгосрочную перспективу и преждевременный её вынос на повестку дня и последующее обсуждение способны были остановить позитивный процесс примирения и отбросить стороны на прежний уровень конфронтации. Поэтому «формула БДЭП» должна была реализовываться сторонами последовательно и поэтапно, в противном случае она была обречена на неудачу. Примером тому было взаимодействие Грузии – Южной Осетии в период 1990-х гг., окончившееся полным провалом, поскольку, добившись определенных успехов в осуществлении первых двух этапов (безопасность-доверие), стороны явно поторопились с обсуждением политических проблем.

Решение проблемы политического примирения, по мнению экспертов в перспективе могло иметь несколько различных вариантов. В первом случае это могло быть создание единого государства (федеративного или конфедеративного), включающего собственно Грузию, Абхазию, Аджарию, и Южную Осетию. Во втором случае, могло быть достигнуто международное правовое признание Южной Осетии в качестве самостоятельного независимого государства или же квазигосударственного образования по примеру Ватикана и Мальтийского ордена. Не ис-

ключено, что такое признание особого международного статуса Южной Осетии в перспективе могло последовать и со стороны Грузии. В качестве третьего варианта следовало рассматривать создание на территории Южной Осетии зоны Международного Протектората под эгидой ООН или же стран-посредников в конфликте – России и США. Четвертый вариант – это создание кондоминиума под управлением России и США. Пятый вариант – это ассоциированные отношения Южной Осетии с Российской Федерацией или вхождение в ее состав в качестве федеративной территории. И, наконец, шестой вариант – это кипрская модель.

Выбор какого-либо из предложенных вариантов должен был зависеть, в первую очередь, от уровня достигнутого доверия и консенсуса, а также от политической воли и культуры новой плеяды политиков, стремящихся разрешать взаимные противоречия не с позиций агрессивного национализма, как это делали и делают нынешние грузинские власти, а исходя из реальных интересов своих народов. Таким образом, выбор предлагаемой поэтапной стратегии урегулирования «Безопасность – Доверие – Экономическое сотрудничество – Политическое примирение» мог положить начало налаживанию двусторонних отношений и привести, в конечном счете, к решительным сдвигам в деле позитивного урегулирования грузино-осетинского конфликта.

При этом эксперты предупреждали о вполне реальных препятствиях на пути урегулирования.

Во-первых, новый рецидив конфликта в 2004 году привел к усилению противостояния на массовом уровне и росту конфликтных стереотипов, что привело к определенному дистанцированию и отчуждению сторон. Частью этих представлений стал, несомненно, вновь укрепившийся образ врага, который мешал сторонам воспринимать друг друга в конструктивном русле.

Во-вторых, с обеих сторон стало наблюдаться значительное укрепление представлений о том, что войну удастся выиграть и выйти из этой конфронтации победителями в одностороннем варианте. Вероятность такого исхода событий в зоне грузино-осетинского конфликта, по мнению экспертов, была равна нулю и не подтверждалась практикой: вот уже много лет Грузии не удавалось сломить сопротивление Южной Осетии, и Осетии не удавалось нанести решающее поражение Грузии. Поэтому расчет на игру с «нулевой суммой», когда одна из сторон получает все, а другая ничего, был абсолютно неверен.

В-третьих, по оценкам экспертов, в зоне грузино-осетинского конфликта присутствовали значительные силы, не желающие

достижения мира и стабилизации ситуации. Это была т.н. «третья сила», о которой летом 2004 года все время говорил генерал Набздорев, командовавший миротворческими силами в Южной Осетии. Вмешательство этих сил в зону противостояния все время срывало намечавшийся порой стабилизационный процесс и ввергало конфликтующие стороны вновь в противостояние и военные действия.

В-четвертых, по мнению аналитиков, позитивное продвижение противоборствующих сторон в направлении урегулирования и успешная реализация «формулы БДЭП» могли быть осуществлены на практике лишь при непосредственном управляющем воздействии на конфликт внешних его участников – России и США. Эти страны обладали определенными рычагами воздействия на субъектов противостояния и могли бы способствовать налаживанию мирного межэтнического взаимодействия в регионе. Однако эксперты подчеркивали, что опыт 1990-х годов свидетельствует о том, что ни России, ни США не удалось нащупать оптимальных путей урегулирования грузино-осетинского, как и других южнокавказских конфликтов. Проекты Д.Бодена для Абхазии, Баденский документ для Южной Осетии и работа Минской группы по Нагорному Карабаху также не дали практических результатов. По мнению экспертов, США все время стремятся закрепить свое экономическое и военное присутствие на Южном Кавказе, объявив его зоной своих жизненных интересов, и использовать этнические конфликты для активного проникновения в регион. Россия же, в свою очередь, старается не сдавать и сохранить здесь свое былое присутствие и влияние. Поэтому вмешательство этих стран в процессы урегулирования этнических конфликтов становится практически частью глобального геополитического соперничества между Россией и США, «разногласия которых наиболее сильно проявляются на постсоветском пространстве». Отсюда сходство и отличия в позициях США и РФ в отношении урегулирования южнокавказских конфликтов. Общим для обеих стран являлось признание территориальной целостности южнокавказских государств. Отличия в том, что РФ рассматривала власти этих стран и непризнанные территории как равных партнеров, а США настаивали на разрешении конфликтов в интересах сохранения территориальной целостности южнокавказских государств.

Выводы

Южнокавказские конфликты, в том числе и грузино-осетинский конфликт, это конфликты ценностной природы. Официаль-

ные планы урегулирования грузино-осетинского конфликта не были реализованы. Экспертные планы урегулирования грузино-осетинского конфликта также не были востребованы. Срыв всех планов урегулирования (как экспертных, так и официальных) неизбежно имел своим следствием дальнейшую эскалацию конфликта. И в этом отношении Пятидневная война в определенной степени стала закономерной.

Контрольные вопросы

- 1. Проблемы урегулирования конфликтов ценностной природы*
- 2. Официальные варианты грузино-осетинского урегулирования*
- 3. Экспертные предложения по грузино-осетинскому урегулированию*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политологический анализ грузино-осетинского конфликта позволяет выявить его специфику и констатировать, что он является преимущественно конфликтом ценностной природы, тяжело поддающимся разрешению. Определяя роль этнического и политического факторов в данном конфликте и их соотношение, можно также констатировать, что действие этнического фактора имеет более долговременный и базовый характер, тогда как политический фактор в большей степени характеризуется конъюнктурностью. Данное обстоятельство со всей очевидностью указывает на этническое содержание и политическую форму грузино-осетинского противостояния, когда «этнический конфликт выступает «как содержание конфликта, которое приобретает политическое оформление»³¹. Подобный вывод, на наш взгляд, дает возможность идентифицировать грузино-осетинский конфликт как типичный этнополитический конфликт - «наиболее распространенный тип этнического конфликта в современном мире»³².

Такая типологизация конфликта свидетельствует также о том, что его возникновение и дальнейшая эволюция обусловлены действием не какой-то одной причины, а целого комплекса взаимосвязанных факторов исторического, идеологического, социально-экономического и политического характера. Это означает, что основные противоречия, на которых базируется конфликт, представляют собой, по-сути, пороховую бочку, и игра с этим порохом достаточно взрывоопасна. Об этом надо постоянно помнить и, в первую очередь, тем политическим силам, которые пытаются разыгрывать тему грузино-осетинского противостояния в политической борьбе. Тому наглядным примером служит политическая обстановка и борьба политических сил в Грузии, постоянно пытающихся играть на межнациональных противоречиях с целью получения различных дивидендов в борьбе за власть или же доступе к финансовым потокам из Европы. Об этом свидетельствуют различные грузинские программы «мягкой силы», совершенно неэффективные в плане стабилизации ситуации в регионе и нацеленные исключительно на расширение европейских дотаций и различного рода преференций.

Очевидно, что какие-либо подвижки в деле осетино-грузинского урегулирования могут стать возможными лишь в ситуации, когда Грузия станет считаться со сложившимися в зоне кон-

фликта реалиями, которые уже имеют необратимый характер и все более признаются на международном уровне. Среди таких реалий это, конечно же, в первую очередь существование независимого государства Южная Осетия - Государство Алания, уже получившего международное признание. Среди таких реалий – это также признание геноцида осетинского народа и принятие на себя ответственности за его осуществление. В этом списке стоит также проблема возмещения нанесенного Южной Осетии материально-технического и социально-психологического урона, которые до сих пор продолжают сказываться на уровне жизни и состоянии здоровья ее населения. Только при условии признания этих реалий и решения указанных проблем возможным станет налаживание двустороннего межгосударственного диалога между Южной Осетией и Грузией в качестве равноправных субъектов международного права и международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Далее см.: Шеина А. В., Банько Н. А., Карташов Б. А.. Конфликтология. *Учебное пособие*. Волгоград, 2013 // <https://docplayer.ru/73910791-A-v-sheina-n-a-banko-b-a-kartashov-konfliktologiya.html> дата обращения 22.08.2019. Лопарев, А. В. Конфликтология : учебник для академического бакалавриата / А. В. Лопарев, Д. Ю. Знаменский. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 290 с.

2. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник. - М.: ИНФРА-М, 2004. - 240 с.

3. Буртовая Е. В. (сост.). Конфликтология. Учебное пособие. 2002 // <https://uprava-perovo.ru/burtovaja-e-v-konfliktologija-uchebnoe-p> дата обр. 23.08.2019

4. См.: Буртовая Е. В. (сост.). Конфликтология. Учебное пособие. 2002 // <https://uprava-perovo.ru/burtovaja-e-v-konfliktologija-uchebnoe-p> дата обр. 23.08.2019

5. Там же.

6. См.: Хохлов А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учебное пособие / А. С. Хохлов. – Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. – 312 с.

7. Краткая объяснительная записка к постановлению Ревкома и парткома Южной Осетии от 6-8 сентября 1921 года // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994. - С. 298.

8. Ледович Т. С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. - Ставрополь, 1999. - С. 17.

9. Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. -1993. - 28 авг.

10. Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. - 1993. — 28 авг.

11. Нодиа Гиа. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерс. - М., 1998. - С. 46.

12. Лефель А. Причины вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР // <http://alefel.narod.ru>

13. Коротеева В.В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. - М., 1999. - С. 52.

14. Smith A. The Ethnic origins of nations. - Oxford, 1986. - P. 137-138.

15. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь, 2001. - С. 50.

16. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. - М., 1998. - С. 38.

17. Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и возможностях его мирного урегулирования // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994. - С. 330.

18. Личный архив А.Г. Маргиева: Сборник документов и материалов. - Т. 1. - С. 15.

19. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. - Тбилиси, 1960. - Кн.1. - С. 7.

20. Дмитриев А.В. Конфликтология. - М., 2002. - С. 81.

21. Кочиев Л. Н., Дзайнукова М. И. К вопросу о международных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии: Сб. научн. трудов. - Владикавказ, 2000. - Вып. 3. - С. 69.

22. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь, 2001. - С. 207.

23. Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. - 1993.-№ 4. - С. 11.

24. Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. - М., 1996. - С. 97.

25. Шейнис В. Л. Национальные проблемы и Конституционная реформа в РФ // Полис. - 1993. - № 3. - С. 45.

26. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 247-249.

27. Нахушев В.Ш. Основы позитивного межнационального диалога и субъект-субъектных отношений этнонаций // Этнические конфликты и их урегулирование : взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. .- С.71.

28. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 299. (-669 с.)

29. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). Под редакцией Е.И.Степанова.- М.: Эдиториал УРСС,1999. – С. 326.

30. Тания Л.И. Общественное мнение и грузино-абхазский миротворческий процесс // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: Сб. статей / Под ред. Е.М.Кожокина; Рос. ин- т стратегич. исслед. – М., 2002. – Вып. 14. – С. 82.

31. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь, 2001. - С. 208.

32. Там же. - С. 208.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю. В. Грузия: перемены в общественном сознании // Социс. - 1995. - №12.
2. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). - Ростов-на-Дону - Пятигорск, 2002.
3. Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. - Владикавказ, 1999. - С. 263.
4. Буртовая Е. В. (сост.). Конфликтология. Учебное пособие. 2002 // <https://uprava-perovo.ru/burtovaja-e-v-konfliktologija-uchebnoe-p> дата обр. 23.08.2019
5. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
6. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: Учебник. - М.: ИНФРА-М, 2004. - 240 с.
7. Гвасалиа Дж. Шида Картли и осетинская проблема // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994. - С. 74 - 88.
8. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. - Тбилиси, 1960. -Кн.1.
9. Дзарасов С. Анатомия конфликта // Южная Осетия: и кровь и пепел. - Владикавказ, 1991.
10. Дзедзисашвили Кахабер. Масс-медиа и конфликты на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. - 1999. -№6. - <http://www.ca-c.org>
11. Дмитриев А.В. Конфликтология. - М.: Гардарики, 2002.
12. Жоржолиани Георгий. Защита прав национальных (этнических) меньшинств. АН Грузии. Центр по исследованию межнациональных отношений. - Тбилиси, 1999.
13. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. - М., 1996.
14. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1995.
15. Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. -1993. - 28 авг.
16. Дмитриев А. В. Конфликтология: Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 320 с.
17. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова - М., 1999.
18. Кочиев Л. Н., Дзайнукова М. И. К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии: Сб. научн. трудов. - Владикавказ, 2000. - Вып. 3.

19. Краткая объяснительная записка к постановлению Ревкома и парткома Южной Осетии от 6-8 сентября 1921 года // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994. - С. 298.

20. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1984. - С. 259.

21. Личный архив А.Г. Маргиева: Сборник документов и материалов. - Т. 1.

22. Ледович Т. С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. - Ставрополь, 1999. - С. 17.

23. Лопарев, А. В. Конфликтология : учебник для академического бакалавриата / А. В. Лопарев, Д. Ю. Знаменский. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 290 с.

24. Лысихин И. Е. Духовные факторы возникновения и обострения конфликтных ситуаций // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – Вып. 7.

25. Маргиев В. К вопросу о статусе Южной Осетии // Дарьял. - 1993. - №3.

26. Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и возможностях его мирного урегулирования // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994.

27. Медоев Д. Южная Осетия: право на свободу // Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. - Цхинвал, 1996.

28. Мирский Г. И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. - 1997. - №2.

29. Никитин А. И., Хлестов О. Н., Федоров Ю. Е., Демуренко А. В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. - М., 1998.

30. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. - С. 34.

31. Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994.

32. Пять лет Республике Южная Осетия. Официальные материалы. - Цхинвал, 1996.

33. Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: эгоцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 1. – С. 55–56.

34. Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. – М., 1996. С. 205.

35. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). - М.: Наука, 2001.
36. Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. – 1990. – № 12. –С.8.
37. Тотадзе А. Осетины на грузинской земле // Осетинский вопрос. - Тбилиси, 1994.-
38. Цуциев А. А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. - 1999. - №2.
39. Хохлов А. С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учебное пособие / А. С. Хохлов. – Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2014. – 312 с.
40. Шеина А. В., Банько Н. А., Карташов Б. А. Конфликтология. Учебное пособие. Волгоград, 2013 // <https://docplayer.ru/73910791-A-v-sheina-n-a-banko-b-a-kartashov-konfliktologiya.html> дата обращения 22.08.2019
41. Южная Осетия 1988-1992 (хроника событий грузинской агрессии). - Цхинвал, 1996.
42. Skurbaty Z. As if peoples mattered. A critical Appraisal of 'Peoples' & 'Minorities' from the International Human Rights Perspective & Beyond. - The Hague, the Netherlands., 2000.

Санакоев И.Б.

**ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ
КУРС ЛЕКЦИЙ**

*Рекомендован Учебно-методическим управлением ЮОГУ в
качестве учебного пособия для студентов гуманитарных
специальностей высших
учебных заведений*

Компьютерная верстка – Никонова М.Т.

Формат 60x90 1/16. Печать лазерная
Уч. изд.л. 31,1. Усл.печ.л. 33
Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ЮОГУ
г.Цхинвал, пл. Привокзальная
Цхинвал, 2019 г

**ХИПУ-ЙЫ
ТИПОГАФИ**

РХИ, с.Цхинвал, Вогзалгерон фазуат.
ХИПУ-йы гымдзарендон, 1 уеладзыг
+7 (929) 806 22 26
yogu.typo@mail.ru